

30.001/ С 67

Н.А. Сотавов

**КРАХ
«ГРОЗЫ ВСЕЛЕННОЙ»
В ДАГЕСТАНЕ**

instituteofhistory.ru

9(501)
С 67

Н.А. Сотавов

**Крах «Грозы Вселенной»
в Дагестане**

**NOT FOR
PUBLIC RELEASE**

DEPARTMENTAL

Махачкала 2013

ББК 63.3 (2Р-6Д)
УДК 94 (470.67)
С-67

Сотавов, Н.А.

С-67 Крах «Грозы Вселенной» в Дагестане : Монография / 2-е изд.,
расп. и доп. – Махачкала: ИД «Эпоха», 2013. – 304 с.

В монографии, посвященной 270-летию разгрома Надир-шаха, на основе многочисленных архивных материалов, трудов отечественных и зарубежных авторов всесторонне раскрывается героический подвиг народов Дагестана, сокрушивших «непобедимые» полчища «Грозы Вселенной».

Новизна и значимость книги – в углубленном освещении регионального и международного значения борьбы и победы дагестанцев над грозным противником как следствие их героизма, патриотизма и небывалого единства, передаче событий глазами участников, очевидцев и современников.

Работа представляет интерес для всех, кто озабочен воспитанием подрастающего поколения в духе дружбы и взаимопонимания народов на героических, свободолюбивых, интернационалистских традициях наших предков.

183045

ББК 63.3 (2Р-6Д)
УДК 94 (470.67)

Автор выражает глубокую благодарность Председателю Общественной палаты РД Гамзатову Гамзату Магомедовичу за помощь в издании монографии. Выражает признательность ответственному редактору, доктору исторических наук, профессору Умаханову Магомед-Саламу Курбановичу, авторам предисловия докторам исторических наук, профессорам Алиеву Багомеду Гадаевичу и Нахибашеву Закари Муртузовичу.

367030 Махачкала-30
ул. М. Ягасского, 75
НБ Д-1 РАН

© Сотавов Н. А., 2013
© ИД «Эпоха», 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дагестан, расположенный между Европой и Азией, Черным морем и Каспием, на главных коммуникациях, ведущих в Закавказье, на Ближний и Средний Восток, вызывает неослабевающий интерес правителей и народов различных стран и направлений на протяжении истории. Вместе с тем отмеченное геополитическое положение Дагестана стало притягательным фактором для неоднократных вторжений иноземных агрессоров. Не случайно поэтому история Дагестана изобилует многочисленными примерами освободительной борьбы против нашествий древних кочевников, монголо-татар, Тимуридов, Сефевидов, османов, царских колонизаторов и других завоевателей.

Однако при всей важности каждого из этапов такой борьбы для своего времени следует отметить, что по своим масштабам, накалу событий, региональным и международным последствиям особое место среди них занимают освободительная борьба народов Дагестана против владычества Надир-шаха и антиколониальная борьба горцев Дагестана и Чечни против царизма под руководством имама Шамиля. Но даже при такой аналогии без преувеличения можно утверждать, что первым примером массового единства, дружбы и взаимной поддержки народов Дагестана против иноземных завоевателей стала самоотверженная борьба против нашествий Надир-шаха, завершившаяся его сокрушительным поражением.

Не случайно эта тема продолжает будоражить умы и сердца многих политиков, дипломатов, военных, путешественников, особенно исследователей от современников событий до наших дней. Плодом непреходящего интереса к этой проблеме стали многочисленные источники и литература, появившиеся у нас и за рубежом, не лишённые, однако, в отдельных случаях некоторой тенденциозности, а порой и фактических ошибок в освещении рассматриваемых событий.

Уместно отметить, что на этом фоне заметно выделяется подготовленная ко второму изданию монография профессора Н. А. Сотавова «Крах «Грозы Вселенной» в Дагестане», написанная на базе глубокого изучения прежних и появившихся за последние 11 лет новых источников, а также достижений отечественной и зарубежной историографии с объективной оценкой заслуг и упущений своих предшественников. Отличительная черта труда Н. А. Сотавова – в его фундаментальности, убедительности приводимых фактов и суждений путем сопоставления различных материалов в духе рекомендации к его переизданию Международной научной конференцией «Единство народов Дагестана в борьбе против иноземных завоевателей. К 270-летию разгрома войск Надир-шаха в Дагестане», состоявшейся 20 мая 2011 года.

Достоинство нового варианта исследования Н. А. Сотавова обусловлено и тем, что в нем представлены профессионально составленные карты походов Надир-шаха в Дагестан с обозначением основных маршрутов и мест сражений, что дает возможность ясно представить главные, судьбоносные события из череды многих сложных явлений военно-политического и дипломатического характера.

Научно - объективное отношение к предмету исследования позволило автору воссоздать героическую картину борьбы народов Дагестана против тирании Надир-шаха, их бессмертный подвиг, увековеченный разгромом 100-тысячной отборной армии «Грозы Вселенной», ускорившим крушение созданной им державы. Внимательное прочтение исследования автора убеждает в том, что окончательный разгром «непобедимой» армии Надир-шаха произошел в Нагорном Дагестане – Аварии и Лакии, под аулами Согратль, Чох, Обох, Меgeb, Кумух, Хурхи, Ури, Кули и других с завершением на поле Хициб у подножья Турчи-дага благодаря единству, взаимной поддержке, героизму, самоотверженности и политической воле, любви и преданности родному краю всех дагестанских народов, внесших решающий вклад в уничтожение иранского владычества в Дагестане и в целом на Кавказе.

В этой связи не вызывает сомнения, что победа народов Дагестана над «Грозой Вселенной» имела не только местное, но и международное значение, так как она приостановила продвижение полчищ шаха на Север с целью завоевания территорий Северного Кавказа, Крыма и Южной России. Сказанное важно и потому, что накануне Дагестанского похода он покорил Афганистан, Индию и Среднюю Азию, но получил надлежащий отпор в дагестанских горах, развеявший в прах обретенную им славу на чужих полях.

На наш взгляд, монография Н. А. Сотавова, всесторонне раскрывающая различные аспекты исследуемой проблемы, имеет не только научно-познавательное, но и нравственно-политическое значение. В современных условиях идеологической неустойчивости и неопределенности, отсутствия твердых идеологических ориентиров воспитание молодежи на примерах дружбы и героизма народов Дагестана, любви

и преданности родному краю остается актуальной задачей не только политиков и государственных деятелей, но и ученых, творческой интеллигенции, средств массовой информации и т.д. Дума ется, что переиздание указанной монографии Н. А. Сотавова массовым тиражом, значительно переработанной в свете нынешних реалий, дополненной и расширенной новыми материалами, сыграет положительную роль в решении этой задачи.

*Б.Г. Алиев,
доктор исторических наук, профессор*

*З.М. Нахибашев,
доктор исторических наук, профессор*

instituteofhistory.ru

ВВЕДЕНИЕ

Как показывает мировой опыт, пробуждение национального самосознания многочисленных народов и этносов в современных условиях вызывает живой интерес к историческому прошлому, возрождающему в памяти потомков героические подвиги наших предков в борьбе против иноземных завоевателей. Однако сопутствующее этому пробуждению обострение межнациональных отношений, обусловленное серьезными извращениями в национальной политике в предшествующий период и отдельными проявлениями такого же рода симптомов в нынешних условиях, подрывающими устои нашего общества, ставит задачу освещения таких страниц истории народов нашей страны, которые свидетельствуют об их глубоком интернационализме, взаимной помощи и поддержке в час тяжелых испытаний.

Одной из таких эпопей в истории народов Дагестана стала освободительная борьба против завоевательных походов Надир-шаха в 1734-1745 гг., завершившаяся поражением многочисленной армии «непобедимого полководца», завоевателя Востока, «Грозы Вселенной», каким его считали многие современники. Разгром объединенными силами дагестанских народов прославленных на чужих полях воинов шаха, особенно в 1741 г., имел не только местное, но и широкое международное значение. Не случайно эта весть отозвалась эхом в Петербурге и Стамбуле, стремившимся воспользоваться поражением Ирана и овладеть Дагестаном как важнейшим стратегическим плацдармом на побережье Каспия. Не оставили без внимания события в Дагестане и западные державы – Англия и Франция, вставшие на путь колониальной политики, существенным звеном которой стало противоборство за влияние на Кавказе и в Прикаспийском регионе, выступая с позиции антироссийского «восточного барьера», в поддержку геополитических соперников России – Ирана и Турции.

Новым явлением в ходе борьбы против иранских завоевателей стало то, что народы Дагестана, поддерживаемые другими

народами Кавказа, проявили не только понимание общности задач, героизм и упорство, но и сделали политически верный внешнеполитический выбор – ориентацию на Россию, что способствовало качественному сдвигу в развитии русско-дагестанских и российско-кавказских отношений. Излишне доказывать, что выявление таких страниц в истории народов нашей страны, особенно Дагестана, и их широкая пропаганда могут послужить достижению важной политической цели – интернациональному и патриотическому воспитанию молодежи и укреплению дружбы народов в составе России.

Активная деятельность, начатая в связи с 250-летием разгрома Надир-шаха в 1991 г. в виде публикации газетных и журнальных статей, организации массовых батальных инсценировок, выпуска документальных кинолент, проведения научных конференций и т.п., стала лишь началом той большой работы, значение которой трудно переоценить. Первыми свидетельствами новой активизации в этой области явились монографические исследования профессора В. Г. Гаджиева («Разгром Надир-шаха в Дагестане». Махачкала, 1996) и автора этих строк («Крах «Грозы Вселенной»». Махачкала, 2000).

Однако стимулирующей базовой основой для проведения повседневной, целенаправленной, широкомасштабной идеологической работы и дальнейших изысканий по теме монографии послужили открытие 13 августа 2004 г. величественного мемориального комплекса «Ватан» у подножия Турчидага на поле Хициб и выступление на этой церемонии Председателя Госсовета РД М. М. Магомедова, посвященное победе объединенных сил дагестанских народов над полчищами Надир-шаха. Следующим перспективным, политически важным шагом на этом пути стало содержащееся в докладе Президента Республики Дагестан М. М. Магомедова на III Съезде народов Дагестана 15 декабря 2010 г. весьма обоснованное, конкретное предложение о целесообразности объявить победу дагестанских народов над чужеземными захватчиками, в том числе над Надир-шахом, Днем единства народов Дагестана в виде ежегодного национального праздника.

Однако проведение этой важной работы сопровождается иногда явным популизмом – выделить роль одних народов и их представителей в разгроме Надир-шаха и принизить роль других народов, что наносит ущерб укреплению дружбы между ними, воспитанию молодежи в духе славных традиций, завещанных нам героическими предками. В отдельных сочинениях встречаются неточности хронологического порядка, необоснованные оценки деяний противоборствующих сторон, количественных данных об их победах и потерях, что не может не сказаться на объективном восприятии событий читателем.

В этой связи представляется актуальным дальнейшее издание монографических и других исследований по рассматриваемой проблеме, написанных на основе достоверных документальных и нарративных источников, новейших достижений отечественной и зарубежной историографии, повествующих о событиях глазами их участников, очевидцев и современников. Сказанное прежде всего относится к новым данным, содержащимся в работах, появившихся за последнее десятилетие, а также в материалах научных конференций и «круглых столов», состоявшихся в связи с 270-летием разгрома Надир-шаха в 2011 г. Цель настоящей работы – показать роль народов Дагестана в разгроме полчищ «непобедимого» Надир-шаха, что увековечило их подвиг в памяти потомков.

Для достижения этой цели необходимо выяснить значение дагестанских походов Надир-шаха среди многочисленных походов, совершенных им в период возвышения и правления в Иране (1732-1747). Эти походы, затронувшие судьбы многих стран и народов – от отрогов Главного Кавказского хребта на западе до Индийского океана на востоке и от южных границ России по Тереку на севере до Персидского залива на юге, составили фактически основной стержень военно-политических событий в указанных географических пределах.

Но главное внимание Надир-шах уделит Кавказскому региону, в частности Дагестану, овладение которым сулило гегемонию не только над этим стратегически важным плацдармом,

но и контроль над коммуникациями, связывавшими Черное море с Каспием, Юго-Восточную Европу с Передней Азией, ведущими в Закавказье, на Ближний и Средний Восток.

Кавказский регион по существу стал судьбоносным для Надир-шаха Афшара. Именно здесь, в долинах и горах Кавказа, особенно Дагестана, были разгромлены многочисленные отборные войска надменного завоевателя, овеянные славой блестящих побед в Афганистане, Индии и Средней Азии, закаленные в кровопролитных войнах с Османской империей. В цепи этих событий особенно выделяется героический подвиг народов Дагестана, нанесших захватчикам такой сокрушительный урон, от которого они не смогли оправиться. Не случайно походы Надир-шаха в Дагестан привлекли внимание наибольшего количества исследователей различных стран и направлений, посвятивших этой проблеме немало трудов документального, мемуарного и исследовательского характера. Среди них – записки современников, непосредственных участников и очевидцев событий, работы отечественных и зарубежных авторов вплоть до наших дней.

Таким образом, учитывая политическую значимость описываемых событий и возросший интерес к ним массовой читательской аудитории, с одной стороны, а также допущенные отдельными авторами неточности при интерпретации этих событий, с другой стороны, представляется целесообразным осуществить специальный анализ используемых источников и литературы с точки зрения как содержащегося в них фактического материала, так и суждений концептуального характера. Заинтересованному читателю небезразлично узнать, какие источники и труды используются авторами при освещении данной темы, насколько объективно и достоверно доносят они до нас отголоски давно минувших, но не потерявших своей значимости по сей день событий.

ГЛАВА I ПОХОДЫ НАДИР-ШАХА В ДАГЕСТАН В ИСТОЧНИКАХ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

§ 1. Отражение походов Надир-шаха в сочинениях отечественных авторов XVIII-XIX вв.

Одной из значительных и ранних работ, повествующей о военно-политических событиях на Кавказе с начала XVIII в., особенно о завоевательных походах Надир-шаха, является анонимная «Хроника», составленная современником и очевидцем событий в их строго хронологической последовательности. Наряду с описанием многочисленных антииранских восстаний в регионе, автор отвел центральное место освещению событий в родном крае – Джаро-Белоканах, стоявших на пути иранской агрессии в Дагестан.

Касательно темы монографии в «Хронике» для нас представляют интерес сообщения автора о походах Надир-шаха в Закавказье, Ширван и Дагестан в 1734, 1735, 1741-1745 гг. Хотя изложение автора носит сжатый, фрагментарный характер, он, тем не менее, сумел увидеть и осветить главное – захватнический, грабительский, истребительный характер политики Надир-шаха, что вызвало решительный отпор со стороны свободолюбивых народов Кавказа. Так, описывая способы сбора налогов в начале 1735 г. в сел. Биладжик (в 20 км северо-восточнее Нухи. – Н.С.), автор подчеркивает, что «он (Надир) так жестоко и несправедливо собирал харадж, что население восстало против него, вызвало отряды из Джаниха, Талы и других мест, двинулось против него, перебив много воинов, и захватило их имущество».¹

Естественно, что по своей значимости, характеру и масштабам более подробное освещение в «Хронике» нашли поход брата Надир-шаха Ибрагим-хана на Джаро-Белоканы в 1738 г. и Дагестанская кампания «Грозы Вселенной», проводившаяся

¹ Хроника войн Джара в XVIII столетии. Баку, 1931. С. 19.

в 1741-1745 гг. Так, касаясь первого из них, где было разгромлено 38-тысячное иранское войско и погибли виднейшие иранские военачальники, автор повествует: «А перед горой Джаних в этом бою кизилбаши были разбиты и обратились в бегство, потеряв убитыми Ибрагим-хана - главнокомандующего армией, Огурлу-хана, Авшар-хана, Беркусай-хана, Моурави Хизихари, Керим-агу, векиля Казиха и других ханов, сулганов и воинов. От них досталось много добычи, в том числе 1500 ружей, три пушки, другие вещи. Убежали также коменданты окопов Каха, Шеки и Ширвана. После этого сражения джарцы и талийцы захватили округа Шеки и Каха».²

В «Хронике» нашли отражение совместные действия народов Дагестана, Азербайджана и Грузии против зарвавшихся захватчиков.³ Скупо, но конкретно описываются последующие нашествия Надир-шаха в Дагестан, среди которых важное место занял третий - Дагестанский поход 1741 г., закончившийся неслыханным поражением надменных завоевателей в Аварии и Лакии.

Подводя итоги совместной борьбы народов Дагестана в андалалских сражениях, автор заключает, что в этих битвах шах потерял «почти половину своей армии, всех лошадей, много оружия, личных драгоценных вещей и т. п.»⁴ В «Хронике» немало страниц, свидетельствующих о неоднократных поражениях иранских завоевателей в последующие годы, жестоких расправах карателей над местным населением, вмешательстве России и Турции в кавказские дела, сношениях предводителей «вольных» обществ с соседними государствами и правителями.⁵

Непосредственное отношение к теме имеют работы дагестанских исследователей Д.-М. Шихалиева и А. З. Каяева. Первая из них отличается точным определением стратегической роли Дагестана в военно-политических событиях

² Там же. С. 20

³ Хроника войн Джара. С. 29-30.

⁴ Там же. С. 36

⁵ Там же. С. 38-40.

евразийского пространства⁶; во второй работе предпринята попытка сбора материала для написания истории разгрома Надир-шаха в Дагестане.⁷

Некоторое отношение к нашей теме имеют работы двух армянских историков - Абраама Креатаци и Акопа Шемахеци. Первый из них, пользовавшийся благосклонным отношением Надир-шаха, ставший по его воле патриархом Эчмиадзинского монастыря с 1734 по 1735 гг., старавшийся облегчить положение армянского населения, вел подробный «Дневник» событий своего времени. В нем отразились данные об экономическом состоянии Армении и Азербайджана в 30-х годах XVIII в. Автор характеризует области, разоренные ирано-турецкими войнами и иноземной оккупацией в начале 30-х годов, приводит многочисленные факты, связанные с налоговой политикой Надир-шаха и вызванным ею голодом, описывает произвол местных властей, свидетельствует о тяжелом положении крестьянства. Ценными для нас в сообщениях А. Креатаци являются сведения об организации феодального войска, структуре государственного аппарата, социальной политике Надир-шаха и ее последствиях.⁸

Другой армянский духовный деятель Акоп Шемахеци был преподавателем, а с 1759 г. - католикосом Эчмиадзинского монастыря. Свое сочинение, составленное в виде дневниковых записей, он посвятил описанию русско-иранских и русско-турецких отношений, а также военных действий в Иране, Ираке и на Кавказе с момента восшествия Надира на шахский трон. В записках Шемахеци наиболее интересны его наблюдения и характеристика личных качеств Надир-шаха Афшара, которые подтвердились в его дальнейшей деятельности. Так,

⁶ Шихалиев Д.-М. Рассказ кумыка о кумыках. Махачкала, 1993. С. 19, 20, 21.

⁷ Каяев А. З. Разгром Надир-шаха в Дагестане // Наш Дагестан, 1991. N 2. С. 13-20.

⁸ Креатаци Абраам (Ереванци). История войн 1721-1736 гг. Ереван, 1939. С. 37, 39, 43, 49.

касясь свержения шаха Тахмаспа в 1732 г., а затем убийства его сына Аббаса III и созыва Надиром Муганского курултая для объявления себя шахом Ирана в 1736 г., чего он добился путем запугивания одних и подкупа других, автор приходит к выводу: «И возвратились по домам своим эти одураченные, и не поняли бедные, что властелин, не пощадивший шаха их, так же поступит с ними, ибо связывающий слабого, намерен разгромить и дом его, а также убивающий садовника не пощадит и сада его - и они, овцы, ставят своим пастырем волка».⁹

Несколько шире военно-политические события в Закавказье и Иране в 20 -30-х гг. трактует «Армянская анонимная хроника», переведенная и изданная академиком З. М. Бунятовым. Начиная изложение событий с захвата Ирана афганцами и воцарения Мир-Махмуда, основное внимание автор уделяет османо-иранским взаимоотношениям и войнам периода правления шаха Тахмаспа II и Надир-шаха Афшара. Применительно к нашей теме автор сообщает, что после захвата Шемахи в 1734 г. Надир-шах подчинил жителей своей власти, «заставил платить дань и взыскал с них много денег».¹⁰ Вместе с тем, касаясь взаимоотношений Надира с грузинскими князьями, военных действий с Турцией в Армении, Азербайджане, Грузии и Ираке, автор раскрывает тактику ведения им боя с противником, что представляет непосредственный интерес и для нас: «Он нападал на врагов внезапно и сеял среди них панику только потому, что совершал молниеносные броски, преодолевал за одну ночь трехдневный путь и за один день - четырех-пятидневное расстояние. Поэтому в пути гибло много лошадей, и потери в них надо было восполнять».¹¹

Сам Надир-шах, касаясь осады и взятия армянского города Сунадана в июне 1735 г., так объяснил свой замысел: «Мои

9 Цит. по: Тер-Аветисян С. В. Походы Тахмас Кули-хана и избрание его шахом в описании Акопа Шемахеци. Ереван, 1932. С. 17.

10 Армянская анонимная хроника 1722-1736 гг. Изд. 2-е. Баку, 1988. С. 53.

11 Там же. С. 55.

храбрые офицеры! Знайте, что если османские войска выйдут из своих укреплений, то Аллах отдаст победу нам, а если они не выйдут, то победа будет дарована им. Поэтому мы сначала бросимся на них, и, как только они откроют на нас огонь, мы сделаем вид, что отступаем, и станем отходить назад, чтобы они вышли из укрепления и стали нас преследовать. И как только они выйдут из-за укреплений, мы внезапно повернем назад и заставим противника бежать, и его оборонительные порядки будут разрушены».¹²

Заметное место среди сочинений современников занимают путевые заметки И. Я. Лерха - члена посольства С. Д. Голицына, дважды посетившего Дагестан, Азербайджан и Иран в 1733-1735 гг. и в 1745-1747 гг. Записки Лерха в виде извлечений из его труда опубликованы в «Новых ежемесячных сочинениях» (СПб., 1790, ч. 43, 44, 45, 48, 50, 53; 1791, ч. 55, 58, 61, 62). Первая поездка Лерха по Кавказу и сопредельным территориям совпала по времени с кануном нашествий Надир-шаха в Ширван и Дагестан (1734-1735 гг.), когда через Северный Кавказ в Закавказье дважды устремлялись крымские войска, направленные туда турецким султаном на помощь своим войскам, терпящим поражение от иранцев. Лерх воочию наблюдал военно-политическую ситуацию в регионе, которая легла в основу его записок. «Кавказские горы и Кабарда, - писал он, находясь на Сулаке в апреле 1733 г., - представляют приятный вид. Татарские (местные. - Н. С.) князья, находившиеся в российском подданстве и имевшие определенное годовое жалованье, приезжали из гор для засвидетельствования своего почтения. Во уверение же своей преданности давали они заложниками (аманаты) нескольких своих детей».¹³

12 Там же. С. 55-56.

13 Лерх И. Я. Выписка из путешествия Иоанна Лерха, продолжавшегося от 1733 по 1735 год из Москвы до Астрахани, а оттуда по странам, лежащим на западном берегу Каспийского моря // Новые ежемесячные сочинения, ч. 43. - СПб., 1790. С. 8-9.

Однако походы крымских феодалов в 1733 и 1735 гг., на сторону которых перешли Сурхай-хан Казикумухский и Ахмед-хан Кайтагский, ускорили нашествие Надир-шаха Афшара, добивавшегося возвращения Ирану прикаспийских областей, находившихся под российской оккупацией со времени похода Петра I. Российское правительство, идя на активное сближение с Ираном, категорически выступало против усиления влияния Турции и Крыма, сурово расправляясь с их союзниками в регионе. Касаясь действий генерала В. Я. Левашова в отношении непокорных местных владетелей, имевших место в те годы, Лерх записал: «Он наказал также тех возмутителей спокойствия, кои чинили набеги, иных приказал повесить за ребра, а иным отрубить правую руку и левую ногу... При том не оставил он и тех без наказания, кои самые лучшие плоды из гор приносили. С тех пор настала паки на Сулаке тишина».¹⁴

Но тишина в этом крае сохранялась недолго. На этом фоне резким диссонансом звучат заметки Лерха, касающиеся нашествий Надир-шаха на Шемаху и Казикумух в 1734 и 1735 гг. Подводя итог этим экспедициям, Лерх подчеркивает, что после взятия Шемахи он «на тамошних обывателей великую наложил подать»,¹⁵ а после двукратного поражения Сурхай-шах отнял у него одну «горную крепость со всеми её сокровищами, что стоило невероятного труда».¹⁶ Завершается эта часть записок замечанием о том, что «когда шах Надир из Индии возвратился», то «вознамерился искоренить»¹⁷ горцев, изгнать их из гор, но описания военных действий в горах мы у него не находим.

Второе путешествие Лерха состоялось после краха завоевательных походов Надир-шаха в 1741-1745 гг. Не случайно записки этого периода отразили мрачную картину разоренного края и трагическое, бедственное положение самой иранской

14 Там же. С. 13.

15 Там же. С. 52.

16 Там же. С. 70.

17 Там же. Ч. 45. С. 20-21.

армии. «О бедственном состоянии персидской армии нечто еще упоминать можно, - повествует автор. - Она около 8 месяцев не получала жалованья. Солдаты, кизилбаши легко были одеты, без шуб... Большая часть их платья изнасилась; многие в разорванных сапогах или только в одном сапоге, а другие совсем босые шли по снегу и по грязи. Большая их часть была изнурена голодом: они просили милостыни и даже производили омерзение».¹⁸ Останавливаясь на отдельных эпизодах борьбы горцев против иранского владычества, Лерх приходит к выводу: «Чрез долговременное пребывание свое на Кавказе ничего он (шах. - Н. С.) не учинил, но разорил только свое войско, да и чрез то славу, приобретенную им чрез завоевание Могольского царства (Индии. - Н. С.), довольно затмил».¹⁹

Не остались без внимания Лерха и жестокие методы, которыми шах пытался восстановить дисциплину в своей разлагавшейся армии. По его словам, когда 700 человек из армии шаха на берегу Куры пытались бежать к горцам, они были окружены и возвращены в иранский лагерь, где над ними учинили жестокую расправу. «Большая часть из них по велению его (шаха. - Н. С.) лишилась глаз, а остальные голов, - пишет И. Я. Лерх. - Для страха другим построил он каменную башню, подобную конусу, которая имела в окружности 18 шагов, а вышиною была около 25 или 30 аршин. Вокруг сей башни приказал он в 12 рядов вделать в стены 192 человеческие головы так, что лица их снаружи были видны».²⁰

Интерес, проявленный современниками к Кавказу и кавказской политике Ирана, России и Турции в XVIII в., не угас и в последующий период. Среди таких исследователей конца XVIII-XIX вв., сочинения которых с различных сторон

18 Лерх И. Я. Известие о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию от 1745 по 1747 год // Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1790, ч. 50. С. 64.

19 Там же. С. 83.

20 Лерх И. Я. Известие о втором путешествии. Ч. 53. С. 32.

осветили стратегические цели противоборствовавших стран в регионе, средства и методы их достижения, особенно завоевательные походы Надир-шаха Афшара, выделяются П. Г. Бутков, А. П. Юдин, С. М. Соловьев, А. А. Бакиханов, Г. Э. Алкадари.

Академик П. Г. Бутков - участник Персидского похода 1796 г., долгие годы прослуживший на Кавказе, написал трехтомный труд, охвативший важнейшие военно-политические события этого региона с 1722 по 1803 гг. Это фундаментальное сочинение, отличающееся по богатству фактического документального материала от всех изданий XIX в., представляет собой изложение различных по характеру и содержанию многочисленных материалов, извлеченных из документов официального делопроизводства, государственных и личных архивов, письменных и устных источников, и содержит достоверные сведения экономического, политического, социального, военного и дипломатического характера, расширяющие данные других источников по этому кругу вопросов.

Среди них для нас представляют особую ценность сведения автора о позициях противоборствовавших сторон в регионе, походах Надир-шаха в Закавказье и Дагестан, антироссийских замыслах Турции и Ирана, поддержке агрессивной политики шахского двора на Кавказе западными державами, в частности Англией. Так, касаясь Дагестанской кампании шаха Надира, он пишет: «Надир в 1741 году обратился на восточную сторону Дагестана, имея более как в 100-тыс. войско... Не найдя в дагестанцах готовности к повиновению, он приказал учинить на них нападение в октябре 1741 г., но посланные от них (иранцев войска. - Н.С.) разбиты, и он принужден был в дербентской стороне остаться зимовать в земле усмия».²¹

• Достоинство труда Буткова - изложение материала на широком фоне международных событий, обилие и насыщенность

21 Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. В 3 ч. СПб., 1869, ч. 1. С. 211-212.

повествования многочисленными сведениями внутри- и внешнеполитического характера, определение позиций различных сторон, феодальных владетелей и старшин союзов сельских общин в регионе.

Бутков, более чем другие авторы, обратил внимание на непоследовательность акций Надир-шаха, на его попытки вторгнуться в российские пределы в случае успешного хода Дагестанской кампании. Так, рассматривая ирано-турецкий Эрзерумский договор 1736 г., противоречивший условиям русско-иранского Гянджинского трактата 1735 г., он заключает: «Этот мир Надира с Портою обманул ожидания России. Она для того наипаче уступила ему персидские провинции, чтоб имел Надир союзником, поражать турков в одно время в Европе, когда он занимал бы их в Азии».²² По мнению Буткова, антироссийские замыслы шаха проявились в том, что зимой 1742 г., после отступления из Кайтага и Табасарана, он замыслил внезапно захватить Эндирей и Костек, развернуть наступление в сторону Чечни и Кабарды, «напасть на Кизляр и вторгнуться в российские границы».²³

Отмечая поддержку Англией агрессивной политики шаха на Кавказе строительством морского флота, доставкой боеприпасов и провианта для его армии, Бутков подробно описывает крупнейшие сражения и мелкие стычки, в которых иранцы постоянно терпели неизбежное поражение. Итогом этого, по мнению автора, явилась жалкая, удручающая картина отступления иранской армии в феврале 1743 г. Голод был так велик в армии Надировой, - подчеркивает Бутков, - что из мертвых трупов человеческих маркитанты делали катламу, т.е. пирожки с мясной начинкою, и продавали. Столько людей померло и скота всякого звания пало от бескормицы, что от реки Самур даже до Шабрана, на расстоянии 55 верст, дорога человеческими трупами и падалищами устлана.²⁴ Подробные сведения

22 Там же. С. 215.

23 Там же. С. 220.

24 Там же. С. 227.

по дипломатической и военно-политической истории Кавказа со времени похода Петра I (1722 г.) до начала XIX в. обуславливают особую значимость исследования Буткова для написания данной работы.

Достойное место среди отечественных публикаций XIX в. занимает небольшая по объему, но богатая фактическим материалом работа А. П. Юдина. Основанная на донесениях российских резидентов И. И. Калушкина и В. В. Братищева за 1741-1742 гг., она раскрывает наглядную картину освободительной борьбы народов Кавказа против иранского владычества, губительные последствия завоевательной и грабительской политики иранских феодалов. Говоря о неимоверных усилиях шаха, прилагаемых для снабжения иранской армии, в том числе укрепления им своего лагеря близ Дербента («Иран хараб». - Н. С.), Братищев подчеркивает: «В лагерь персидский со всех стран и из дальних и близких городов свозился провиант, хотя с великою тягостию», так как «по жестокосердному шахову распоряжению во многих уездах, за неимением скота, женский пол оной (провиант) на себе стан от стана с горестным воплем переносить принужден, причем свирепые побудильщики бесчеловечно с обывателями поступают».²⁵

Вместе с тем опубликованные автором донесения русских дипломатов свидетельствуют об усилении внешнеполитической ориентации народов Кавказа на Россию, их героической борьбе против владычества Надир-шаха. Подтверждение тому - донесение В. Братищева, подводящее итог краху завоевательной политики Надира, о чем он писал: «Довольно показываются гнилые плоды действ его, что через два года в Дагестанской стороне достигнуть не мог, кроме что государство свое подорвал, народ истоцил, войско растерял и остальное крайне изнурил».²⁶

²⁵ Юдин А. П. Россия и Персия в конце 1742 г. (Из писем переводчика В. Братищева канцлеру А. Черкасскому) // Русский архив, 1889, кн. 1, ч. 3. С. 375.

²⁶ Там же. С. 381.

Значительный вклад в освещение внешней политики России, вступившей в противоборство с Ираном и Турцией на Кавказе, внес русский историк С. М. Соловьев. Его много томное сочинение «История России», написанное на основе огромного количества архивных, нарративных и других источников, охватывает важнейшие события внутренней и внешнеполитической истории России с древнейших времен до конца XVIII в. В хронологических рамках данной монографии для нас представляют интерес кн. X (т. 19-20) и кн. XI (т. 21-22), в которых содержится богатейший фактический материал, характеризующий кавказскую политику трех держав с начала эпохи дворцовых переворотов в России (1725 г.) до гибели Надир-шаха Афшара в Иране (1747 г.).

В первой из них (кн. X, т. 19) приводятся подробные данные о дипломатических переговорах и подписании ирано-турецкого и русско-иранского договоров 1727 и 1732 гг., которые послужили прелюдией к наступательной политике Надир-шаха в прикаспийских областях сначала против Турции, а затем и России. Выражая беспокойство турецкого двора по этому поводу, С. М. Соловьев заключает, что «у Порты довольно было чаду в голове от персидских дел».²⁷ На страницах этой книги картины дипломатических переговоров чередуются с военными действиями между османами и иранцами на Кавказе и подготовкой к отправке крымских войск к театру военных действий через территорию Северного Кавказа. В следующем томе этой же книги мы наблюдаем развернутую картину боевых действий на территории Чечни и Дагестана между русскими и крымскими войсками, с одной стороны, и османами и иранцами в Закавказье - с другой, что ускорило возвращение Ирану прикаспийских областей и Дагестана до Сулака по Гянджинскому договору 1735 г. Оценивая негативно капитулянтскую политику немецких правителей России из окружения Э.-И. Бирона, С.

²⁷ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. X, т. 19. М., 1963. С. 282.

М. Соловьев отвергает их фальшивый тезис о том, что эти области стали обузой для России, «служба кладбищем для русского войска».²⁸ Изложение событий в этих томах завершается победой Надир-шаха над османами в Иране, первыми вторжениями его в Дагестан и Ширван и восшествием на престол в 1736 г.

Более содержательный и конкретный материал о кавказской политике Надир-шаха и ее последствиях приводится в следующей, XI кн. С. М. Соловьева (т. 21-22). В этих томах автор дает образную характеристику личности Надир-шаха, раскрывает его гегемонистские замыслы, показывает жестокость, высокомерие, подозрительность и другие черты характера, которые оказывали пагубное влияние на его ближайшее окружение. Так, ссылаясь на донесения И. И. Калужкина, находившегося в свите шаха во время победоносного Индийского похода, автор пишет: «Прежде хотя с трудом, однако еще можно было говорить о делах, а теперь так неслыханно возгордились как шах, так и все его министры, что и подступиться нельзя: шах только и говорит, что нет в свете государя, которого можно было бы с ним сравнить, на какое государство оборотит свою саблю, то сейчас же покоряется, причем ругает скверными словами то Великого Могола (индийского императора. - Н.С.), то султана турецкого, не обходя жен и детей, причем не говорит, а кричит во все горло. Подражая государю, министры и придворные, набранные вновь из последней подлости, ни с кем говорить не хотят».²⁹

Однако Соловьев верно уловил, что высокомерие шаха и его сановников сменилось паникой после катастрофического поражения в пограничных районах Аварии и Лакии, оказавшего существенное влияние на политику противоборствовавших сторон. Отметив, что «слух о движении русских полков к Кизляру заставил Надира приутихнуть», он подчеркивает, что «шах с большим уроном должен был поспешно отступить от Аварских гор, плача от досады, произнося хулы на бога».³⁰

²⁸ Там же. Кн. X, т. 20. С. 298.

²⁹ Там же. Кн. XI, т. 21. С. 86-87.

³⁰ Там же. С. 88.

По словам Соловьева, поражение в Дагестане произвело на шаха тяжелое впечатление, привело в состояние психического расстройства, вынудило обратиться к индийскому астрологу для предсказания своей судьбы. Подчеркивая, что шах в глубоком отчаянии признался, что «или сам пропадет и все свое войско погубит, или добьется того, что весь Дагестан обратит в пепел», Соловьев полностью солидаризуется с мнением Калужкина: «Напрасно он столько труда принимает, потому что и без волшебства знать можно, что он скорее все свое войско растеряет и сам пропадет, нежели лезгинцев покорит».³¹

В работе Соловьева немало примеров усиления пророссийской ориентации горских народов в борьбе против иранского владычества, которое поддерживалось английской торговой компанией в России («Russland company») в лице капитана Джона Эльтона, чья деятельность имела также явно выраженную антироссийскую направленность. По мнению Соловьева, хотя после поражения в Дагестане Надир по-прежнему продолжал источать угрозы в адрес России, фактически теперь «самым сильным побуждением к походу в Россию служило для Надира заглавить бесславие неудачного похода против горских народов».³²

Определенный вклад в изучение истории отдельных частей Кавказа и сопредельных стран внесли местные исследователи XIX в. - А. А. Бакиханов и Г. Э. Алкадари. Первый из них - известный азербайджанский ученый и просветитель Аббас-Кули-Ага Бакиханов написал сочинение, посвященное истории Дагестана и Ширвана с древнейших времен до 1813 г. Как отмечает в предисловии подготовивший к изданию этот труд академик АН Азербайджана З. М. Бунятов, благодаря знанию и использованию различных источников на русском и основных восточных языках автором создана «первая книга, которая содействовала формированию национального самосознания азербайджанского

³¹ Там же.

³² Там же, т. 21. С. 199; т. 22. С. 454-455, 496-498.

народа».³³ Извлечения из этого труда, касающиеся Дагестана, были опубликованы ранее отдельным изданием.³⁴

Изложение событий касательно кавказских походов Надир-шаха мы находим в 4-м разделе сочинения Бакиханова, озаглавленном «От вступления на престол Сефевидов до смерти Надир-шаха (906/1501-1160/1747 гг.)». Следует отметить, что в этой части сочинения походы Надир-шаха преподносятся на широком фоне международных событий, хотя сами походы освещены не в равной степени, охватывая более подробно события, которые происходили на территории Азербайджана. Подтверждение тому - анализ автором военно-политических предпосылок и описание походов Надира на Ширван и Дагестан в 1734 и 1735 гг. и на Джаро-Блоканы накануне Дагестанского похода в феврале 1741г.

Имея в виду, что первые два похода на Ширван и Дагестан нашли определенное место в работе Бакиханова, следует все же отметить более детальное и более глубокое освещение событий, происходивших на территории Азербайджана в преддверии третьего Дагестанского похода. Правильно отмечая тот факт, что подготовку к походу на Дагестан шах начал на обратном пути из Индии, для чего он предварительно отправил в Ширван прославленного полководца Гани-хана Абдали, он уточняет масштабы и силы, задействованные для разгрома джарских джамаатов и создания стратегического плацдарма на подступах к Дагестану.

«Фатх Али-хан, Коса Ахмед-Лу и Мехмед Али-хан, сардар азербайджанский, с 15 тысячами хорасанских войск и все начальники Грузии, - перечисляет автор эти силы и их дальнейшие действия, - получили приказание участвовать в походе Гани-хана. 23 февраля 1115г.³⁵ (1741 г.) соединенные войска при-

33 Бакиханов А. А. Гюлистан- и Ирам. - Баку, 1991. С. 4.

34 О походах Шах-Надира в Дагестан. // Сборник газ. «Кавказ». Т. 1. Тифлис, 1846. С. 228-248.

35 Здесь опечатка: должно быть 1153 - Н. С.

были на берега Алазани. Лезгины укрепились в трех пунктах: в Джаре, Каныхе и Агзыбуре. Военные действия начались осадой Джара».³⁶ Описывая далее падение Каныха и Агзыбира, Бакиханов заключает: «Лезгины, отрезанные с северной стороны и не видя возможности спастись, бросались со скал в пропасть. Те же, которые не имели такой решительности, погибли под кинжалами победителей... Вся провинция была опустошена до такой степени, что от заселенности не осталось почти никаких признаков».³⁷

Далее Бакиханов приступает к описанию непосредственно решающего, третьего Дагестанского похода Надира-шаха, но об этом сказано чрезвычайно скупно и с некоторыми хронологическими смещениями, вводящими иногда в заблуждение читателя. Он утверждает: «Надир-шах после завоевания весною 1154 (1742) г. Бухары и Хорезма двинулся на Дагестан... 2 июля того же года через Барду, Кабалу и Шах-даг Надир-шах прибыл в Казикумык. Лезгинские племена, на пути его следования, доставляли войску продовольствие. В Казикумыке к нему явились шамхал, уцмий, Сурхай-хан со многими почетными лицами Дагестана. Одарив их дорогими почетными одеждами, шах в начале августа предпринял поход в Аварию. После крупных военных действий в Андалалском округе, близ деревни Чох, он потерпел поражение и вынужден был отступить без всякого успеха».³⁸

К сожалению, повествуя подробно о событиях на территории Закавказья, Бакиханов ограничился этим кратким абзацем для характеристики первого, самого решающего и катастрофического поражения Надир-шаха за всю историю его военных походов, развеявшего миф о «непобедимости» «Грозы Вселенной», оказавшего судьбоносное влияние на положение в его армии и империи в целом. К тому же в этом контексте

36 Бакиханов А. А. Гюлистан-и Ирам. С. 146.

37 Там же.

38 Там же. С. 146-147.

допущены две неточности: во-первых, этот поход состоялся не в 1742, а в 1741 г.; во-вторых, предано забвению героическое сопротивление дагестанских народов на каждом шагу, что оказало влияние на феодальных правителей - Сурхая и уцмия Ахмед-хана, боровшихся с противником до последней возможности, а не сдавшихся покорно надменному завоевателю, как это утверждается в приведенной цитате. Донесения многочисленных очевидцев, воочию наблюдавших эти сражения, - наглядное тому подтверждение.

Напротив, завоевательные походы Надир-шаха Афшара с большим акцентом на дагестанскую почву изображены в работе местного ученого и просветителя Гасана-эфенди Алкадари. Его сочинение, посвященное историческим событиям в Дагестане с древнейших времен, содержит 7-ю главу «О событиях после появления Надир-шаха в Дагестане до момента убийства его и распада Надировой державы», с которой непосредственно соприкасаются отдельные вопросы нашей монографии.

В ней Алкадари, как и Бакиханов, описывает первые два похода Надир-шаха в Шемаху и Казикумух, предпринятые в ответ на нашествие крымских феодалов во главе с калгой Фетхи-Гиреем в 1733 г. и крымским ханом Каплан-Гиреем в 1735 г. Касаясь первого из этих походов, состоявшегося в 1734 г., автор характеризует основные сражения, в частности сражение, происшедшее недалеко от Казикумуха: «В этой битве с обеих сторон было много убитых, - пишет он, - отряд Сурхай-хана был разбит и бежал, а сам хан поспешил в Казикумух и, взяв свою семью, бежал в Аварию... шах, вступив в Казикумух, завладел всем имуществом и ценностями хана, а также, приказав разграбить имущество и стада жителей Кумуха и других селений, собрал огромную добычу». ³⁹

Как видно из этого текста, Алкадари более подробно освещает события, происходившие в Дагестане, особенно в лезгинских

районах, откуда он был родом. Сказанное больше всего относится ко второму походу Надир-шаха, где он, после повторного изгнания Сурхай-хана в Аварию, «сам выступил покарать население магалов Етег и Хиналарик и учинил им избиение. Затем, послав около шести тысяч войска, он подверг каре жителей докузпаринских и ахтыпаринских селений, а часть войска направил со стороны селения Кабир на преграждение путей людям, бежавшим из Ахты в Кумух, так что большинство бежавших оттуда лиц, наткнувшись на преграждавших дорогу, было последними убито или взято в плен. После подобной же расправы с населением Самурского округа Надир-шах с войском направился в Дербент 1147(1735) году 11 день ноября месяца». ⁴⁰

Характеризуя довольно подробно отдельные эпизоды упомянутых походов Надира в Дагестан, Алкадари очень сжато сообщает о разгроме Ибрагим-хана в Джаро-Белоканах в 1738 г. и карательной экспедиции иранских войск против джарцев в феврале 1741 г. под командованием Абдали Гани-хана, допуская при этом хронологические неточности. Так, касаясь второго из этих событий, он утверждает, что «в 1153 (1740⁴¹) (подчеркнуто мною. - Н. С.) году в 3-й день февраля месяца» персы начали наступление на джарские джамааты, завершившееся тем, что «они там не оставили следов оседлости и разрушили все селения». ⁴²

К сожалению, эта неточность повторяется автором и при описании Дагестанского похода 1741 г., который он, подобно Бакиханову, затронул очень поверхностно, обойдя молчанием героическую борьбу народных масс и многих горских владельцев против иранского владычества, не раскрыл условия и причины, вынудившие их временно покориться восточному деспоту. Подтверждение тому - следующее заключение Алкадари, где он пишет, что шах «в 1153 (1740) году... в начале лета прибыл в Дагестан в Кази-Кумух и около месяца оставался

⁴⁰ Там же. С. 62.

⁴¹ 1153 г.х. соответствует 1741 г.р.х. (прим. автора).

⁴² Алкадари Г. Э. Асари Дагестан. С. 66.

³⁹ Алкадари Г. Э. Асари Дагестан: Исторические сведения о Дагестане. Махачкала, 1994. С. 61.

здесь. На этот раз Сурхай явился к нему, добился его расположения и был удовлетворен шахскими подарками и милостями. Шамхал Хасбулат-хан, уцмий Ахмед-хан, Акушинский кадий и прочие эмиры и старейшины округов явились к нему и все добились почестей. Только население Аварского края не покорилося ему, и сын Сурхай-хана Магомед-хан тоже остался на той стороне. Поэтому в августе месяце того же (1740) года Надир-шах с частью войска направился в Аварию, причем, когда он достиг горы над селением Чох Андалалского магала, аварцы сразились с ним, и с обеих сторон погибло много людей».⁴³

Описание автором военных операций и многочисленных стычек горцев с иранцами в 1742-1743 гг. и восстаний на территории Дагестана и Азербайджана под руководством самозванцев (Сам-Мирза I, Сам-Мирза II и Сам-Мирза III) не восполняет, на наш взгляд, этот пробел.

Завершая обзор сочинений отечественных авторов XVIII-XIX вв., отметим, что если дневники А. Креатаци, А. Шемахеци, анонимные хроники, труды П. Г. Буткова и А. П. Юдиша выступают в качестве первоисточников, то работы последующих авторов (С. М. Соловьев, А. А. Бакиханов, Г. Э. Алкадари) следует отнести к категории исторических исследований.

§ 2. Походы Надир-шаха в Дагестан в освещении историков XX- начала XXI вв.

Труды историков XX в., касающиеся отдельных вопросов темы монографии, написаны в основном за последние 70 лет и носят отпечаток своей эпохи. Естественно, что по своему характеру и концептуальной сущности они существенно отличаются от трудов своих предшественников, так как преследуют конкретные научные цели и решают задачи, стоящие перед исторической наукой своего времени.

⁴³ Алкадари Г. Э. Асари Дагестан. С. 67.

Хотя работы современников событий, запечатлевших виденное и слышанное по свежим следам, и носили отпечаток политического влияния господствовавших сил своей страны, но не были задуманы как научные исследования и представляют интерес в качестве источникового и фактического материала. Что же касается трудов историков XX и начала нового XXI столетия, то они не ограничиваются простой констатацией описываемых событий, а освещают их на более документированной источниковой основе. Такой первоосновой в качестве источников послужили для них труды вышеуказанных дореволюционных авторов, архивные и опубликованные материалы, а также сочинения зарубежных авторов, составленные участниками и современниками событий.

Из использованных архивных документов наиболее существенными являются материалы, содержащие донесения русских резидентов из Ирана и Турции (И. И. Неплюев, А. А. Вешняков, С. И. Аврамов, А. Н. Баскаков), а также лиц, командовавших русскими войсками, и российских дипломатов, направленные с театров военных действий на Кавказе (В. Я. Левашов, А. В. Румянцев, И. И. Калушкин, В. В. Братищев), в которых отразились наиболее яркие, героические и трагические события, связанные с нашествием иранских, османских и крымских завоевателей.

Таковыми материалами особенно насыщены фонды 87 «Сношение России с Персией», 89 «Сношение России с Турцией», 103 «Азиатские дела» Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ); фонды «Военно-ученого архива» (ВУА), 20 «Секретная часть экспедиции военной коллегии», 410 «Материалы по истории народов СССР. Коллекции», 182 «Военные действия в Закавказье и на Северном Кавказе» Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА); фонды 18 «Дербентский комендант», 334 «Походная канцелярия генерал-лейтенанта А. П. Девица», 340 «Канцелярия генерал-лейтенанта В. Я. Левашова»; 379 «Канцелярия коменданта г. Кизляра»

Центрального государственного архива Республики Дагестан (ЦГАРД); фонды 1452 «Коллекция персидских документов», 1453 «Коллекция турецких документов» Центрального государственного исторического архива Грузии (ЦГИАГ.)

Сосредоточенные в перечисленных архивах документы официального делопроизводства имеют первостепенное значение для определения стратегических целей противодействовавших держав на Кавказе, основных этапов, хода и итогов завоевательных походов Надир-шаха в регионе. Часть материалов аналогичного содержания хранится в фондах Института рукописных документов АН Грузии⁴⁴ и Рукописного фонда Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН.⁴⁵

Среди опубликованных документов конкретный материал по теме содержат донесения английских и французских послов в Петербурге и Стамбуле (К. Рондо, де ля Шегарди, де Маньяна и др.), сообщавшие своим правительствам о подлинных намерениях правящих кругов Ирана, России и Турции на Кавказе. Они же проливают свет на стратегические цели Англии и Франции в этом регионе, на их стремление ослабить влияние России и усилить здесь свои позиции, поддерживая агрессивные намерения иранских, османских и крымских феодалов.⁴⁶ Среди опубликованных материалов оказались также тексты русско-иранских и ирано-турецких договоров, определявших опорные базы и территориальные разграничения между Ираном, Россией и Турцией на Кавказе,⁴⁷ документы о взаимоот-

44 ИРД АИПГ, ROS 136, д. 531: Грамоты персидских шахов к католикосам и царям грузинским; ROS 181, д. 5: Жизнь царя Ираклия, или политическое состояние Грузии в XVIII столетии, вкратце почерпнутое из персидских, турецких и грузинских источников.

45 РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, ф. 1, оп. 1, д. 291: Материалы по истории Дагестана XVII-XVIII вв.

46 Сборник императорского российского исторического общества (Сб. РИО. Т. 76. - СПб., 1891; т. 99, 1897.

47 Договоры России с Востоком, политические и торговые. Сост. Т. Д. Юзефович. СПб., 1869; Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ), т. 7. - СПб., 1830.

ношениях горских владетелей с Россией, Ираном и Турцией.⁴⁸ Ценные материалы о политике иранских шахов и османских султанов в Дагестане и Закавказье опубликованы в оригиналах и копиях с переводом текстов на грузинский язык.⁴⁹

Из сочинений зарубежных авторов, являвшихся очевидцами и современниками событий, с различных сторон описавших завоевательные походы Надир-шаха на Кавказе, к которым в качестве источников чаще всего обращаются современные историки, следует отметить труды Мирзы Мехди-хана Астрабади, Мухаммад-Казима, Сами, Шакира, Субхи и Иззи, П. Базена, Дж. Ханвея и др., которые донесли до нас отголоски бурных военно-политических событий, происходивших не только в данном регионе, но и на Ближнем и Среднем Востоке.

Среди них чаще всего исследователи ссылаются на сочинения Мирзы Мехди-хана и Мухаммад-Казима. Первый из них - личный секретарь и историограф Надир-шаха, участвовавший во всех его завоевательных походах, выполнявший важнейшие дипломатические поручения, - написал обширный труд, выдержавший ряд изданий на разных языках. Этот труд, известный читателям как «История Надира» («Тарих-е Надири»⁵⁰), переизданный в 1962 г. под названием «Завоевания Надира» («Джанхонгоша-е Надири»⁵¹), представляет последовательное сжатое изложение военно-политических событий 30-40-х гг. XVIII в., происходивших во время завоевательных походов Надир-шаха на Кавказе, в Иране, Ираке, Афганистане, Средней Азии и т. д. Среди них значительное место занимают завоевательные походы Надир-шаха в Ширван и Дагестан в 1734,

48 Акты, собранные Кавказской археографической комиссией // АКАК, т. 2. Тифлис, 1869); Русско-дагестанские отношения в XVIII - нач. XIX в. Сб. док. - М., 1988.

49 Персидские исторические документы в книгохранилищах Грузии. Кн. 1. Вып. 4. Тбилиси, 1974.

50 Мирза Мехди-хан Кавкаб-е Астрабади. Тарих-е джанхонгошае Надир-шах-е Афшар. - Бомбей, 1265/1849.

51 Мирза Мехди-хан Астрабади. Джанхонгоша-е Надири. Тегран, 1344/1962.

1735 и 1741-1745 гг., которые преподносятся в виде победных реляций, хотя автор и вынужден признать тяжелые поражения иранских войск, стараясь объяснить эти поражения суровыми холодами, которые якобы вынудили шаха отступить из Дагестана в Иран.⁵²

Второй из иранских авторов - Мухаммад-Казим, отец которого входил в число доверенных людей шаха и участвовал в его дагестанских походах, являлся визирем г. Мерва, имел доступ к официальным документам, что позволило ему написать трехтомный труд «Мироукрощающая Надирова книга» или «Книга о Надире»,⁵³ получивший высокую оценку видных наших востоковедов В. В. Бартольда, И. П. Петрушевского и подготовившего этот труд к изданию ленинградского ученого Н.Н. Миклухо-Маклая.⁵⁴ Современник и непосредственный участник описываемых событий Мухаммад-Казим на базе многочисленных документов и со слов очевидцев подробно осветил антииранские восстания на Кавказе и походы Надир-шаха, предпринятые для их подавления в 30-40-х гг. XVIII в. В отличие от Мирзы Мехди-хана, он подробно описывает ход военных операций, признает героизм кавказских народов, характеризует жестокость иранских завоевателей, показывая упадок их морального духа в результате понесенных на Кавказе, особенно в Дагестане, поражений в 1741-1745 гг., хотя, как и Мирза Мехди-хан, он пытается идеализировать личность Надир-шаха, оправдать его жестокие деяния.

52 См.: Арунова М. Р., Ашрафян К. З. Государство Надир-шаха Афшара. М., 1958. С. 11-12; Сотавов Н. А. Освободительная борьба народов Северного Кавказа в свете русско-иранских и русско-турецких отношений XVIII в. (В освещении зарубежной историографии). // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху Средневековья. Махачкала, 1986. С. 95.

53 Мухаммад-Казим. Намэ-йи Аламара-йи Надири. Т. 1-3. М., 1960-1963.

54 См.: Бартольд В. В. Иран: Исторический обзор. // Сочинения. Т. 7. М., 1971. С. 302; Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI - начале XIX вв. Л., 1949. С. 41-43; Мухаммед-Казим. Намэ-йи Аламара-йи Надири. Т. 1. М., 1961. С. 17.

По характеру и значимости содержащегося материала близко с трудами этих авторов можно поставить незаслуженно забытую работу - «Записки» личного врача Надир-шаха французца Пьера Базена, который непосредственно наблюдал Дагестанский поход 1741 г. и сделал интересные сообщения о его тяжелых последствиях для Ирана. В его «Записках», наряду с описанием различных событий, освещена кульминационная фаза кавказской политики Ирана в 40-х годах XVIII в. Автор приводит сведения о неоднократных поражениях на Кавказе шахских войск, численность которых, по его данным, составляла 150 тыс. чел.⁵⁵ «В 1741 г., - пишет он о Дагестанском походе, - покрытый славой и нагруженный богатствами, награбленными в Индии... он (Надир-шах) прибыл в Дербент... Его армия, сильно увеличившаяся в пути следования в разных походах, насчитывала 150 тыс. человек».⁵⁶ Касаясь далее хода военных действий в Андалале и методов ведения боя горцами, он приходит к выводу: «Застигнутый врасплох, государь принужден был отступить. Вся армия бежала в беспорядке, и победители взяли значительную добычу».⁵⁷

Отдельные эпизоды русско-иранских, русско-турецких и ирано-турецких отношений на Кавказе в рассматриваемый период нашли отражение в совместной работе турецких хронистов Сами, Шакира, Субхи и Иззи «История» («Тарих»⁵⁸). Политика противоборствовавших держав в регионе представлена ими на фоне завоевательных походов Надир-шаха, среди которых особое внимание уделено Дагестанской кампании 1741-1745 гг. Ценность труда указанных авторов прежде всего в том, что они дают описание главных направлений наступления иранских войск, численность сражающихся армий, основные районы решающих сражений, роль главных действующих

55 Базен П. Намаха-йе табиб-е Надершах. Тегеран, 1340/1961. С. 13, 16-18, 25-26.

56 Цит. по: Новая история Ирана. Хрестоматия. М., 1988. С. 37.

57 Там же. С. 37-38.

58 Сами, Шакир, Субхи и Иззи. Тарих. Стамбул, 1198/1783. С. 37, 76-78.

лиц, понесенные потери с обеих сторон и их последствия для окончательного исхода борьбы между ними.

Из сообщений этих авторов, дополненных местными источниками, мы узнаем, что ведущую роль в андалалских сражениях, подорвавших военную мощь Ирана, сыграли сын Сурхай-хана Мургузали, приведший из Хунзаха силы родственного тухума Дайтилал, авторитетный духовный деятель Ибрагим-Гаджи Гидатлинский, многоопытный, закаленный в боях Чопалав Согратлинский и набиравший известность Ахмед-хан Мехтулинский, нанесший ощутимые потери врагу в Аймакинском ущелье.

В работе английского купца Дж. Ханвея «Историческое описание британской торговли на Каспийском море», неоднократно побывавшего в Иране и на побережье Каспия в 1743-1744 гг., сохранились сведения о характере вассально-подданнических отношений дагестанских владетелей с Ираном, походах Надир-шаха в Ширван и Дагестан, попытках Порты ослабить позиции Ирана путем выдвижения самозванных претендентов на иранский престол под видом защиты прав наследников Сефевидской династии.⁵⁹

Из приведенного обзора источниковой базы темы монографии видно, что она состоит из документов и материалов разнообразного характера: архивных и опубликованных документов, источников нарративного, мемуарного и эпистолярного жанра, сочинений отечественных и зарубежных авторов, которые могут быть использованы в различной степени. Приводимый ниже анализ трудов исследователей XX - начала XXI вв. показывает, в какой мере они использовали вклад своих предшественников и что на этой базе они сделали сами для комплексного освещения темы монографии и дальнейшего изучения внешнеполитической истории народов Кавказа, в частности Дагестана, и сопредельных стран в рассматриваемый период.

⁵⁹ Hanway J. A Historical Account of the British Trade over the Caspian Sea. Fol 1-2. London, 1762. Fol 1. P. 163, 413. Fol 2. P. 46, 87, 104, 105, 146, 213, 215, 235, 425.

Одним из первых разработкой различных аспектов истории Дагестана, куда главным образом были направлены завоевательные устремления Надир-шаха на Кавказе, занялся известный историк Р. М. Магомедов. В своих сочинениях, освещающих в основном социально-экономическую историю Дагестана с древнейших времен, он касается также и внешнеполитической истории родного края, особенно героических страниц освободительной борьбы народов Дагестана против иноземных завоевателей.

Одной из таких его ранних работ является публикация, посвященная разгрому Надир-шаха в Дагестане.⁶⁰ Основанная в целом на легендах и сказаниях, она воссоздает общую картину нашествий иранских завоевателей, героической борьбы дагестанских народов против грозного врага, поражений противника в многочисленных сражениях с непокорными горцами. В то же время отсутствие необходимой источниковой базы, популярный характер этой работы обусловили наличие в ней отдельных неточностей. Так, ссылаясь на одну из горских легенд, автор утверждает, что Надир-шах имел брата по имени Курбан, который попал в плен к горцам и был ими сожжен. По-видимому, здесь идет речь о брате Надир-шаха Ибрагим-хане, потерпевшем поражение в Джаро-Белоканах и подвергшемся этой участи в 1738 г. Недостаточно аргументированным представляется и тезис о том, что Надир-шах потерпел окончательное поражение при сел. Чох и навсегда был отброшен из Дагестана.⁶¹ Однако свидетельства очевидцев и исследования ряда последующих авторов, в том числе и самой публикации, показывают, что после отступления с гор на плоскость шах возвел там ряд укреплений, откуда совершал неоднократные нашествия и набеги на различные районы Дагестана. К чести автора надо признать, что в последующих своих трудах он устранил эти упущения.⁶²

⁶⁰ Магомедов Р. М. Битва близ аула Чох. Разгром шаха Надира в Дагестане. Махачкала, 1940.

⁶¹ Там же. С. 23-27.

⁶² Магомедов Р. М. История Дагестана. Ч. 1. Махачкала, 1985; Россия и Дагестан: страницы политической истории. Махачкала, 1987.

Тема борьбы дагестанских народов с Надир-шахом Афшаром нашла отражение и в других работах Р. М. Магомедова. Так, в капитальной монографии, посвященной общественно-экономическому и политическому строю Дагестана в XVIII – начале XIX вв., мы находим освещение Дагестанского похода 1741 г., в частности обращение Сурхай-хана к Чохскому джамаату, в котором он призывал жителей гор подняться на борьбу с «проклятыми каджарами»⁶³ (иранцами. - Н. С.). Представляют интерес конкретные сведения об истребительной политике Надир-шаха и борьбе горцев за независимость, собранные им во время поездок по местам главных сражений.⁶⁴ Важным подспорьем для полноты освещения темы монографии может послужить капитальное двухтомное исследование ученого, во второй части которого детально рассмотрены различные аспекты борьбы дагестанцев против Надир-шаха с соответствующими выводами и рекомендациями.⁶⁵

Значительное место завоевательным походам Надир-шаха Афшара уделено в своих трудах В. Н. Левиатов и И. П. Петрушевский. Монография В. Н. Левиатова, представляющая очерки политической истории Азербайджана в XVIII в., содержит немало страниц, посвященных завоевательным походам Надир-шаха в Азербайджан и Дагестан. Хотя в центре внимания автора в основном находятся события в Азербайджане, они преподносятся в тесной увязке с событиями в Дагестане, которые составляли их неразрывную часть и являлись как бы их продолжением.

Так, подробно описывая нашествие Надир-шаха на Ширван и Дагестан в 1734 и 1735 гг., разгром Ибрагим-хана в джарских джамаатах в 1738 г., Левиатов особо подчеркивает совместную

63 Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII-начале XIX в. Махачкала, 1957. С. 327.

64 Магомедов Р. М. Из записных книжек историка. Легенды и факты о Дагестане. Махачкала, 1969. С. 59, 62, 63, 204, 205; По аулам Дагестана. Махачкала, 1977. С. 34, 38, 39, 40, 41, 45, 59, 61, 76, 80.

65 Магомедов Р. М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала, 1999. С. 130-138, 140-143.

борьбу народов Дагестана и Азербайджана за свою независимость, в ходе которой на политическую арену выдвинулся Сурхай-хан Казикумухский. «Обстоятельства сложились так, - пишет он об этом, - что с этого момента Сурхай-хан Казикумухский стал одной из важнейших фигур в борьбе против иранского завоевания. С этих пор на некоторое время он привлек симпатии населения Дагестана и Азербайджана за свою борьбу против Надира, стремившегося к обладанию этими странами».⁶⁶

Вместе с тем, описывая методы и средства, с помощью которых шах надеялся добиться реализации своих гегемонистских замыслов, Левиатов показывает, какие политические цели при этом он преследовал. Характеризуя карательные действия иранских войск в упомянутых операциях, автор особо подчеркивает, какие жестокости они творили накануне Дагестанского похода 1741 г., создавая плацдарм для наступления на территории Закавказья: «Иранские войска в течение нескольких месяцев разрушали и жгли десятки джаротальских селений, избивали жителей, уничтожали все хозяйственные обзаведения. Некогда оживленная многолюдная страна была опустошена. Оставшееся в живых население бежало. Не было видно каких-либо признаков жизни, селения лежали в пепелищах и развалинах... Карательная экспедиция совершенно опустошила Шекинскую область и большую часть Ширвана. Эти области, будучи смежными с Дагестаном, имели многочисленные и разнообразные экономические связи с населением гор. Опустошая Шеки и Ширван, военачальники Надир-шаха преследовали политическую цель: голодом заморить население непокорного им Дагестана».⁶⁷

Продолжая эту мысль, в разделе «Третий поход Надир-шаха в Азербайджан» Левиатов останавливается на событиях 1741 г., особенно выделяя военно-стратегические цели иранского правителя в Северо-Восточной части Кавказа. «По всей

66 Левиатов В. Н. Очерки из истории Азербайджана в XVIII веке. Баку, 1948. С. 102.

67 Там же. С. 109.

видимости, - продолжает автор, - не столько богатства Дагестана и Азербайджана были тому причиной, сколько политическое значение этих стран. Азербайджан и Дагестан были яблоком раздора между тремя крупными государствами: Ираном, Турцией и Россией. Обладание Азербайджаном давало не только значительные материальные богатства, производимые трудящимся населением этой страны, но, что не менее важно, оно, укрепляя позиции государства, владевшего этими странами на побережье Каспийского моря, передавало в его руки важные торговые пути. Кроме того, военно-стратегическое значение Кавказских гор как труднопроходимой гряды, учитывавшееся едва ли не всеми иранскими монархами, также заставляло Надир-шаха упорно добиваться господства в Азербайджане и Дагестане». ⁶⁸

Однако о походе Надир-шаха непосредственно в Дагестан в 1741 г. сказано очень мало и то с некоторыми фактическими и политическими неточностями. Констатируя тот факт, что в мае 1741 г. Надир выступил из Закавказья и направился в Дагестан, Левиатов утверждает, что иранские войска вступили «в начале лета 1742 г. в Дагестан (Казикумух) ... Ряд феодальных владетелей, в том числе Сурхай-хан, явились к нему с выражением покорности; они были одарены халатами и лошадьми с золотыми уборами». ⁶⁹ К сожалению, здесь допущена не только фактическая (1742 г. вместо 1741 г. - Н. С.), но и политическая ошибка, так как искажена позиция многих владетелей, в том числе Сурхай-хана, которые вместе с народом упорно боролись против иранских захватчиков.

В несколько ином плане, с конкретными выводами о последствиях завоевательной и налоговой политики Надир-шаха повествует И. П. Петрушевский. Его работа, изобилующая ссылками на многие восточные, русские и западноевропейские источники, рисует удручающую картину положения народных масс под владычеством Надир-шаха. «Надировы завоевания

⁶⁸ Там же. С. 110.

⁶⁹ Там же. С. 110-111.

(в Закавказье, Ираке арабском, Средней Азии и Индии), - резюмирует Петрушевский, - не сопровождалось ростом производительных сил, как это имело место при шахе Аббасе I. Между тем расходы на военные предприятия вызвали новое повышение податей в небывалых до того размерах. Взыскание налогов, особенно жестокое в Закавказье, сопровождалось пытками и истязаниями налогоплательщиков. По словам Мухаммад-Казима, тех, кто проявлял упущения в уплате поземельного налога и других податей в диван, лишали глаз и языка, а у тех, кто занимался подстрекательством к волнениям, обрезав им уши, нос и язык, конфисковывали имущество». ⁷⁰ Автор приводит конкретные данные о возрастании налогового гнета в Азербайджане с 3 тыс. туманов до 100 тыс. туманов в год, что было характерно и для других областей Закавказья и Дагестана и вызывало многочисленные антииранские восстания в 1743-1744 гг. ⁷¹

На более обширной источниковой базе, по сравнению с трудами его предшественников, написаны работы дагестанского историка А. И. Тамая. Его кандидатская диссертация ⁷² и объемная статья, ⁷³ посвященные краху Дагестанской кампании шаха Надира (1741-1743 гг.), представляют существенный вклад в историческую науку по этой проблеме. Не вдаваясь в анализ кандидатской диссертации, написанной более полувека назад, рассмотрим статью, в которой нашли концентрированное выражение основные положения и выводы, содержащиеся в кандидатской диссертации, но на более высокой научной основе.

В статье А. И. Тамая перед нами оживают героические картины совместной борьбы народов Дагестана против грозных полчищ Надир-шаха, главные маршруты движения вражеских

⁷⁰ Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI-XIX вв. - Л., 1949. С. 85.

⁷¹ Там же. С. 85-86.

⁷² Тамая А. И. Провал захватнических планов шаха Надира в Дагестане. Дис. канд. ист. наук. Институт истории АН СССР. М. 1952.

⁷³ Тамая А. И. К вопросу о провале Дагестанской кампании шаха Надира (1741-1743 гг.). Уч. зап. ИИЯЛ АН СССР. 1958. Т. 5.

войск, основные центры сражений, где противник потерпел сокрушительное поражение.⁷⁴ Автор конкретно излагает ход сражений у Чоха Согратля, Мегеба и в других местах Андалалских гор и долин, выделяет умелую тактику ведения боя горцами, их героизм и самоотверженность, приводит данные о потерях, поражении и бегстве разгромленных сил противника.⁷⁵

Достоинства статьи А. И. Тамае в том, что в ней использованы многочисленные свидетельства очевидцев и современников событий - Мирзы Мехди-хана, Мухаммад-Казима, И. И. Калушкина, В. В. Брагищева, И. Я. Лерха, а также труды, написанные на базе архивных и документальных источников, - П. Г. Буткова, П. А. Юдина, С. М. Соловьева и др. Кроме того, среди ценных источников, использованных автором, - «Хроника войн Джара XVIII столетия», совместная работа турецких летописцев Сами, Шакира, Субхи и Иззи «Тарих» («История»), сочинения английских авторов Джонса Ханвея, Лоуренса Локкарта и др. В статье также нашли отражение героические аварские, лакские, лезгинские и другие эпосы и сказания, существенно дополняющие документальные источники.⁷⁶

Использование широкого круга источников и литературы позволило Тамае раскрыть международное значение победы дагестанцев над многочисленной армией шаха, оценить их вклад в международные события своего времени. «Значение битв 1741-1743 годов в Дагестане было велико и выходит за пределы истории страны, - заключает автор. - Успешная борьба народов Дагестана ослабила военную машину шаха, облегчила борьбу поработанных народов и показала им, что «Грозу Вселенной» можно победить. Участившиеся восстания в его владениях - в Грузии, Хорезме, Туркмении, Азербайджане, Парсе и других районах говорят о том, как был воспринят здесь успех этой борьбы, интересовались им также в Стокгольме и Париже. Из этого можно заключить, что борьба народов Дагестана имела

74 Там же. С. 116-117.

75 Там же. С. 118-121.

76 Там же. С. 118-128.

широкое международное значение».⁷⁷ В статье выделены внутренние и внешнеполитические факторы, способствовавшие поражению иранских полчищ в Дагестане, показана решающая роль народных масс в осуществлении этого бессмертного подвига.

Определенное место внешнеполитическим проблемам Ирана в период правления Надир-шаха Афшара уделено в монографии московских ученых М. Р. Аруновой и К. З. Ашрафян, посвященной характеристике общественных отношений в империи Надир-шаха.⁷⁸ Эта работа также отличается широким использованием архивного, опубликованного документального и нарративного источникового материала. Особенно часто авторы ссылаются на материалы АВПРИ, РГАДА, АКАК, ПСЗ, Сб. РИО, а также на работы восточных, западноевропейских и отечественных исследователей (Мехди-хан Астрабади, Мухаммад-Казим, И. Лариби, М. А. Хекмат, И. Я. Лерх, Дж. Ханвсей, Г. Алкадари, П. Г. Бутков, А. А. Бакиханов, В. Н. Левиатов, И. П. Петрушевский и др.).

Непосредственно с нашей темой соприкасается V глава монографии «Народные движения в государстве Надир-шаха в 30-40-х гг. XVIII в.», где имеется специальный раздел «Народно-освободительные движения народов Кавказа и Средней Азии». В этом разделе со ссылкой на вышеуказанные источники кратко освещаются первые нашествия иранских войск в 1734, 1735 гг. и более подробно - Дагестанский поход 1741 г.

Авторы монографии правильно подчеркивают, что Надир не оправдал надежд широких масс как освободитель от афганского и османского владычества, так как все достигнутые успехи и богатства использовал для укрепления личной диктатуры и проведения новых завоевательных походов. Касаясь этой стороны деятельности Надира, они приходят к выводу, что его походы «в Среднюю Азию (1740) и особенно в Дагестан (1741) явились подлинным бедствием для народа. В Дагестанском

77 Там же. С. 130-131.

78 Арунова М. Р., Ашрафян К. З. Государство Надир-шаха Афшара. М., 1958.

походе Надир терпел одно поражение за другим. Не добившись успеха, потеряв значительную часть войска и затратив колоссальные денежные средства (со всех областей страны в Дагестан посылалось много провианта, фуража, денег), Надир вынужден был в феврале 1743 г. вернуться в Иран». ⁷⁹ Труд этих авторов охватывает широкий круг внутренних и внешнеполитических проблем Ирана, в том числе массовые и стихийные антииранские восстания, которые происходили в Закавказье и Дагестане под руководством различных претендентов на шахскую корону.

Отдельные эпизоды завоевательных походов Надир-шаха в Афганистан, Индию, Среднюю Азию и Дагестан нашли отражение в работе армянского историка Л. Х. Тер-Мкртчян, посвященной его политике в отношении Армении. ⁸⁰ После краткой биографической справки о Надире со времени службы у шаха Тахмаспа до восшествия его на престол автор описывает завоевание Афганистана, Индии, Средней Азии, а затем приступает к Дагестанскому походу. «В 1741 г. состоялась Дагестанская кампания, которую Надир предпринял с целью отомстить за смерть своего брата Ибрагим-хана, убитого в сражении с лезгинами, - утверждает она. - Эта кампания Надир-шаха не имела успеха. Упорная борьба горских народов деморализовала воинов Надир-шаха... Неудачная Дагестанская кампания, массовый террор, задержка жалования армии - все это вызывало недовольство и привело к восстаниям против иранских правителей (1743-1744 гг.). Восстания вспыхнули в районе Дербента, в Грузии, в Ширване». ⁸¹

Наряду с этим, Л. Х. Тер-Мкртчян, анализируя налоговую политику Надир-шаха, отмечает его благосклонное отношение к армянскому католикосу Аврааму Креатаци, который стремился облегчить иранский гнет. Однако добиться этой цели

⁷⁹ Там же. С. 159.

⁸⁰ Тер-Мкртчян Л. Х. Армения под властью Надир-шаха. М., 1963.

⁸¹ Там же. С. 58.

католикосу не удалось, и владычество Надир-шаха имело трагические последствия. «Положение армянского народа при Надире было очень тяжелым, - заключает автор. - Налоги достигали невероятных размеров, и сбор их сопровождался пытками и тяжелыми истязаниями населения... Все это привело к тому, что все слои армянского общества осознали необходимость найти пути к освобождению от непосильного ига захватчиков, стремившихся полностью истребить армянский народ». ⁸²

Фрагментарные сведения о нашествиях Надир-шаха на Ширван, Джаро-Белоканы и Дагестан в 1735, 1738 и 1741 гг. содержатся в монографии Х. Х. Рамазанова и А. Р. Шихсаидова. ⁸³ Написанная на основе достоверных источников, она дает представление о некоторых сражениях и численности армии захватчиков, их поражении и отступлении из Дагестана. Отмечая, что «отступление шаха по существу было паническим бегством», Х. Х. Рамазанов приводит следующую выдержку из газеты «Санкт-Петербургские ведомости» (1743 г., № 2): «Шах персидский уже через полтора года в Дагестане для желаемого себе тамошних народов покорения пребывания, но никакой удачи в том не получа, возвратился в Персию, уже действительно за Дербент прошел и через лежащую через оный Самур речку переправился и далее в Персию марширует». ⁸⁴ Приведенный пример - одно из подтверждений интересных материалов, использованных в данной монографии.

Отдельные аспекты кавказской политики Надир-шаха в международном плане с учетом внутренних факторов рассмотрены в работах азербайджанских историков А. А. Абдурахманова, Г. Б. Абдуллаева и Ф. М. Алиева. При этом А. А. Абдурахманов акцентирует внимание на выявлении роли и места Азербайджана во взаимоотношениях России, Ирана и Турции

⁸² Там же. С. 71.

⁸³ Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Очерки истории Южного Дагестана с древнейших времен до конца XIX в. Махачкала, 1964.

⁸⁴ Там же. С. 182.

в первой половине XVIII века,⁸⁵ Г. Б. Абдуллаев рассматривает Азербайджан в плане азербайджано-российских отношений в течение всего столетия,⁸⁶ Ф. М. Алиев - в русле борьбы азербайджанского народа против иранского и османского владычества в первую половину столетия.⁸⁷ Несмотря на то, что перед ними стояла задача освещения различных по характеру проблем, они уделили определенное внимание и интересующему нас кругу вопросов.

В этом смысле среди них выделяется монография Ф. М. Алиева, написанная на уровне современных требований, с использованием документов различных архивов, материалов рукописных фондов, опубликованных документальных сборников, сочинений восточных, западноевропейских и отечественных авторов. Этим и объясняется, что освещение походов иранских феодалов в Азербайджан и Дагестан отличается конкретностью, обилием многочисленных фактов, ранее не упоминавшихся другими авторами. В ней показана борьба народных масс против иноземного владычества, наносившая тяжелейший урон захватчикам.

Вместе с тем нельзя не отметить, что автор подошел несколько поверхностно к оценке роли отдельных феодальных владетелей Дагестана в антииранской борьбе, что послужило причиной ряда неточностей политической оценки и хронологической неопределенности в освещении отдельных событий. Так, например, описывая Дагестанский поход Надир-шаха в 1741 г., Ф. М. Алиев утверждает, что еще «в начале лета» /?/ виднейшие дагестанские владетели, испугавшись жестокого обращения и польстившись на щедрые обещания шаха, отказались от борьбы, «изъявили свою покорность. Одним

85 Абдурахманов А. А. Азербайджан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана в первой половине XVIII в. Баку, 1964.

86 Абдуллаев Г. Б. Азербайджан в XVIII веке и взаимоотношения его с Россией. Баку, 1965.

87 Алиев Ф. М. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. Баку, 1975.

из первых в лагерь Надира явился уже неоднократно упоминавшийся, непоследовательный и неустойчивый в своих политических взглядах и не раз изменивший народу Сурхай-хан Казикумухский. Вместе с ним прибыли шамхал Тарковский и уцмий⁸⁸ Табасаранский».⁸⁹

Однако многочисленные источники, составленные со слов очевидцев, подтверждают, что многие дагестанские владетели, в том числе и Сурхай, не только не сдались «еще в начале лета» добровольно на милость победителя, а пытались бороться против грозного врага всеми возможными средствами.⁹⁰ Допущенные Ф. М. Алиевым неточности, на наш взгляд, - результат не критического использования утверждений своих предшественников (П. Г. Бутков, А. А. Бакиханов, В. Н. Левиатов), которыми была допущена такая ошибка.

К новейшим исследованиям азербайджанских историков следует отнести публикации Н. Гезаловой и Э. И. Гусейнова, рассмотревших отдельные вопросы по теме монографии на основе англоязычных и персидских источников и литературы, что позволило им обогатить некоторые сюжеты новыми данными.⁹¹ Заслуживает одобрения и перевод Н. Гезаловой на русский язык монографии Л. Локкарта о Надир-шахе, сделавший ее общедоступной широкому кругу читателей.⁹²

88 Уцмий - титул владетеля Кайтага. Табасаранские владетели имели свою титулатуру: южного - майсум и северного - кадий.

89 Алиев Ф. М. Антииранские выступления. С. 154-155.

90 См.: Сотавов Н. А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях XVIII в. М. 1991. С. 101-103.

91 Гезалова Нияр. Взаимоотношения государства Надир-шаха Афшара с Российской империей // От Античности к Возрождению. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 2010. С. 100-103; Гусейнов Э. И. Походы Надир-шаха Афшара в Дагестан в иранской историографии // Роль культуры в русско-иранских отношениях. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 2010. С. 92-100.

92 Локкарт Л. Надир-шах. Критическое исследование на основе первоисточников (Лондон, 1938). Перев. с англ. Н. Р. Гезаловой. Баку, 2004.

Более углубленно в плане российско-дагестанских отношений рассматривает эту проблему дагестанский историк В. Г. Гаджиев. Среди его многочисленных работ кавказская политика Ирана в виде специальной главы «Освободительная борьба народов Дагестана против иранских захватчиков» представлена в монографии, посвященной роли России в исторических судьбах народов Дагестана.⁹³ Написанная на базе широкого круга архивных и опубликованных источников, а также трудов своих предшественников, в том числе зарубежных авторов, она дает представление о взаимосвязи событий на Кавказе в русле противоборства России, Ирана и Турции. С этих позиций вкратце описаны походы крымских феодалов и Надир-шаха в 1733-1735 гг., противодействие им со стороны России, особенно в период Дагестанской кампании 1741-1745 гг.

Что касается Дагестанского похода 1741 г., то автор делает правильный вывод: «В исторической битве близ аулов Чох, Бухты, Мегеб и Согратль объединенные силы горцев разбили войска Надир-шаха... Попытки Ирана покорить народы Дагестана позорно провалились и положили конец легенде о непобедимости шаха Надира».⁹⁴ В этой же главе автор показывает поддержку Россией освободительной борьбы народов Дагестана, которая отвечала ее стремлению не допустить господства Ирана на Кавказе, описывает антииранские восстания, происходившие в 1743-1745 гг.

Значительно подробнее эти события освещены в новой монографии В. Г. Гаджиева, посвященной разгрому Надир-шаха в Дагестане.⁹⁵ Опираясь на обширную базу отечественных и зарубежных источников и литературы, она во многом расширяет круг представлений по данной теме, содержит специальный историографический обзор, отличается детальным описанием событий с определением маршрутов нашествий

93 Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965.

94 Там же. С. 132, 135.

95 Гаджиев В. Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала, 1996.

полчищ Надир-шаха, районов главных сражений, развеявших миф о «непобедимости» «Грозы Вселенной». Однако работа не лишена отдельных погрешностей: проблема завоевательных походов Надир-шаха в Дагестан и их провала оказалась рассеянной среди других, не адекватных по масштабам, значимости и последствиям событий, не вписывающихся в хронологические рамки походов Надир-шаха; отдельные авторские суждения не доведены до логического завершения; за пределами внимания автора остались работы иранских и турецких историков, содержащие конкретный материал с выводами концептуального характера; имеются неточности в ссылочном аппарате, грамматического и стилистического характера.⁹⁶ Тем не менее труд В. Г. Гаджиева - первое монографическое исследование, восполнившее существенный пробел в этой области, заслуживающее внимания за внесенный вклад в отечественную историографию.

Несколько шире - с уклоном в сторону Закавказья - на фоне международных отношений дает интерпретацию событий на Кавказе московский историк О. П. Маркова. Работа Марковой, богатая многочисленными источниками и литературой, отличается совокупным видением событий в регионе, особенно в закавказских областях побережья Каспия, четкими и ясными выводами. Касаясь международного аспекта кавказской проблемы, она правильно отмечает, что подписанием Гянджинского договора с Ираном в 1735 г. российское правительство фактически отказалось от покровительства народам Кавказа, что нанесло ущерб ее международному авторитету, связало руки для наступления Надир-шаха Афшара. «Выполнение условий Гянджинского договора, - пишет О. П. Маркова, - не прошло без осложнений. Если возвращение Ирану Гиляна, его исконной провинции, было вполне закономерно, то передача ему закавказских территорий, им некогда насильственно

96 Там же. С. 14, 19, 20, 35, 36, 38, 43, 47, 88, 89, 91, 93, 97, 104, 106, 107, 110, 113, 134, 143, 170, 172, 179, 185.

захваченных, представляла собой акт жестокой несправедливости в отношении народов, населявших эти территории. Не случайно они восприняли его как новую катастрофу».⁹⁷

Достоинство работы О. П. Марковой - в умении разглядеть побудительные мотивы политики противоборствовавших сторон, объяснить их позиции конкретно сложившейся ситуацией. Подтверждение тому - охлаждение российско-иранских отношений в период Дагестанской кампании Надир-шаха, что привело к укреплению дагестано-российских отношений. «В период неудач Надир-шаха в Дагестане, - пишет она об этом, - союзные отношения России с Ираном заметно ухудшились. Это благоприятствовало борьбе народов Дагестана за независимость и способствовало крушению планов Надир-шаха на установление иранской гегемонии на Кавказе. Но услуга, оказанная Россией дагестанским горцам в это время, была взаимной. В одной из записок (1748 г.) вице-канцлер М. И. Воронцов определенно заявил, что с Ираном была бы война, если бы горцы не остановили персов».⁹⁸

Новые материалы о походах иранских войск в Джаро-Белоканы в 1737-1738 гг. и в Табасаран в 1741 г. нашли отражение в двух статьях А. Н. Козловой. В первой из них говорится о попытках подавить антииранские восстания в джарских джамаатах: ценой огромных потерь к концу 1737 г. брат Надир-шаха Ибрагим-хан вытеснил «лезгин» (дагестанцев. - Н. С.) из Кахетии, но главной цели не добился. Весной следующего года снова восстали 6 джаро-белоканских «вольных» обществ под руководством старшин Ибрагима Диванэ и Магомед-Халила. К восставшим присоединились сын Сурхая Муртузали и сын цахурского владетеля Магомед-бек. К ним на помощь дагестанцы прислали 30-тысячное войско. Попытки Ибрагим-хана расколоть восставших путем подкупа

⁹⁷ Маркова О. П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М., 1966. С. 123.

⁹⁸ Там же. С. 126.

их предводителей не имели успеха, а его экспедиция потерпела полный провал.⁹⁹

Вторая статья А. Н. Козловой носит источниково-историографический характер.¹⁰⁰ В ней освещается первый этап похода Надир-шаха на Табасаран, базируясь в основном на сочинении Мухаммад-Казима, который сопоставляется с другими источниками и историческими сочинениями (Мирза Мехди-хан Астрабади, А. А. Бакиханов, Л. Локкарт, В. Ф. Минорский и др.). Опираясь на их труды, автор описывает заблаговременную подготовку Дагестанского похода на обратном пути из Индии, определяет места многочисленных сражений, показывает героизм дагестанских патриотов, подчеркивает жестокость иранских завоевателей, особенно самого Надир-шаха. Перевод и анализ сочинения Мухаммад-Казима позволил А. Н. Козловой привести множество фактов, характеризующих политику иранских завоевателей, которые впервые начали терпеть крупные поражения на дагестанской земле.

Интересные сведения о политике Англии в бассейне Каспийского моря в 30-40-х годах XVIII в. на базе анализа английской историографии приводит Л. И. Юнусова. Применительно к теме монографии автором изучены работы агентов Русской торговой компании Джона Эльтона и Мунго Грема, принимавших участие в строительстве судов для армии Надир-шаха, снабжении ее боеприпасами и провиантом на случай войны с Россией и ведении военных операций в Дагестане. В статье подчеркивается, что вмешательство Англии в кавказские дела с позиций поддержки агрессивной политики Надир-шаха в регионе противоречило интересам России и вело к обострению русско-иранских отношений. Подтверждение

⁹⁹ Козлова А. Н. Страница освободительной борьбы народов Дагестана. // Страны и народы Востока. Вып. 18. М., 1976. С. 127.

¹⁰⁰ Козлова А. П. «Наме-йи Аламара-йи Надири» Мухаммад-Казима о первом этапе похода Надир-шаха на Табасаран // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху Средневековья. Махачкала, 1986.

тому - донесение английского посла в России К. Вейча от 9 декабря 1742 г., в котором сообщалось, что в Москве возникло опасение разрыва мира с Ираном, так как «шах Надир собирает очень значительные силы в Дербенте, и несколькими русским полкам уже приказано выступить к Астрахани».¹⁰¹ В работе использованы и материалы других источников, проливающие свет на противоборство в бассейне Каспия России с Ираном, пользовавшимся активным покровительством Лондона.

К новым работам современных историков, имеющим отношение к походам Надир-шаха, можно отнести исследования автора данной монографии. Концентрированное выражение эта тема нашла в разделе «Крах завоевательной политики Надир-шаха»¹⁰², являющейся частью опубликованной его докторской диссертации. Помимо вышеуказанных источников, трудов отечественных и зарубежных авторов, в ней использованы материалы исследований иранских и турецких историков (М. Х. Годдуси, А. Т. Сардавар, Ш. Эрел, Дж. Гёкдже и др.), обогатившие этот раздел многими, ранее неизвестными фактами и сведениями. Такой диапазон использованных источников и литературы позволил автору подробно проследить сложные перипетии внутри-и межрегиональных событий, выявить вклад кавказских народов в разгром «Грозы Вселенной», определить международное значение освободительной борьбы горских народов за свою независимость.

К сказанному следует добавить, что спустя 9 лет благодаря поддержке генерального директора ОАО «Дагэнерго» Г. М. Гамзатова появилось первое издание этого труда¹⁰³, ставшее следующим, после В. Г. Гаджиева, специальным монографическим исследованием по названной теме. Более углубленно дагестанские

101 Цит. по: Юнусова Л. И. Политика Англии в бассейне Каспийского моря в 30-40-х годах XVIII в. в английской историографии. // Историография Ирана нового и новейшего времени. М., 1989. С. 255.

102 Сотавов Н. А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях XVIII в. М., 1991. С. 98-114.

103 Сотавов Н. А. Крах «Грозы Вселенной». Махачкала, 2000.

и каспийские аспекты исследуемой проблемы нашли освещение в совместной работе автора с Р. М. Касумовым.¹⁰⁴

Завершая высказанную мысль отметим, что в этой и других работах автора красной нитью проходит идея о дружбе и взаимодействии народов Дагестана с другими народами Кавказа, благодаря чему они сумели не только отстоять родную землю, но и нанести тяжелый удар по Ирану, что ускорило падение державы Надир-шаха. Завоевательные походы Надир-шаха от их начала (1734 г.) до полного краха его политики (1745 г.) представлены на широком фоне международных событий, вызвавших живой интерес не только соперников Ирана - России и Турции, но и западных держав - Англии и Франции, стремившихся противодействовать успеху России, чтобы укрепить здесь собственные позиции.¹⁰⁵

Следует отметить, что указанные геополитические свойства были присущи особенно Дербенту, что конкретно отмечено в работе Н. А. Магомедова¹⁰⁶. Не остались в стороне от освещаемых в монографии проблем и азербайджанские историки Д. М. Азимли, Т. Т. Мустафазаде и Р. Нифталиев¹⁰⁷ с некото-

104 Сотавов Н. А., Касумов Р. М. Дагестан и Каспий в международной политике эпохи Петра I и Надир-шаха Афшара. Махачкала, 2008.

105 Сотавов Н. А. Кавказские походы Петра I и Надир-шаха Афшара и их последствия для народов региона // Кавказ и Ближний Восток: от Каспийского похода Петра I до распада державы Надир-шаха: Материалы Международной научной конференции, проведенной в рамках Года Российской истории. Махачкала, 2012; Его же. Освободительная борьба народов Дагестана против иноземных завоевателей: основные этапы и исторические уроки // Дагестан и Северный Кавказ в культурно-историческом измерении: Материалы Международной научной конференции, приуроченной к 85-летию академика Гаджи Гамзатовича Гамзатова. Махачкала, 2012.

106 Магомедов Н. А. Положения Дербента в условиях борьбы народов Дагестана против захватнической политики Надир-шаха в 30-40-х гг. XVIII в. // Кавказ и Ближний Восток: от Каспийского похода Петра I до распада державы Надир-шаха. Материалы Международной научной конференции, проведенной в рамках Года Российской истории. Махачкала, 2012.

107 Азимли Д. М. Надир-шах Афшар – полководец, воин, правитель. // Там же. С. 40-45; Мустафазаде Т. Т. Борьба Надир-шаха Афшара за возвращение кавказских владений Сефевидов и его первый Кавказский поход. // Там же. С. 204-212; Нифталиев Р. Надир-шах Афшар и Дагестан. // Там же. С. 212-219.

рой тенденцией к преувеличению роли Надир-шаха в мировой истории, оставляя в тени его жестокие деяния в отношении народов Дагестана, Закавказья и самого Ирана.

К числу новых работ по истории лакцев, оказавшихся одним из главных объектов нашествий Надир-шаха, относится совместная монография М. Р. Маршаева и Б. Б. Бугаева, базирующаяся в основном на русских архивных и местных дагестанских источниках.¹⁰⁸ Авторы монографии восстанавливают в виде краткого обзора основные вехи нашествий Надир-шаха на Шемаху и Казикумух, но более подробно останавливаются на освещении Дагестанской кампании 1741 г. В работе нашли место новые материалы, показывающие взаимодействие горцев в борьбе против захватчиков. Ход решающих сражений на полях Андалала и Лакии, их масштабы и последствия передаются глазами очевидцев - Мирзы Мехди-хана, И. И. Калушкина, В. В. Братищева, а также самих горцев, свидетельства которых вошли в народные легенды, эпосы и сказания. Работа в целом носит популярный характер и рассчитана на массового читателя.

Сделует отметить, что в более качественном и обширном виде история лакцев и других народов Дагестана в интересующем нас плане представлена в совместной монографии С. А. Мусаева, А. Д. Курбанова и И. А. Каяева.¹⁰⁹ В этом обширном исследовании с яркими характеристиками и иллюстрациями главных событий и личностей рассматривается комплекс вопросов, связанных с историей Казии-Кумухского ханства во главе с Сурхай-ханом I и его сыном Муртузали, их ролью в борьбе против Надир-шаха. На конкретных примерах дана оценка и вкладу других дагестанских народов и деятелей в победу над «Грозой Вселенной».¹¹⁰ Содержащиеся в работе

108 Маршаев М. Р., Бугаев Б. Б. История лакцев. Махачкала, 1991.

109 Мусаев С. А., Курбанов А. Д., Каяев И. А. Гази-Кумух. Эпоха Сурхай-хана I. Махачкала, 2011.

110 Там же. С. 95, 389, 390, 404, 419, 430.

фактический материал, выводы и рекомендации авторов вызывают интерес и в определенной степени восполняют допущенные пробелы и упущения в рассматриваемых аспектах. В то же время вызывает некоторое отторжение встречающееся в книге утверждение о том, что Надир-шах - «один из выдающихся полководцев в истории человечества»,¹¹¹ что фактически опровергается его же поражением в небольшом Нагорном Дагестане.

К новейшим работам по теме монографии относится также специальное исследование Т. М. Айтберова.¹¹² Достоинство этой работы известного историка состоит в том, как отмечает сам автор, что им «обнаружены и введены в научный оборот дагестанские материалы, написанные в XVIII в. на арабском языке, повествующие о дагестано-иранских отношениях в 20-40-е годы XVIII в.», опираясь на которые, «он внес необходимую - как высокой науке, так и пытливому уму современного дагестанца - конкретику в описание и толкование деятельности Надир-шаха, как в Дагестане, так и в дагестаноязычной зоне Закавказья, которая имела место в 1741 г.»¹¹³ Соглашаясь в целом со сказанным автором, выделившим основные маршруты, места сражений и наиболее отличившихся руководителей,¹¹⁴ отметим: Айтберов все-таки не избежал чрезмерной детализации событий, склонности к идеализации местных источников и увлеченности «мирными» соглашениями с Надир-шахом,¹¹⁵ что затрудняет целостное восприятие судьбоносных событий.

К группе новейших работ следует отнести и монографию М. А. Мусаева по англоязычной историографии.¹¹⁶ Основ-

111 Там же. С. 469.

112 Айтберов Т. М. Надир-шах Афшар и дагестанцы в 1741 году. Махачкала, 2011.

113 Там же. С. 5.

114 Там же. С. 103, 108, 113, 116, 126, 129.

115 Там же. С. 75, 79, 97, 98.

116 Мусаев М. А. События 1741-1743 гг. на территории Дагестана в освещении англоязычной биографической литературы о Надир-шахе // Рукопись.

ные оценки автора, касающиеся работ английских историков (Дж. Ханвея, Л. Локкарта, М. Эксворси др.), приведены также в специальной статье, опубликованной в общедоступной читателям газете.¹¹⁷ Более подробно отдельные сюжеты исследуемой проблемы нашли отражение и в ранее опубликованной монографии Б. Г. Алиева.¹¹⁸

Помимо монографических трудов дагестанскими историками написан и ряд других работ, касающихся отдельных вопросов интересующей нас темы (статьи, тезисы докладов, материалы письменных источников и эпиграфических памятников). Своеобразное место среди них занимают «Четыре памятные записи о борьбе против Надира Афшара», обнаруженные, переведенные и опубликованные с комментариями Т. М. Айтберовым и А. Р. Шихсаидовым.¹¹⁹ В трех записях из них (1, 2, 4) речь идет о нашествиях Надир-шаха на Казикумух в 1734-1735 гг., когда иранские войска дважды занимали резиденцию Сурхай-хана, ограбили его сокровища, бесчинствовали в ней около недели.¹²⁰ В третьей записи повествуется о Дагестанском походе 1741 г., когда Казикумух был взят в третий раз, а «кизилбаши» «стояли месяц в селениях Хурхи и Шара, оттуда пошли на плато Турчидаг, а затем на селения Мегеб, Ури, Ханар, Обох, Согратль, но были обращены в бегство».¹²¹ Из этого источника мы познаем места памятных сражений, после которых шах вынужден был отступить. Заслугой Айтберова является и то, что выявленный им и переведенный с арабского на аварский язык новый вариант хроники «История войн закатальских аварцев»

117 О Надир-шахе в англоязычной биографической литературе // Новое дело, 2011, №34.

118 Алиев Б. Г. Борьба народов Дагестана против иноземных завоевателей. Махачкала, 2002.

119 Айтберов Т. М., Шихсаидов А. Р. Четыре памятные записи о борьбе против Надира Афшара. // Восточные источники по истории Дагестана. (Сб. ст. и мат.) Махачкала, 1980. С. 111-117.

120 Там же. С. 111-113, 116-117.

121 Там же. С. 113-114.

существенно дополняет отдельные события, оставшиеся за пределами бакинского издания 1931 г.¹²²

В этом же плане определенный интерес представляет совместная статья Б. Г. Алиева и М.-С.К. Умаханова, в которой на основе опубликованных и вновь выявленных материалов рассматривается борьба джаро-белоканских и дагестанских «вольных» обществ против Надир-шаха.¹²³ Касаясь этой же проблемы, на основе вновь выявленных дагестанских арабоязычных источников интересные суждения о позициях отдельных дагестанских владетелей (уцмий Ахмед-хан, шамхал Хасбулат и др.) высказал Г. М. Мирзамагомедов.¹²⁴ Отдельные материалы о разгроме Надир-шаха в Дагестане были опубликованы в связи с 250-летием этого знаменательного события.¹²⁵ Для полноты обзора трудов наших историков отметим, что в фрагментарном виде интересующие нас события нашли отражение в их сводных работах по истории Дагестана, Азербайджана, Армении, Грузии, Кавказа и сопредельных стран - России, Ирана и Турции, а также в отдельных, более поздних газетных публикациях.¹²⁶

К сказанному следует добавить, что военно-политические события на Кавказе в рассматриваемый период нашли

122 Цоралгул аварзул рагъзул тарих. Махачкала, 1996. С. 43-44, 55, 79, 82-85.

123 Алиев Б. Г., Умаханов М.-С.К. Союзы сельских общин в борьбе за независимость Дагестана в XVII - 1 пол. XVIII в. // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху Средневековья. Махачкала, 1986. С. 55-59.

124 Мирзамагомедов Г. М. К истории борьбы дагестанцев против Надир-шаха. 1992. (По дагестанским арабоязычным источникам). // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху Средневековья. Махачкала, 1986. С. 83-87.

125 Абашилов А. Подвиг народа в тени истории. Андалалцы. // Зов предков, 1991, N 1, 1992, N 1 - 2; Сотавов Н. А. Подвиг народов Дагестана. // Дагестанская правда, 3 августа 1991; Абакаров М. Легендарная битва // Советский Дагестан, 1991, N 2; Зубаиров М. Легендарный Сурхай-хан. // Дагестанская правда, 1991, 23-24 января и др.

126 Искажая факты и историю // Тенглик, 1994, N 21, 25 февраля; Мурадов Р. Кто победил Надир-шаха // Молодежь Дагестана, N 15, 17.04.1998; Казанбиев Алибек. О походах Надир-шаха в Дагестан // Новое дело. 2011, №38.

отражение в работах ряда современных зарубежных авторов. Центральное место в их сочинениях нашли перемещение и дислокация царских войск из прикаспийских областей в Кизляр, нашествия османских, крымских и иранских феодалов на Северный Кавказ, завоевательные походы Надир-шаха на Дагестан, освободительная борьба горцев против иранского владычества, международные последствия победы дагестанских народов над противником, дипломатические маневры Парижа и Лондона, направленные на поддержку усилий Ирана и Турции и ослабление позиций России в регионе.

Среди таких работ в последовательности издания насыщенностью источниковой базы и фактического материала выделяются труды Вл. Минорского «Краткая история Надир-шаха»,¹²⁷ Л. Локкарта «Надир-шах. Критическое исследование, основанное на источниках»,¹²⁸ М. Х. Годдуси «Книга о Надире»,¹²⁹ Г. Х. Мохтодара «Крупнейшие сражения Надир-шаха»,¹³⁰ Ш. Эрела «Дагестан и дагестанцы»,¹³¹ А. Т. Сардадвара «Военно-политическая история периода Надир-шаха Афшара»,¹³² Дж. Гёкдже «Кавказ и кавказская политика Османской империи»¹³³ и др.

Из упомянутых авторов суждениями концептуального характера отличаются труды двух иранских военных историков - Г. Х. Мохтодара и А. Т. Сардадвара, написанные по заказу последнего иранского шаха. Не случайно в их работах центральное место занимает идеализированный образ Надир-шаха как «спасителя» нации, «непревзойденного» полководца,

127 Минорский Вл. Тарихче-йе Надершах. Техран, 1313/1934.

128 Lochart L. Nadir Shah. A Critical Study based mainly upon contemporary sources London, 1938.

129 Годдуси М. Х. Надер-намэ. Хорасан (Мешхед), 1339/1960.

130 Мохтодар Г. Х. Набардхое бозорг-е Надершах. Изд. 1-е. Техран, 1337/1958.

131 Erel Ş. Dagistan ve dagistanlılar. Istanbul, 1961.

132 Сардадвар А. Т. Тарих-е незаме ва сийаси-йе доване Надершах-е Афшар. Техран, 1395/1975.

133 Gökçe S. Kafkasya ve Osmanlı İmparatorluğunun Kafkasya siyaseti. Istanbul, 1979.

«доброто» правителя, «общительного» и «доступного» простому народу, «вынудившего» русских «быстро уйти» из прикаспийских областей и Дагестана. В то же время, искусственно сводя причины освободительной борьбы народов Дагестана против иранского гнета к религиозным противоречиям между суннитами и шиитами, они признают, что эта борьба, ставшая одной из причин крушения державы Надир-шаха, находила поддержку со стороны России, старавшейся воспользоваться этим для решения кавказской проблемы в своих интересах.¹³⁴

Наряду с исследованиями указанных восточных авторов, определенный интерес представляет новейшая работа английского историка М. Эксворси о Надир-шахе «Сабля Персии. Надир-шах. От племенного воина до тирана-завоевателя»¹³⁵, выдержавшая за 4 года три издания. Являясь одной из наиболее популярных зарубежных биографических сочинений, она повествует о завоевательных походах Надир-шаха на Востоке, уделяя в то же время некоторое внимание событиям в Дагестане, которые, по мнению автора, вызвали ярость шаха, недовольство этим дворцового окружения, ускорили гибель Надир-шаха и распад Иранской державы.¹³⁶

Завершая обзор источников и литературы по теме монографии в целом, следует подчеркнуть, что в новейших исследованиях наших ученых немало внимания уделено объективной интерпретации тезиса о прогрессивной роли России в исторических судьбах народов Кавказа, в том числе и Дагестана. Что касается сочинений дореволюционных отечественных и зарубежных и современных буржуазных авторов, хотя в них и содержится значительный фактический материал по теме

134 Мохтодар Г. Х. Набардхое бозорг-е Надершах. С. 1-2, 5, 8, 22, 33, 34, 105-110, 137; Сардадвар А. Т. Тарих-е незаме ва сийаси-йе доване Надершах-е Афшар. С. 346, 736, 7448, 7449, 760.

135 Axworthy Mixael. The Sword of Persia: Nader Shah, from Tribal Warrior to Conquering Turant (I. B. Tauris, 2006, 2009, 2010).

136 Ibid. p. 1, 2, 4, 6, 7, 8.

монографии, однако подбор, толкование и публикация источников и исследований самими авторами, являвшимися представителями господствовавших классов различных стран или находившимися у них на службе, наложили отпечаток на их характер и содержание. Отличительная черта этих источников и исследований - присущее авторам стремление оправдать политику правящих кругов своих стран на Кавказе, извратить освободительный характер борьбы дагестанских народов против захватнических устремлений шахского Ирана, султанской Турции и царской России, что обуславливает необходимость критической оценки их выводов и обобщений, особенно суждений концептуального характера.

ГЛАВА II ДАГЕСТАН НАКАНУНЕ НАШЕСТВИЙ НАДИР-ШАХА АФШАРА

§1. Этническая карта и границы размещения феодалных владений и «вольных» обществ (союзов сельских общин)

Источники 30-40-х гг. XVIII в. не сообщают достоверных сведений о территории Дагестана, границах расселения и численности дагестанских народностей и племен. Приблизительные данные об этом относятся в основном к концу XVIII - началу XIX вв., но они также страдают существенными недостатками: одни из них включают в состав Дагестана Кубинскую и Бакинскую провинции, другие исключают горные области и владения северных кумыков.¹³⁷

Эти причины, с учетом застойности производительных сил и консервативности социальных структур феодальных владений и союзов сельских общин, с одной стороны, и встречающийся отдельными лакунами материал по этим вопросам касательно 30-40-х гг. - с другой, предопределяют необходимость пользоваться в качестве исходных данных не только этими сведениями, но и другими материалами, относящимися к более раннему или позднему периоду.

В этом плане некоторые ориентировочные сведения о местонахождении и границах отдельных феодальных владений и союзов «вольных» обществ (сельских общин. - Н. С.) Дагестана, о внешнеполитической ориентации и взаимоотношениях местных правителей и их сношениях с сопредельными странами, об их доходах, численности подданных и вооруженных сил касательно первой четверти XVIII в. сообщает А. И. Лопухин,¹³⁸

¹³⁷ Хашаев Х.- М. О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. С. 5-6.

¹³⁸ Лопухин А. И. Журнал путешествия через Дагестан, 1718 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII- XIX вв. М., 1958 (далее - ИГЭД).

второй четверти - И. Г. Гербер;¹³⁹ 70-х гг. - И. А. Гильденштедт;¹⁴⁰ конца XVIII столетия - С. Броневский;¹⁴¹ Д. И. Тихонов (Описание Северного Дагестана (1798 г. // ИГЭД. М., 1958); И. Т. Дренякин (Краткое исчисление по всем именованным владениям, сколько имеет каждый владелец деревнями дворов и во оных душ мужского пола... и сколько получает доходов и может выставить войска, 1796 г. // ИГЭД); Ф. Ф. Симонович (Описание Табасарана, 1796 г. // ИГЭД); П. Г. Бутков (Выдержка из «Проекта отчета о персидской экспедиции в виде писем», 1796 г. // ИГЭД. Он же: Сведения о силах, числе душ и деревень в Дагестане, 1796 г. // ИГЭД); И. А. Ахвердов (Описание Дагестана, 1804 г. // ИГЭД); А. П. Тормасов (Выдержки из «Ведомости, содержащей сведения о численности населения Дагестана», 1811 г. // ИГЭД).

Обобщив сведения этих авторов и других источников, можно установить, что северная граница Дагестана проходила по Тереку, восточная - по берегу Каспия, южная - по Самуру и юго-западная - от границ Азербайджана и Грузии до Андийского хребта.¹⁴² Протяженность границ Дагестана с севера на юг составляла 260 верст, с востока на запад - 150-180 верст.¹⁴³ По другим исчислениям, наибольшая протяженность Дагестана в меридиальном направлении составляла 405 км, а в широтном - 213 км.¹⁴⁴

139 Гербер И. Г. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курой народах и землях и об их состоянии в 1728 г. // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., 1790 г.; он же: Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря в 1728 г. // ИГЭД. М., 1958.

140 Гильденштедт И. А. Географическое и статистическое описание Кавказа в 1770, 1771, 1772 и в 1773 годах. СПб., 1809.

141 Броневский С. Новейшие географические и статистические известия о Кавказе. Ч. 2. СПб., 1823.

142 История Дагестана. Т. 1. М., 1967. С. 305.

143 Гильденштедт И. А. Указ. соч. С. 106; Броневский С. Указ. соч. С. 294.

144 Алиев Б. Г., Умаханов М.-С. К. Историческая география Дагестана XVII - начало XIX в. Махачкала, 1999. С. 62.

В пределах этой территории население Дагестана, насчитывавшее более 30 народностей и этнических единиц, с точки зрения географического размещения делилось на 2 массивные группы: плоскостную и горную. В свою очередь, в результате неравномерного социально-экономического развития горная группа разделялась на 2 части. В итоге сложилось 3 группы населения, размещенные в трех, отличных друг от друга зонах Дагестана.

В первой зоне, начинающейся на востоке у слияния горных рек с Сулаком и ограниченной на западе Андийским хребтом, а с юга - частью Главного Кавказского хребта, обитало население, состоявшее из 14 народностей и этнических групп (аварцы, андийцы, каратинцы, ахвахи, багулалы, идери, чамалалы, хуаны или дидойцы, капучины, гунзалы, ботлихцы, лаки (или казикумухцы) и арчинцы). Во вторую зону (Средний и Южный Дагестан) входило 8 народностей или групп: даргинцы, кайтагцы, кубачинцы, лезгины, табасаранцы, рутульцы, агулы и цахуры. К третьей зоне (Предгорный и Плоскостной Дагестан) относилось 5 народностей или групп: кумыки, ногайцы, азербайджанцы, теркемейцы и горские евреи.¹⁴⁵

На этой же сравнительно небольшой территории расположилось около 30 крупных и мелких феодальных владений: в Предгорном Дагестане - 8 (шамхальство Тарковское, княжества Буйнакское, Эндиреевское, Аксаевское, Костековское, Эrpелинское, Карабудахкентское и Бамматулинское-Казанищенское); в Южном Дагестане - 17 (Дербентское, Отемышское, Элисуysкое-Цахурское, уцмийство Кайтагское, майсумство Табасаранское, владения кадия Табасаранского, бекства Рутульское, Кюринское, Курахское, Какинское, Целягюнское, Испикское, Зухрабкентское, Кара-Кюринское, Микрахское и Гапцахское); в Среднем и Центральном Дагестане - 5 (ханства Аварское, Казикумухское, Мехтулинское-Дженгутаевское,

145 Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй. С. 374; История Дагестана. Т. 1. С. 305, 306, 307; Русско-дагестанские отношения в XVIII - начале XX в. Сборник документов. М., 1988. С. 3.

бекства Сиухское и Гоцатлинское).¹⁴⁶ Кроме того, на территории Дагестана смежно с феодальными владениями или отдельно от них функционировало более 60 союзов сельских общин («вольных» обществ), из которых 41 - в Аварии, 9 - у даргинцев, 11 - у лезгин, 3 - в Табасаране, 2 - у агулов и 2 - в Рутуле.¹⁴⁷

Наиболее обширными и влиятельными среди политических образований Дагестана были шамхальство Тарковское, Казикумухское и Аварское ханства, уцмийство Каракайтагское и феодальные владения Табасарана. Наряду с ними, в качестве самостоятельных правителей выступали владельцы Буйнака, Дженгутая, Отемьша, Эндирея, Акса, Костека, Цахура, Рутула и Элису.

Хотя процесс ослабления одних и усиления других феодальных владений и союзов сельских общин в последней трети XVII - XVIII вв. продолжался более интенсивно, шамхальство Тарковское и впредь оставалось наиболее обширным и влиятельным из них. Как заметил проезжавший по Дагестану в 1639 г. путешественник Адам Олеарий, здесь было много различных князей, но «главный из них именуется шамхал, как бы царь между ними».¹⁴⁸ Побывавший в Дагестане вслед за ним спустя 30 лет Яков Стрейс также счел нужным отметить, что среди дагестанских правителей «самые почитаемые из них шамхал и уцмий. Первый самый могущественный».¹⁴⁹

В первой четверти XVIII в. границы шамхальства простирались от реки Сулак на юг до реки Орасай-Булак на границах Кайтага длиной на 110 верст и шириной от 50 до 60 верст.¹⁵⁰ На юго-западе оно граничило с Акуша-Дарго, на западе - с Мехту-

146 Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 182, 366.

147 Там же. С. 369; История Дагестана. Т. 1. С. 320; Гаджиев В. Г. Союзы сельских общин Дагестана // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII - нач. XIX в. Махачкала, 1981. С. 5.

148 Олеарский Адам. Описание путешествия Голштинского посольства в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 453.

149 Стрейс Яков. Три путешествия. М., 1935. С. 220.

150 Броневский С. Указ. соч. Ч. 2. С. 324.

линским (Дженгутаяевским) ханством, на северо-западе - с так называемыми аварскими «вольными» обществами Койсубулу и Салатау.¹⁵¹

Несмотря на значительное сужение прежних границ, отмечает В. Г. Гаджиев, «шамхальство и в начале XVIII в. являлось одним из крупных и влиятельных владений... с шамхалами Тарковскими считались не только соседние владельцы, но и ближневосточные государства».¹⁵² Подчеркивая обширность этой территории в 1728 г. И. Г. Гербер писал: «Шамхалово владение простирается не только над всеми князьями и землями в Дагестане, но и над частью народа тавлинского и до самой почти Шемахи».¹⁵³

По-видимому, Гербер имел в виду, что после Петровского похода за оказанные услуги шамхал Адиль-Гирей с помощью царя временно восстановил свои права на все принадлежавшие ранее тарковским шамхалам земли в Кумыкии, получил в собственность владения Султан-Махмуда Отемьшского и право сбора податей с нескольких деревень в Мюшкюре и Ширване.¹⁵⁴ Под покровительством шамхала оставались Акушинское, Мекегинское, Усишинское, Мугинское и Цудахарское «вольные» общества.

Но такое положение продолжалось недолго. «В течение XVII - начале XVIII вв. от шамхальства отпали и превратились в самостоятельные владения Бойнак, Эрпели, Эндирей, Аксай, Карабудахкент, Казанище и Мехтулинское ханство. Наряду с тарковским шамхалом Адиль-Гиреем Будайчиевым, на местах уже сидели самостоятельные владельцы, также носившие титулы беков или биев: в Бойнаке - Муртузали, в Эндирее - Чопан, в Аксае - Султан-Махмуд, в Казанище - Умалат,

151 Гаджиев В. Г. Сочинение И. Гербера. «Описание стран и народов между Астраханью и рекою Курюю находящихся» как исторический источник по истории народов Северного Кавказа. М., 1979. С. 45, 46.

152 Там же. С. 100.

153 Гербер И. Г. Известия о находящихся... С. 36.

154 Русско-дагестанские отношения в XVII - первой четверти XVIII в. Документы и материалы. Махачкала, 1958. С. 58.

в Эрпели - Будаичи. Номинальный общий правитель Кумыкии тарковский шамхал выдвигался из представителей четырех домов, наиболее близких к шамхальскому роду, - Бойнака, Казаница, Кафыркумуха и Гелли. Как отмечает Р.М. Магомедов, шамхал «властью над всеми кумыками ... ни в начале, ни в конце XVIII в. не обладал... стремления шамхалов тарковских объединить все кумыкские земли под свою власть не имели успеха».¹⁵⁵

По данным русских источников конца XVIII в.¹⁵⁶, тарковские шамхалы вместе с подвластными акушинцами имели от 36 до 42 тыс. дворов, насчитывавших 98-100 тыс. душ мужского пола. Доходы шамхалов по двум статьям (взимание пошлин за провозимые товары и сдача в аренду зимних пастбищ) составляли 25-30 тыс. рублей, а по другим статьям - 80 тыс. рублей серебром. Вооруженные силы тарковских правителей вместе с акушинцами составляли 20-25 тыс. человек.

Бойнакское владение (или бийлик) располагалось между владениями шамхала Тарковского и уцмия Кайтагского. Граница бекства простиралась с севера на юг от реки Манас до реки Орасай-Булак.¹⁵⁷ По имеющимся сведениям, в первой трети XVIII в. в резиденции правителя («крым-шамхала») - Бойнаке насчитывалось 650 дворов.¹⁵⁸

Отделившиеся от шамхальства земли между Сулаком и Тереком, включая область от Салатавских гор до Гумбета, составили Эндиреевское владение. Правители Эндирея, как и владельцы Бойнака, играли заметную роль в политической жизни Дагестана, соперничая в борьбе за власть с тарковскими шамхалами. С начала XVIII в. Эндиреевский бийлик составлял территорию протяженностью 10 верст от правобережья Сулака до рек Яман-су и Козьма-озень. Резиденция эндиреевских

155 Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 185.

156 Бутков П. Г. Сведения о силах, числе душ и деревень в Дагестане, 1795 г. // ИГЭД. С. 203, 210-211; Броневский С. Указ. соч. Ч. 2. С. 208, 305-306.

157 Гаджиева С. Ш. Кумыки. М., 1961. С. 41; Гаджиев В. Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов»... С. 113.

158 Еропкин А. Ф. Реестр горским владельцам, 1732 г. // ИГЭД. С. 131.

владельцев располагалась на реке Актанш. По данным, относящимся к концу XVIII в., в Эндиреее проживало 1000 семей, способных выставить 300 воинов, а вместе с окружающими деревнями - 6000 воинов.¹⁵⁹

Выделившийся из Эндиреевского владения Аксаевский бийлик занимал земли по течению Терека, Аксая и Яман-су в сторону Каспийского моря. В состав бийлика входили также 6 чеченских аулов под названием Качкалык и несколько ногайских кочевий.¹⁶⁰ В конце XVIII в. в бийлике проживало 500 семей, способных выставить 1500 человек, а вместе с чеченскими деревнями - до 3000 воинов.¹⁶¹

Небольшой Костекровский бийлик располагался на р. Койсу в 60 верстах от Кизляра и от Каспийского моря и состоял из нескольких деревень, расположенных вдоль Сулака, и улусов кочующих ногайцев. В начале XVIII в. владельцы Костека имели общие границы с правителями Эндирея и во многом зависели от них. Несколько позднее пять «почетных» костекских семей переселились во владения аксаевских князей в Салатавии, получив возможность пользоваться присулакскими пастбищами.¹⁶² В конце XVIII в. Костекровский бийлик состоял из 300 семей и мог выставить 600 вооруженных ополченцев.¹⁶³ В общей сложности в Эндиреевском, Аксаевском и Костекском владениях насчитывалось до 12 тыс. дворов.¹⁶⁴ Наряду с ними в источниках упоминаются Эрпелинский и Карабудахкентский бийлики, включавшие аулы Эрпели, Ишкарты, Верхний и Нижний Каранай, Ахатлы и Карабудахкент.¹⁶⁵

159 Ахвердов А. И. Описание Дагестана, 1804 г. // ИГЭД. С. 213.

160 Еропкин Д. Ф. Указ. соч. С. 123.

161 Ахвердов А. И. Описание Дагестана, 1804 г. // ИГЭД. С. 214.

162 Гильденштедт И. А. Указ. соч. С. 166; Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 162.

163 Ахвердов А. И. Указ. соч. С. 213.

164 Броневский С. Новейшие географические и статистические известия о Кавказе. Ч. 1. С. 55.

165 Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодалов и освободительная борьба народов Дагестана в XVII в. Махачкала, 1973. С. 28.

С начала XVIII в. среди кумыкских владений заметно выделяется Бамматулинский (Казанищенский) бийлик, куда вошли Большой и Малый Казанище, Буглен, Муселим-аул, Халимбек-аул, Кафыркумух и Темир-Хан-Шура.¹⁶⁶ Примерно тогда же временную самостоятельность обрело Отемышское владение, расположенное между Бойнакским бийликом и границей Кайтага по реке Куц, «подле моря между горами Бойнак».¹⁶⁷ В начале XVIII века в нём насчитывалось 7 деревень с центром в Отемыше, где имелось 500 дворов.¹⁶⁸

В политической жизни Дагестана важную роль играло уцмийство Кайтагское. В территориальном отношении оно занимало обширную область, простиравшуюся с севера на юг от реки Орасай-Булак до реки Дербак на 60 верст вдоль Каспия и от реки Дербак и Каспия с востока на запад на 100 верст, составляя в окружности 350 верст. На севере оно граничило с шамхальством, на западе - с Акуша-Дарго и Сюргинским союзом сельских обществ, на юге отделялось от Дербентского ханства рекой Дербак и горными вершинами Гургели и Баума.¹⁶⁹

В топографическом отношении уцмийство Кайтагское, или Уцми-Дарго, делилось на 2 части: Верхний (Нагорный - Шабак-Хайдакъ) и Нижний (Плоскостной - Убах-Хайдакъ). В рассматриваемое время обе части Кайтага состояли из 13 магалов или союзов сельских общин (5 в Нижнем и 8 в Верхнем Кайтаге), причем каждый магал состоял из отдельных джамаатов числом от 4 до 22.¹⁷⁰ Население уцмийства во второй половине XVII в. составляло 50-60 тыс. жителей¹⁷¹, а к концу XVIII

166 Шамхалы Тарковские. Сборник сведений о кавказских горцах (ССКГ). Вып. 1. Тифлис, 1869. С. 60.

167 Гербер И. Г. Известия о находящихся... С. 44.

168 Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа. Ч. 1. С. 25; Броневский С. Указ. соч. Ч. 2. С. 307; Ахвердов А. И. Указ. Соч. 215.

169 Очерки истории Дагестана. Т. 1. Махачкала, 1957. С. 99.

170 Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 206.

171 Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений. С. 12.

в. в нем исчислялось 25 тыс. дворов, где проживало 75 тыс. душ обоого пола.¹⁷² С начала XVIII в. в Кайтаге правил уцмий Ахмед-хан с резиденцией в кумыкском селении Башлыкент. Годовой доход уцмий с основных статей составлял 60 тыс. рублей, вооруженные силы - 10-12 тыс. человек.¹⁷³

Кроме того, в Нагорном Кайтаге имелось 5 союзов сельских общин, включавших около 30 селений и магал Кубачи, игравшие важную роль во внутренних и внешнеполитических делах Дагестана. Отдельные союзы сельских общин, например, Акуша-Дарго, не уступали по территории и численности населения некоторым феодальным владениям. По данным русских источников, в конце XVIII в. акушинцев и дженгутаевцев исчислялось 35 тыс. дворов,¹⁷⁴ отдельно акушинцев - 30 тыс. дворов или семей, где проживало 90 тыс. душ населения.¹⁷⁵

Центральную часть Нагорного Дагестана занимало Казикумухское ханство, заселенное в основном лакцами, отделенными высокими горами с севера и северо-запада от аварцев, с востока - от даргинцев и с юга - от лезгин.¹⁷⁶ «Земля хассукумская, - писал Гербер, - граничит к северу с кайтагами, к востоку с Табасараном, к западу с малым владением кумыков».¹⁷⁷

С начала XVIII в. правитель лакцев Чолак Сурхай энергично укреплял свою власть не только над ними, но и соседними народами. В результате его ассимиляторской политики границы ханства значительно раздвинулись, охватив «обширную территорию от Кумуха, Кюре и Самура до Кубы и включало

172 Дренякин И. Т. Краткое исчисление // ИГЭД. С. 176; Броневский С. Указ. соч. 4.1. С. 56; Бутков П. Г. Сведения о силах, числе душ и деревень // ИГЭД. С. 210-211.

173 Дренякин И. Т. Указ. соч. С. 176. Бутков П. Г. Сведения о силах, числе душ и деревень // ИГЭД. С. 210-211.

174 Броневский С. Указ. соч. Ч. 1. С. 57.

175 Дренякин И.Т. Указ. соч. С. 176; Бутков П.Г. Сведения о Кубинском и Дербентском ханствах, 1796 // ИГЭД. С. 210-211.

176 История Дагестана. Т.1. С. 305.

177 Гербер И.Г. Известия о находящихся ... С. 20-21.

в свой состав не одну народность, а множество, в том числе даргин, авар, агуд, арчин, лезгин и табасаран».¹⁷⁸

Среди них под властью Сурхая оказалось 10 аварских и 7 даргинских селений.¹⁷⁹ Если в начале XVIII в. под властью Казикумуха находилось 15666 дворов, или 200 населенных пунктов, где проживало 45-47 тыс. душ, то к концу столетия эти показатели увеличились в 2-3 раза: число дворов стало 46998, населенных пунктов - 300, количество душ - 108-150 тыс.¹⁸⁰ Годовой доход хана с основных статей составлял 80 тыс. руб., вооруженные силы - 20 тыс., из них наёмного войска от 6 тысяч до 7 тысяч 855 чел.¹⁸¹

Обширную территорию в Нагорном Дагестане занимало Аварское ханство (или нуцальство), ядром которого являлось Хунзахское плато, где находилась резиденция аварских ханов - аул Хунзах. На территории Аварии смежно с ханством и отдельно от него располагалось более 40 «вольных» обществ, включавших, по неполным данным, около 270 джамаатов. Население Аварии состояло из представителей 14 мелких народностей и этнических групп.¹⁸² Так же, как в Кайтаге и Казикумухе, аварские союзы сельских обществ (Андалал, Анди, Унцукль и др.) выступали внушительной силой при решении внутренних и внешнеполитических вопросов. Усилиями аварских ханов в течение XVIII в. были подчинены многие соседние «вольные» общества, обширные пастбища на плоскости и пограничные с Чечней земли («Мичигика» - Чечен-Гала, Герменчук, Шали, Атака-Атаги)¹⁸³ и др.

178 Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 281; Умаханов М.-С.К. Политические взаимоотношения союзов сельских обществ Дагестана в XVII-XVIII вв. // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII - начале XIX в. Махачкала, 1981. С. 81.

179 Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 271.

180 Гаджиев В. Г. Сочинение Гербера И. «Описание стран и народов». С. 150; Дренякин И. Т. Указ. соч. С. 176; Бутков П. Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 210-211.

181 Дренякин И. Т. Указ. соч. С. 176; Бутков П. Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 210-211.

182 Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 63-64, 83, 369; История Дагестана. Т. 1. С. 306.

183 Исаева Т. А. Феодалные владения на территории Чечено-Ингушетии в XVIII в. // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Т. 2. Грозный, 1997. С. 85-86.

В XVIII в. в личной зависимости от аварских ханов состояло 100 деревень, где проживало 90 тыс. душ населения, а вместе с зависимыми узденскими джамаатами - 210 деревень, составляющих 30 тыс. дворов. Годовой доход аварских нуцалов составлял 150 тыс. руб., вооруженные силы колебались от 15 до 18 тыс. человек.¹⁸⁴ Вместе с тем развитие феодальных отношений и междоусобная борьба привели к образованию на границах с Аварским ханством новых феодальных владений - бекств: Мехтулинского, Гочатлинского и Сиухского. Наиболее влиятельное из них Мехтулинское бекство, расположенное между владениями аварских ханов и тарковских шамхалов, включало 13 аулов: Верхний и Нижний Дженгутай, Дургели, Кака-Шура, Кулецма, Оглы, Чоглы, Апши, Ахкент, Аймаки, Дуранги, Параул и Урма.¹⁸⁵ В период Дагестанской кампании шаха Надира в резиденции мехтулинского владетеля в Нижнем Дженгутае Ахмед-хана, являвшегося внуком кайтагского уцмий Ахмед-хана,¹⁸⁶ насчитывалось 750 дворов. К концу столетия под властью мехтулинских беков состояло от 10 до 16 деревень, насчитывавших 3000-3750 дворов, где проживало от 11250 до 21 тыс. душ обоего пола. Годовой доход дженгутаевских беков составлял 15 тыс. руб., вооруженные силы - 5 тыс. человек.¹⁸⁷

К югу от Кайтага до реки Чираг протяженностью 50 верст и к юго-востоку от Дербентского султанства на 70-90 верст лежал Табасаран, граничивший на севере с кайтагами, на юго-востоке с Дербентским султанством и на юге с лезгинами, от которых отделялся высокими горами.¹⁸⁸ На территории Таба-

184 Дренякин И. Т. Указ. соч. С. 176; Бутков П. Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 210-211.

185 Мехтулинские ханы // ССКГ. Вып. 2. Тифлис, 1869. С. 27.

186 АВПРИ, ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1741, д. 4, л. 212, об. 266.

187 Тихонов Д. И. Описание Северного Дагестана 1796 г. // ИГЭД. С. 130; Дренякин И. Т. Указ. соч. С. 176; Бутков П. Г. Сведения о силах, числе душ и деревень // ИГЭД. С. 210-211.

188 Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Очерки истории Южного Дагестана. С. 97; Гасанов М. Р. Из истории Табасарана XVIII - начала XIX вв. Махачкала, 1976. С. 104.

сарана в XVIII веке, как и в предшествующий период, сохранялось два феодальных владения: в Нижнем - майсумство с резиденцией в Джерахе, где в рассматриваемый период правил Магомед-бек, и в Верхнем - владение кадия с резиденцией в Ерси, где в это время правил Рустам-бек.

Согласно источниками XVIII в., в майсумстве насчитывалось 7 тыс. дворов, 21 тыс. душ мужского пола; в кадийстве - 10660 дворов, 31988 душ мужского пола. По другим подсчетам, в майсумстве имелось 70 деревень, в кадийстве - 20 и в Горном Табасаране (Дюбек-Елеми) - 15 деревень и 5 тыс. душ мужского пола. Годовой доход майсума составлял 20 тыс. рублей, кадия - 40 тыс. Вооруженные силы майсума составляли 3 тыс., а кадия - 5333 чел. Население всего Табасарана исчислялось в 40 тыс. жителей обоого пола.¹⁸⁹ Отмечая разнотимность этих и более поздних источников, В. Г. Гаджиев приходит к выводу, что «мы не сделаем большой ошибки, если укажем, что численность населения Табасарана в первой половине XVIII века могла равняться 25-35 тыс.»¹⁹⁰ Основную массу этого населения составляли табасаранцы и лезгины.

Территорию Южного и Юго-Западного Дагестана до границ Азербайджана и Грузии заселяли лезгины и родственные им народности - рутулы, цахуры и агулы.¹⁹¹ Часть аварцев, лакцев, цахуров и лезгин проживала на северных пограничных землях Азербайджана и Грузии, расселившись компактно своими этническими группами или смешанно с местным населением.

Так, на территории Закаталы обитало 5 влиятельных союзов сельских обществ (Джарское, Белооканское, Тальское, Мухихское, Джанихское), причем наиболее влиятельное из них - Джарское

189 Симонович Ф. Ф. Описание Табасарана, 1796 г. // ИГЭД. С. 153, 16; Дренякин И. Т. Указ. Соч. С. 176; Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. (В 2-х ч.). Казань, 1850. Ч. 1. С. 74.

190 Гаджиев В. Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов». С. 204.

191 Агаширинова С. С. Материальная культура лезгин XIX - начала XX в. М., 1978. С. 5.

объединяло более 20 селений, остальные - от 2 до 7 селений.¹⁹² По данным начала XIX в., население Джаро-Белоокан составляло 16 тыс. семей, или 96 тыс. душ, Элисуйского султанства - 4 тыс. семей, или 24 тыс. жителей.¹⁹³ По данным народной переписи тех же лет, из общего числа жителей Закаталы в 52 тыс. 80 человек аварцев было 25 тыс. 141, цахуров - 8 тыс. 269¹⁹⁴ и т.д.

Основную массу населения Южного Дагестана составляли лезгины, объединенные в 2 компактные группы: 1) Кюре - кюринские лезгины, граничившие на севере - с Табасараном, на востоке - с азербайджанцами, на западе и юго-западе - с агулами, рутулами и лакцами; 2) Самур-вилайет - лезгины Самурской долины.

По территориальному и административному устройству Кюре состояло из 7 магалов (союзов сельских обществ): 1) Гюнек, 2) Истал, 3) Кара, 4) Гугудже, 5) Котур-Кюре, 6) Рича, 7) Чирах.¹⁹⁵ По данным источников конца XVII в., в Кюре насчитывалось 10 тыс. жителей мужского пола, второй половины XVIII в. - 100 деревень, насчитывавших 12 тыс. того же пола, начала XIX в. - 8 тыс. 100 семей, или 48 тыс. жителей обоого пола.¹⁹⁶

В Самурской долине - Самур-вилайет - располагалось четыре союза сельских обществ или магала: 1) Ахты-пара, 2) Докуз-пара, 3) Алты-пара, 4) Рутул. По данным конца XVIII в., Ахты-пара с центром в Ахты объединяло 600 дворов, Докуз-пара с центром в Мискинджи - 250 дворов, Алты-пара с центром в Келегуре - 150 дворов и Рутульский магал - 12 деревень, где лиц мужского пола насчитывалось 2 тыс. человек.¹⁹⁷ И, наконец, компактную группу дагестанских народностей

192 Петрушевский И. П. Джаро-Белооканские вольные общества в первой трети XIX в. М., 1934. С. 21-22.

193 Тормасов А. П. Выдержки из «Ведомости», содержащие сведения о численности населения Дагестана, 1811 г. // ИГЭД. С. 237.

194 Краткие статистические сведения о Закатальском округе // Записки кавказского отделения русского географического общества (ЗКОРГО). Т. 19. Тифлис, 1897. С. 40.

195 Симонович Ф. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 151.

196 Тормасов А. П. Указ. соч. // ИГЭД. С. 237.

197 Симонов Ф. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 150-151.

составляли цахуры, проживающие в самом южном феодальном владении Дагестана - Цахурском султанстве.

Важную роль в военно-политических событиях XVIII в., как и в предшествующий период, играл город Дербент, находившийся под властью Сефевидов с 1607 г. до Петровского похода. Эту власть осуществлял дербентский султан, назначаемый шахским именным указом из числа его ближайшего окружения. «Сам Дербентский уезд невелик, - определяет Гербер границы Дербентского султанства, - и к северу смежен с кайтаками, от коих он отделяется рекою Дербахом, находящеюся за 15 верст от города и составляющей границу Ширвана. К югу простирается он на 30 верст до реки Самур, а к западу только на 5 или по меньшей мере на 8 верст к нижним горам, откуда начинался Табасаранский дистрикт».¹⁹⁸

Опорой султана служили гарнизон, состоявший из 600 человек конницы и 1 тыс. пехоты, а также особо отобранная гвардия - «корчи баши» под командованием наиба, подбираемого и утверждаемого шахом «из знатнейших тамошних жителей».¹⁹⁹ Политическая власть дербентского султана простиралась также на Табасаран и Мюшкюр.²⁰⁰ Согласно данным конца XVIII в., в Дербенте с прилегающим уездом насчитывалось от 15 до 20 деревень, исчислялось 3230 дворов и 10 тыс. населения мужского пола.²⁰¹ Пятнадцать деревень Уллутского магала, управляемых также дербентским наибом, имели 780 домов.²⁰²

Что касается численности населения Дагестана в целом и его отдельных частей, указывают авторы сводного труда, то об этом «сколько-нибудь достоверных статистических материалов мы не

198 Гербер И. Г. Известия о находящихся... С. 101; Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа. Ч. 1. С. 28.

199 Гербер И. Г. Известия о находящихся... С. 101; Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа. Ч. 1. С. 120.

200 Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 93.

201 Дренякин И. Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 176.

202 Бутков П. Г. Выдержки из «Проекта отчета персидской экспедиции в виде писем», 1796 // ИГЭД. С. 202.

имеем».²⁰³ Вместе с тем, ссылаясь на карту маршрута 1725 г. и сообщения русских путешественников и военных обозревателей 1796 г., они перечисляют общее количество жителей, отдельно мужского пола, число дворов и домов в некоторых феодальных владениях, союзах сельских обществ и населенных пунктах, которые в целом совпадают с приведенными нами выше данными.

Так, за 1725 г. приводится следующее количество дворов: в Тарки - 110, в подвластных шамхалу восьми аулах - 1740. Касательно 1796 г. называется следующее количество домов: в Тарки - 1400 - 1500, в Бойнаке - до 950, в двадцати двух подвластных шамхалу и кумыкским бекам аулах - 2950, в одиннадцати аулах Мехтулинского ханства - 3000, в Дербенте - 2180. За тот же год сообщается о наличии в трех лезгинских союзах сельских обществ Самурской долины 30 деревень и следующего количества дворов: в шамхальстве - 60000, в Мехтулинском ханстве - 3750, в уцмийстве Кайтагском - 25000, в Акуша-Дарго - 30000, в Аварском ханстве - 30000, у лакцев - 15666, в Ахты - 600, в Мискинджи - 250 и в Келегуре - 150 дворов²⁰⁴ и т. д.

Такими представляют имеющиеся данные примерные контуры размещения и функционирования феодальных владений и союзов сельских обществ Дагестана. Отсутствие иных, более достоверных источников вынуждает нас ограничиться сделанным анализом по этим вопросам. Однако даже такой анализ дает представление о внутривнутриполитическом состоянии и внешнеполитическом положении Дагестана в рассматриваемое время.

§ 2. Политический строй и взаимоотношения феодальных владений и союзов сельских общин

Внутриполитическое состояние и внешнеполитическое положение Дагестана определялось воздействием различных внутренних и внешних факторов, вызывавших неоднозначные процессы в феодальных владениях и союзах сельских обществ:

203 История Дагестана. Т. 1. С. 308.

204 Там же. С. 307-308.

политическая раздробленность, этническая разобщенность, междоусобная борьба, сепаратизм и деспотизм господствующего класса, гегемонистская политика противоборствовавших сторон - Ирана, Турции и России.

Из внутренних факторов решающим был политический строй, выражающийся в том, что верховными сюзеренами на подвластной территории выступали неограниченные правители: шамхалы, ханы, уцмии, султаны, майсумы, беки или бии у кумыков. Носители верховной власти формально выбирались на высшем совете феодальной знати по принципу старшинства. Младшие представители господствующей фамилии несли службу на местах, хотя их зависимость от центральной власти постепенно становилась номинальной.²⁰⁵

Административное устройство феодальных владений было несложным: они делились на отдельные территориальные объединения аулов и джамаатов, где представители верховной власти осуществляли свои функции совместно с членами сельской знати - старшинами каждой сельской общины, входящей в состав этих владений.²⁰⁶ На должность старшин избирались наиболее почетные члены общины, власть которых в более развитых обществах стала принимать форму наследственности. Старшины занимались решением повседневных общественных и хозяйственно-бытовых вопросов, руководствуясь адатно-правовыми нормами.

Административные, правовые и судебные функции в княжествах осуществляла центральная власть с помощью постоянного войска - дружины, отдельные представители которой, связанные с сюзереном патриархальными узами, аталычеством и молочным братством, привлекались к выполнению особо важных княжеских поручений. Во время войны феодальные правители на местах собирали народные ополчения, выставяемые общинной знатью на селе.

205 Гербер И. Г. Описание стран и народов... // ИГЭД. С. 165; История Дагестана. Т. 1. С. 322, 324, 325, 327.

206 Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 19, 130, 231.

Уровень развития производительных сил и производственных отношений, устойчивость патриархально-родовых пережитков наложили отпечаток на административное устройство и формы управления удельных княжеских владений и сельских общин, находившихся вне сферы непосредственной власти верховного сюзерена.

Если в феодальных владениях власть общинной знати - старшин была ограничена, то в независимых союзах сельских общин («вольных» обществах) сложившиеся условия содействовали усилению политических прав «сильных» семей, выросших в недрах общины. Должность старшины некоторых главенствующих союзов становилась достоянием исключительно определенного рода.²⁰⁷ Наследственный характер должности старшины за влиятельными тухумами закрепляется и в отдельных общинах.²⁰⁸

Помимо старшин, у всех народностей и племен Дагестана функционировали как высшие органы самоуправления мирские сходы, на которых участвовали представители аулов, входящих в состав союзов сельских обществ. Однако и на этих сходах принимало участие определенное число представителей сельской знати, игравшей решающую роль в решении наиболее важных вопросов: распределение общинных земель и пастбищ, выборы должностных лиц, взаимоотношения между сельскими общинами и феодальными владельцами, решение вопросов войны и мира, утверждение новых адатных норм и решений общинной администрации.²⁰⁹

Фактически это означало, что сходы не всегда являлись носителями функций народной власти, которые переходили в руки промежуточных органов - так называемых советов, состоящих из узкого круга должностных лиц и верхушки богатых ту-

207 Гаджиев В. Г. Союзы сельских общин Дагестана. С. 21-22.

208 Алиев В. Г. Каба-Дарго в XVIII-XIX вв. Махачкала, 1972. С. 163.

209 Гаджиев В. Г. Сочинение Гербера И. «Описание стран и народов»... // ИГЭД. С. 114.

хумов, ведавших на деле всеми вопросами внутренней и внешней жизни населения. Такую роль между сходами выполняли административные органы во многих местах, но наряду с ними, а иногда и над ними носителями верховной административной и политической власти выступали кадии, как, например, в Акушинском союзе, Верхнем Табасаране и Андалалском союзе.

Своеобразие этого феномена просматривается на примере Акуша-Дарго, представлявшем своего рода федерацию союзов сельских обществ, включавшей Акушинский, Усишинский, Цудахарский, Мекегинский и Мугинский союзы сельских общин. Решая самостоятельно свои внутренние проблемы, но выступая сообща при решении внешнеполитических задач, они сохраняли внутреннюю автономию и территориальную целостность даже тогда, когда оказывались под мощным давлением шамхальства Тарковского или уцмийства Кайтагского. Подтверждение тому - не только авторитетное мнение акушинского кадия при решении общедаргинских дел, но и его участие «от имени всех верхнедаргинцев... в «коронации» ... шамхала Тарковского».²¹⁰

Изменение характера политической власти в «вольных» обществах в таком направлении превращало органы управления сельских общин в надстроечную переходную форму, «сочетавшую в себе новые феодальные стороны со старыми первобытнообщинными институтами».²¹¹ Наличие элементов этого явления в жизни разных народов наводит на мысль, что это был процесс трансформации демократической народной власти сельских общин в наследственную власть феодализирующейся знати.

Внутриполитическое состояние Дагестана в это время характеризовалось дальнейшим усилением феодальной раздробленности. Истоки политической нестабильности в феодальных владениях и союзах сельских общин сводились к тому, что уже в

210 Умаханов М. -С. К. Политические взаимоотношения союзов сельских обществ Дагестана. С. 65.

211 Магомедов Р. М. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1975. С. 64.

конце XVII в., по сравнению с предшествующим периодом, «политическая карта Дагестана стала еще более пестрой, дробной».²¹²

Ввиду указанных причин в первой трети XVIII в. здесь не было заметных тенденций к государственной централизации, а продолжало сохраняться 30 с лишним феодальных владений и свыше 60 «вольных» обществ, не имевших постоянных границ между собой и с соседними странами, что облегчало их вмешательство во внутренние дела Дагестана.²¹³

Наиболее крупными феодальными владениями, игравшими ведущую роль во внутренней жизни и внешнеполитических отношениях Дагестана с середины 30-х гг., являлись шамхальство Тарковское, уцмийство Кайтагское, Казикумухское и Аварское ханства, майсумство и кадийство Табасарана. В качестве независимых правителей с самостоятельной внешнеполитической ориентацией продолжали выступать владельцы Бойнака, Казаница, Эрпели, Дженгутая, Отемьша, Эндирея, Аксая, Цахура и Рутула.

Этим обстоятельством нередко пользовались правители соседних держав для привлечения на свою сторону конфликтовавших между собой дагестанских правителей и предводителей «вольных» обществ. «Из дошедших до нас указов и грамот, охранных листов и других государственных актов русских царей и фирманов турецких султанов, - отмечает Р. М. Магомедов, - видно, что владельцы эндиреевский, костековский, казанищенский и эрпелинский всегда отмечались особыми знаками внимания и милости как правители подвластного им кумыкского народа и улусов кочующих ногайцев».²¹⁴

Феодальные владения Дагестана по характеру политического строя представляли государственные образования типа восточной деспотии на ранней стадии развития.²¹⁵ В них

212 Умаханов М. С. Взаимоотношения феодальных владений. С. 205.

213 История Дагестана. Т. 1. С. 320.

214 Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана... С. 169-170.

215 История Дагестана. Т. 1. С. 321.

не было особых отраслей управления по дипломатическим, военным и финансовым вопросам, отдельных административных и судебных органов. Как указывалось выше, главную военно-политическую и судебную власть на подвластной территории осуществляли верховные правители: шамхал, уцмий, хан, султан, бек (бий), майсум и кадий. В своей повседневной внутренней и внешней политике они опирались на советников из беков, носивших титулы визирей, назиров и мурз.²¹⁶

Профессиональной армии, кроме отборного отряда нукеров от 3 до 4 тысяч, дагестанские владетели не имели. Основную их воинскую силу составляли узденские ополчения, призываемые поголовно во время внешней опасности. Таким путем уцмий мог выставить до 12000 чел. войска, казикумухский хан - до 20000, шамхал - до 25000, аварский хан - до 30000 чел.²¹⁷ и т.д. Но эти воинские силы оставались разрозненными, отношения между владетелями и предводителями «вольных» обществ - натянутыми, необходимой материальной базы для защиты своей независимости в отдельности они не имели. Основная часть войска набиралась по найму за счет призыва узденей - свободных общинников.

Как было отмечено выше, наряду с феодальными владениями, в Дагестане было множество разбросанных повсюду «вольных» обществ, составлявших относительно самостоятельные административно-политические единицы со своими общинными органами управления. В интересах обороны и защиты «вольные» общества иногда объединялись в более крупные союзы, представляя внушительную силу, с которой не могли не считаться феодальные владетели Дагестана и монархи соседних государств. «Древнейшему и обыкновенно могущественнейшему аулу, - писал М. М. Ковалевский, - удавалось путем нередко молчаливо заключенных союзов взять на себя руководство судьбами соседних с ним обществ, и в этом случае старшина этого аула принимал на себя предводи-

тельство в военных походах».²¹⁸ Так образовались у даргинцев Акушинский и Цудахарский союзы, у кайтагов - Кубачинский и Башлинский, у аварцев - Андалалский и Андийский, у лезгин и рутулов - Ахтынский и Рутульский, на границе с Грузией и Азербайджаном - Джарский и Тальский союзы и др.

Такие крупные объединения общинников играли важную роль в политической жизни Дагестана. Во главе их стояли опытные старшины, пользовавшиеся признанием не только у соплеменников своего союза, но также далеко за его пределами. По решению высших органов наравне с феодальными владетелями они сносились с иностранными державами, заключали договоры, вступали в подданство, рассматривали вопросы войны и мира. Наибольшим влиянием из них в период Дагестанской кампании шаха Надира пользовались джарские старшины Ибрагим Диванэ и Магомед-Халил, аварские старшины Маллаччи и Галега, кубачинский старшина Баммат и др.

Ведущее место среди даргинских союзов сельских обществ занимало Акуша-Дарго, управляемое наследственным кадием и представлявшее свое войско за плату шамхалу Тарковскому. В военное время акушинский кадий предводительствовал ополчением. Его решения по духовным вопросам считались окончательными не только для жителей самого союза, но и Кайтагского уцмийства. Отдельными небольшими отрядами командовали магальные кадии. По форме правления Акуша-Дарго напоминало теократию. Наследственная власть кадия устанавливалась также в Цудахарском союзе сельских обществ.

Заметную роль в общественно-политической жизни Аварии играли хунзахский кадий (шейх-уль-ислам) и другие представители мусульманского духовенства, решавшие духовные дела по законам шариата.²¹⁹ Определенное влияние на политическую жизнь Кайтага оказывало общество Кубачи, правовые нормы которого были типичными для многих «вольных» обществ Среднего и Нагорного Дагестана. «Жители в нем все

216 Неверовский А. А. Истребление аварских ханов. СПб., 1848. С. 2-3.

217 Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа. Ч. 1. С. 210.

218 Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. Т. 2. М., 1890. С. 162-163.

219 История Дагестана. Т. 1. С. 327, 329, 331.

мастеровые и торговые, - писал А. И. Лопухин о кубачинцах в 1718 г., - ни с кем ссоры не имеют и они никого не слушают, а живут сами с собой, а управителей из своей братии имеют погодно». ²²⁰ Спустя 10 лет И. Г. Гербер также подтвердил, что кубачинцы «никому ни в чем не уступают, а главное их старание состоит в том, чтобы защищать свою вольность». ²²¹ Наиболее важные вопросы, особенно военно-дипломатического и внешнеполитического характера, кубачинские старшины обсуждали и решали вместе с кайтагским уцмием.

Однако соседние феодальные владетели покушались на самостоятельность «вольных» обществ, вынуждая их прибегать под свое покровительство. Таким путем под властью шамхала в разное время оказывались Мекегинское, Мугинское и Цудахарское общества. От уцмий зависели союзы обществ Гапш, Мюйри, Ирчамуль, Шуравкент, Каттаган, Урахи, Гимры. В начале XVIII в. под видом покровительства Сурхай-хан установил власть над джамаатами Амух, Антлук, Ашты, Сайджи, Худуц, Цикра, Кунки ²²² и др. До 1725 г., сообщает И. Г. Гербер, акушинцы были людьми вольными, но в этом же году «уцмий подговорил выступить их против России, а затем установил над ними свое господство». ²²³

Но власть уцмий над акушинцами осталась номинальной. Управление джамаатами в повседневной жизни сохранялось в руках выборных старейшин. «Каждая деревня, - писал тот же автор в 1728 г. об акушинцах, - имеет своего старшину, которые ныне усмею послушны, только он, усмей, с ними вежливо поступать принужден, ибо оные себя подданными числить не дают». ²²⁴ Такие же взаимоотношения между владетелем и их полупокорными подданными были характерны и в других местах. На этой почве между «вольными» обществами и феодальными

220 Лопухин А. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 36.

221 Гербер И. Г. Известия о находящихся... С. 47.

222 Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 42-66, 119-130, 261-263.

223 Гербер И. Г. Известия о находящихся... С. 48.

224 Гербер И. Г. Описание стран и народов... // ИГЭД. С. 101.

владельцами происходили частые столкновения, что усугубляло нестабильность внутренней и внешней обстановки, содействовало дальнейшей политической раздробленности края.

Со времени ирано-турецкого договора 1639 г. приморская территория Дагестана номинально входила в состав Ирана. В этом смысле власть иранских феодалов распространялась и на джаро-белооканские «вольные» общества, лезгин, табасаранцев, Элисуйское султанство, уцмийство Кайтагское, шамхальство Тарковское. Однако многие местные владетели и предводители «вольных» обществ лишь формально признавали такую власть, получая за это денежное содержание и другие вознаграждения из шахской казны. ²²⁵ Дербент с 1607 г. находился под контролем иранских шахов.

Население Нагорного Дагестана не только не признавало иранское владычество, но и само переходило в активное наступление против иранских завоевателей. Имея в виду упомянутый договор, А. А. Неверовский писал, что «получившая в удел восточную часть Закавказья Персия никогда не могла обуздать Дагестан. Посылаемые в Дагестан персидские войска испытывали одни лишь поражения, и в Персии существовала пословица: «Если шах глуп, то пусть пойдет войной на лезгин». ²²⁶

Этими обстоятельствами стремилась воспользоваться Турция, воздействуя на отдельных дагестанских правителей и предводителей «вольных» обществ через союзников из среды местных феодалов и мусульманского духовенства. Такая политика соседних держав усугубляла бедственное положение народных масс, подрывала производительные силы края, препятствовала процессу политической консолидации, сохраняла неустойчивость внутривнутриполитического состояния и внешнеполитического положения Дагестана. Особенно трагически складывалась

225 Ахмед Джевдет-паша. Описание событий в Грузии и Черкесии по отношению к Оттоманской империи от 1192 по 1202 г.х. (1778-1788 р. х.) // Русский архив. Кн. 1, 1889. С. 37.

226 Неверовский А. А. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношении до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1848. С. 9-10.

судьба народностей и племен (лезгин, табасаранцев, кайтагов, кумыков и других), расположенных вблизи Дербентского прохода, куда устремлялись иранские и турецкие феодалы. «С конца XVI века и вплоть до присоединения к России, - пишет С. С. Агаширинова, - лезгины, как и другие народы Дагестана, стали объектом почти непрерывной и жестокой агрессии со стороны иранских шахов и турецких султанов. Борьбе с захватчиками мешала политическая раздробленность, являвшаяся следствием социально-экономической отсталости».²²⁷

Приведенный материал показывает, что со времени ирано-турецкого договора 1639 г. обстановка в Дагестане оставалась неустойчивой. Складыванию такой ситуации способствовали не только причины внутреннего порядка, о которых шла речь выше, но и политика соперничавших держав (Иран, Россия, Турция), уходящая своими истоками в более ранний период. Придавая важное значение овладению Северным Кавказом как связующим звеном между Европой и Азией, ведущее место в своей политике они уделяли Кабарде, стоявшей на пути османо-крымской агрессии со стороны Азова, и Дагестану, отсекавшему волну иранских и османских нашествий с юга. Ситуация в Дагестане особенно обострилась накануне нашествия Надир-шаха Афшара, когда этот край стал объектом острого противоборства между Россией, Турцией и Ираном.

§ 3. Дагестан в планах противоборствовавших сторон со времени ликвидации иранского гнета до начала вторжения Надир-шаха Афшара

Дагестан, расположенный на западном берегу Каспия - стыке Европы и Азии, издавна привлекал внимание соседних держав - Ирана, России и Турции. Занимая выгодное географическое положение между упомянутыми странами, Приморский Дагестан представлял собой не только богатую природными

²²⁷ Цит по: Агаширинова С. С. Материальная культура лезгин XIX - начала XX в. Автореф. докт. ист. наук. М., 1980. С. 6-7.

ресурсами часть Кавказа, но и имел первостепенное стратегическое значение. Древний город Дербент, замыкавший узкий проход между морем и горами, испокон веков являлся важным пунктом, связывавшим Восточную Европу с Передней Азией. Военно-стратегическое и торговое значение Дербентского прохода между двумя континентами было одной из причин неоднократного вторжения завоевателей в Дагестан.

«Дагестан... по географическому своему местоположению, - писал местный исследователь Д.-М. Шихалиев, - был путем всем древним народам, не раз чрез него проходившим по военным и мирным видам из Азии в Скифию и обратно. Недаром Дербенд назван Темир-капу (железные врата) или по-арабски Баб-ал-абваб (врата врат)... Путь в южную Азию для этих диких народов... был самый удобный чрез Дагестан... Против этих набегов еще в глубокой древности была воздвигнута Дербентская стена, которую возобновляли и поправляли неоднократно и персидские правители - Сасаниды и багдадские халифы... Скифы, хазары и Золотая Орда, одни за другими, врывались и опустошали славное ширванское царство, задержание которого и ограждение от набегов было предметом забот многих из государей, царствовавших на Востоке. В свою очередь, Аксак-Темир два раза провел через Дагестан свои полчища; шах Надир посетил край этот со своими войсками, крымские ханы не раз проходили чрез него, помогая туркам в войне против персиян. Русские, под предводительством императора Петра Великого, чрез Дагестан впервые познакомились с Закавказьем; словом, Дагестан был одним из первых путей всех древних и новейших народов, проходивших через Кавказские горы из Азии в Европу и обратно».²²⁸

Роль Дагестана во взаимоотношениях России, Ирана и Турции была неоднозначной и зависела от многих факторов: стратегических планов соперничавших держав, объективных возможностей для их реализации, внешнеполитической ориентации владельцев

²²⁸ Шихалиев Д.-М. Рассказ кумыка о кумыках. Махачкала, 1993. С. 20-21.

и старшин, отношением дагестанских народов к политике противоборствовавших сторон и местной феодальной элиты, особенно в вопросах, имевших или обретавших внешнеполитический характер. Анализ политической ситуации в Дагестане с учетом упомянутых факторов может высветить общий фон, на котором происходили описываемые события.

Такой анализ следует начать с антииранских восстаний, ускоривших вмешательство соперников Ирана в кавказские дела и падение Сефевидской династии в самом Иране. Преимущественное внимание к антииранским восстаниям важно и потому, что в начале 90-х гг. появились отдельные газетные публикации о предводителях восстаний (Сурхай-хан Казикумухский, Дауд-бек Мюшкюрский)²²⁹, не лишённые фактических ошибок и освещающие их роль с субъективных позиций. Между тем объективная оценка роли дагестанских владетелей в антииранской борьбе во многом проясняет их действия не только в период борьбы против владычества Сефевидов, но и нашествий Надир-шаха Афшара.

Предводителями антииранских восстаний, охвативших в 1707-1712 гг. Джаро-Белоканы, Цахур, Табасаран и Северный Азербайджан, выступили Хаджи-Дауд Мюшкюрский, Сурхай-хан Казикумухский, Ахмед-хан Кайтагский и Али-Султан Цахурский, поставив себе целью, по мнению Г. Алкадари, «организовать убийство и уничтожить в Нухинском, Ширванском и Кубинском уездах поставленных шахом Хусейном ханов и служащих».²³⁰ Но, кроме этих мотивов, как заметил А. Неверовский, они воспользовались возможностью отложиться от Ирана, особенно тем, что «предприимчивым людям было открыто свободное поприще приобретения новой власти, новых владений».²³¹

229 Зубаиров М. Легендарный Сурхай-хан // Дагестанская правда, 23 января 1991, N 16, 24 января 1991, N 17; Р. Ризванов. И в походы ходили вместе // Дагестанская правда, 24 апреля 1991, N 79 и др.

230 Алкадари Г. Э. Асари Дагестан. С. 64.

231 Неверовский А. А. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан. С. 9.

С этой целью осенью 1712 г. во главе повстанческих сил до 30 тыс. человек они напали на Шемаху, но не смогли ее взять. После этой неудачи Ахмед-хан под влиянием шамхала Адиль-Гирея воздержался от дальнейшей борьбы, а Сурхай и Али-Султан вернулись в свои владения. О позиции самого Адиль-Гирея в это время И. Гербер сообщает: «Когда бунт в Дагестане и Ширване начался, то Шамхал по своей мочи трудился оное утушить, токмо ни добротой, ни силою то учинить не мог».²³² Однако по мере нарастания антииранских восстаний Адиль-Гирей стал отходить от Ирана и пошел на сближение с Россией. Касаясь этого зигзага в политике тарковского владетеля, тот же автор подчеркивает, что шамхал, видя бессилие шаха подавить эти восстания, «и потому такому бунту конца не будет ... обрадовался, что Россия намерена с войском в Персию вступить».²³³ В марте 1717 г. Адиль-Гирей принял российское подданство.

Отношение дагестанских владетелей к антииранским восстаниям зависело от решаемых ими конкретных задач. По существу остался в стороне от них аварский нуцал Уммахан. Не вмешиваясь в бурные события своего времени, правитель Аварии занялся подчинением своей власти близлежащих «вольных» обществ и владений. Отмечая усиление власти аварского хана над своими подданными, И. Гербер писал, что «они подвластны различным князьям... Знатнейший из них усмей авар называется, а особливое имя его Ума-хан».²³⁴

Более глубокие причины «нейтралитета» Аварии в этих событиях, обращая внимание на ее географическое положение и труднодоступность для завоевателей, вскрывает другой источник. «Хотя по времени шах персидский и султан турецкий владели некоторыми ханствами в Грузии, - отметил генерал-майор Энгельгардт в «Замечаниях против списка подполковника Скалона», - но Авария никогда не подвергалась быть

232 Гербер И. Г. Описание стран и народов ... // ИГЭД. С. 72.

233 Там же.

234 Там же. С. 165.

данниками или чем-нибудь зависимым от сих держав (Ирана и Турции. - Н. С.), как Тарки, Дербент и протчие, которые просили шаха персидского утвердить их властителями по наследству получаемых ими краев, без чего народ им не повиновался. По воинственной нравственности сего народа, Авария и тогда почиталась неприступною и заставляла сии державы по необходимости иметь союзные сношения с оною, дабы от нее получить надежное наемное войско».²³⁵

Не принимали участия в антииранских восстаниях находившиеся под угрозой постоянных нашествий табасаранские владетели майсум и кадий. Тот же автор писал о табасаранцах, что «они имеют собственного своего князя, который называется Махсум. Тогдашний назывался Мугамед, а Кади Рустан бек. Оба они находились прежде в подданстве у Персии и зависели от султана Дербентского».²³⁶ В отличие от них, по мере развития антииранского движения предводители Рутула добились независимости и пошли на сближение с Сурхаем.

Обулавливалось это тем, что наибольших успехов в это время добился правитель Лакии. Воспользовавшись ослаблением Ирана и создавшейся благоприятной обстановкой, Сурхай-хан расширил границы своего владения от Кумуха, Кюре и Самура до Кубы. «В это время значение Казикумуха достигло высокой степени, - отмечает А. В. Комаров. - Все владетели обществ искали дружбы и покровительства Чолак Сурхай-хана».²³⁷

Неоднозначные внешнеполитические ориентиры выбрали кумыкские князья. Постепенно отворачиваясь от Ирана в период спада антииранского движения, наиболее последовательными сторонниками России выступили шамхал Адиль-Гирей и аксаевский владетель Султан-Махмуд. Северокумыкские эндириевские владетели, занятые распрями с кабардинскими

235 Институт рукописных документов (ИРД) АН РГ. ROS 181. С. 9.

236 Гербер И. Г. Описание стран и народов... // ИГЭД. С. 114.

237 Комаров А. В. Казикумухские и кюринские ханы // ССКГ. Вып. 2. СПб., 1889. С. 10.

князьями, поставили себя в натянутые отношения с Россией. Буйнакский владетель Муртузали, соперничая с Адиль-Гиреем в борьбе за власть, склонился на сторону казанищенского Умалата, оставшегося сторонником Ирана. Находившийся под влиянием кайтагского уцмий Ахмед-хана отемышский владетель Султан-Махмуд, совершив нападение на представителей российского посольства в 1718 г., осложнил взаимоотношения с Россией. Оставшись в одиночестве, Дауд-бек совершал вылазки против иранцев, но был пленен и просидел в дербентской тюрьме до освобождения своими единомышленниками в 1720 г.

К этому времени разложение Сефевидской державы достигло апогея. Иран и подвластные Сефевидам территории были охвачены массовыми восстаниями. Решающий удар по кавказским позициям Ирана нанесли дагестанские повстанцы. После двухнедельной осады во главе с Дауд-беком и Сурхаем 7 августа 1721 г. они захватили Шемаху, уничтожили кавказского наместника шаха Кей Хосров-хана, 800 членов иранской администрации и 300 русских купцов, изъяв у них товары, по данным различных источников, от 500 тыс. до 2 млн. руб.²³⁸

Одновременно Иран стал объектом нашествия 30-тысячного войска афганцев под предводительством Мир-Махмуда. Летом 1722 г. афганские войска нанесли поражение Сефевидам, захватили Керман и двинулись на столицу Исфахан. Перепуганный шах Султан Хусейн обратился за помощью к дагестанским владетелям, «склоняя на это полупокорных подданных деньгами и подарками».²³⁹ Потерпев неудачу, он заточил в темницу родственника тарковских шамхалов великого визиря Фатали-хана Дагестани, ложно обвиненного придворной камерильей в тайных сношениях с дагестанскими повстанцами.

Деморализованные иранские войска не могли сопротивляться. 22 октября 1722 г. столица Ирана была захвачена

238 АВПРИ, ф. 89. Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1721, д.7, л. 114; Соловьев С. М. История России. Кн. IX. Т. 18. С. 373.

239 Неверовский А. А. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан. С. 10.

афганцами. Шах Хуссейн Сефи был низложен, но его сыну Тахмаспу удалось бежать сначала в Казвин, а затем в Тебриз, где он объявил себя шахом под именем Тахмаспа II.

Развалом Иранской державы ршили воспользоваться Россия и Турция, рассчитывая поглотить иранские владения на Кавказе и в прикаспийских областях. Порта надеялась использовать в своих интересах организаторов шемахинского побойща - Сурхая и Дауд-бека, поставивших себя во враждебные отношения с Россией. Осенью 1721 г. от кабардинских князей поступило донесение, что Сурхай и Дауд-бек, опасаясь карательных действий со стороны России, добиваются покровительства от Порты. 8 февраля 1722 г. резидент И. И. Неплюев сообщил из Стамбула, что Порта ведет тайные переговоры о принятии в свое подданство «лезгин Дауд-бека и Сурхая».²⁴⁰

Склонение двух видных предводителей антииранских восстаний на сторону Турции заметно повышало ее шансы на овладение Дагестаном, что противоречило основным целям восточной политики Петра I. Выход к южным морям и обеспечение безопасности южных границ не могли быть обеспечены без овладения побережьем Каспия. Решение этой проблемы для российского двора стало насущной задачей дня. Завершение Северной войны победой над Швецией и выходом к Балтике дало возможность реализовать давно задуманный и тщательно подготовленный поход на юг. В результате вторжения 100-тысячной армии Петра I территория от Аграханского залива в устье Сулака до реки Милюкент за Дербентом была занята в течение четырех недель (июль-август 1722 г.). Попытки противостоять российскому войску со стороны владетелей Эндирея и Отемьша обернулись тем, что первое из них было обращено «в пепел»,²⁴¹ а из второго «солдаты (царя. - Н. С.) сделали ... фейерверк».²⁴²

240 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1722, д. 8, ч. 1, л. 30.

241 Соловьев С. М. История России. Кн. IX. Т. 18. С. 377.

242 Там же. С. 379.

Столь быстрое продвижение русской армии объяснялось не только ее многочисленностью или оперативностью принимаемых мер, но и стремлением местного населения (торговцы, ремесленники, крестьяне) освободиться с помощью России от «произвола коррумпированной шахской администрации, от феодального разбоя и политических неурядиц».²⁴³ Очевидцы и современники событий однозначно подтверждают, что ситуация на Кавказе и в прикаспийских областях благоприятствовала походу Петра I.²⁴⁴ Большинство владетелей Кабарды и Дагестана находилось в российском подданстве, а шамхал Адиль-Гирей и аксаевский князь Султан-Махмуд оказали активное содействие в продвижении русской армии. В результате Петровского похода было занято дагестанское побережье Каспия.

Успешное осуществление части задуманного плана царя вызвало острое недовольство в Стамбуле, подогреваемое Англией и Францией, опасавшихся усиления влияния России на Востоке. Опираясь на их поддержку, Порта развернула активную деятельность, добиваясь вывода русских войск из Дагестана. С этой целью в сентябре и декабре 1722 г. она приняла в свое подданство Али-Султана Цахурского и Дауд-бека Мюшкюрского, поставив перед ними задачу захвата соседних территорий и вытеснения русских войск из Дагестана.²⁴⁵ Турецкий командующий в Эрзеруме для поддержки их усилий получил приказ с 20-тысячным войском «иттить в Дагистанскую землю, дабы российским войскам запретить в прогрессах».²⁴⁶ Самому же Дауд-беку, признанному турецким султаном Ахмедом III верховным правителем Дагестана и Ширвана с резиденцией в Шемахе, повелевалось: «всеми мерами стараться выгнать российский гарнизон из Дербента и всяких тамошних краев».²⁴⁷

243 Алиев Ф. М. Антииранские выступления. С. 10.

244 См. Ашрафян К. 3. Падение державы Сефевидов (1502-1722 гг.) // Очерки по новой истории стран Среднего Востока. М., 1951. С. 202; Гаджиев А. С. Роль русского народа в исторических судьбах народов Дагестана. Махачкала, 1964. С. 9.

245 Uzunçarşılı İ. N. Osmanlı tarihi. Cilt. 4. Ankara, 1956. S. 187.

246 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1722, д. 16, л. 37 об.

247 Там же, д. 5, ч. 1, л. 11 с об.

Переговоры, проходившие в январе-августе 1723 г., не дали положительных результатов. Поддерживаемая западными державами, особенно Англией, Порта вела себя воинственно. В июне 1723 г. турецкие войска заняли Тбилиси. В ответ на это русские войска сначала заняли Решт, а затем Баку.²⁴⁸ Вслед за этим, стараясь не допустить Турцию на побережье Каспия, Россия стала добиваться от Тахмаспа II добровольной уступки Дагестана и прикаспийских областей, обещая взамен на это помощь Ирану в борьбе с османами и афганскими завоевателями. На этой основе 12 сентября 1723 г. был подписан Петербургский русско-иранский договор, предоставлявший России «в вечное владение города Дербент, Баку со всеми к ним прилегающими и по Каспийскому морю лежащими землями и местами также де и провинции Гилян, Мизандрон и Астрабат».²⁴⁹ Взамен на это Россия обязалась помочь Ирану в борьбе против его врагов. Договор закрепил переход к России части Северо-Восточного Кавказа, включая Дагестан. К ней же отходили прикаспийские провинции (Астрабад, Гилян, Мазандаран), что явилось важной ее дипломатической победой: не нарушая мира с Ираном, она могла отстаивать их на основе взаимных обязательств.²⁵⁰

Не случайно этот договор вызвал ярость турецкого правительства, пытавшегося укрепиться в Дагестане и Ширване, объявив в Шемахе в конце сентября «публично султанский указ и диплом в какой силе шейх Дауду провинция Ширван под владение от султана назначена».²⁵¹ Однако эта акция Стамбула имела обратный результат. Дагестанские владетели не признали верховной власти Дауд-бека, а съехались в урочище Худат, где вынесли решение: «...быть Шемахе и Баку городу за Шамхалом, да

248 Маркова О. П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. С. 28.

249 АВПРИ, ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1723, д. 1, л. 10.

250 Моэззи Н. Х. Тарих-е равабат-е сийаси-йе Иран ба донья, Тегеран, 1365/1946. С. 243.

251 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1723, д. 5, ч. 2, л. 412.

Мюскер Шабран за Даудом, да Кубе и Калхан за Усмеем, а городу Дербени за Майсумом».²⁵² Но от намеченного плана им пришлось отказаться, так как в Шемахе была переброшена турецкая конница под командованием сераскера Кара Мустафы-паши, «дабы все оные владельцы у Порты в послушании содержать».²⁵³

Однако добиться от них «послушания» Порте не удалось. Дагестанские владетели продолжали враждовать с Дауд-беком, стараясь изгнать его из Шемахи. Повидимому, сказывались последствия фактического двоевластия, установленного в мае 1723 г., когда в Шемахе управляли двое: брат Дауд-бека Мамат-хан и дядя Сурхая Качай (Карат-бек. - Н. С.), которому фактически принадлежала власть в городе. Архивные материалы подтверждают, что Шемаха превратилась в объект острой борьбы между Турцией и Дауд-беком с одной стороны, Сурхеем, шамхалом и уцмием - с другой.²⁵⁴

В такой обстановке русско-турецкие переговоры продвигались с трудом. Они осложнялись тем, что английский резидент А. Станьян и французский посол де Бонак усиленно восставляли турецкий двор против русско-турецкого соглашения. Станьян внушал верховному визирю, что «Порта оружием должна остановить успехи русских на Востоке».²⁵⁵ О позиции французского посла И. И. Неплюев сообщал, что он требует от русских войск от «границ турецких ретироватца», а от него самого - «дабы и я по турецкому желанию к трактату склонился».²⁵⁶

Не добившись этого даже под угрозой войны, Порта вынуждена была отступить. 12 июля 1724 г. был подписан Константинопольский русско-турецкий договор, признавший за Россией упомянутые прикаспийские провинции,

252 АВПРИ, ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1723, д. 1, л. 112.

253 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1723, д. 5, ч. 2, л. 412.

254 Там же, д. 8, л. 54 с об., 186-187 с об.

255 Соловьев С. М. История России. Кн. IX. Т. 18. С. 401.

256 АВПРИ, ф. АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1724, д. 6, ч. 2, л. 301 об.

полученные ею от Ирана по Петербургскому договору 1723 г. Что касается Дагестана, то его территория подлежала разделу между Россией и Турцией. Россия получала 2/3 приморской полосы Дагестана и Ширвана и часть земель по Самуру, считавшихся под протекцией Сурхая. На территории Ширвана с охватом 1/3 части в сторону моря создавалось отдельное Шемахинское ханство во главе с Дауд-беком под суверенитетом Порты. В Дагестане к Турции отходили Ахты, Рутул, Цахур и часть лезгинских земель (Кюринский участок. - Н. С.), считавшихся под покровительством Сурхая. Вдобавок к этому Турция получала остальную часть Азербайджана, Грузию, Армению и западные области Ирана.²⁵⁷ По оценке румынского историка Н. Йорги, «турки получили те области, к которым стремились в течение двух столетий».²⁵⁸

По мнению же И. И. Неплюева, Константинопольский договор был победой российской дипломатии. Оценивая итоги достигнутого соглашения, он доносил царю: «Гурки... за вашим величеством подтвердили все то, как вашему величеству от шаха Тахмасиба уступлено. А в Ширване от Баку до единения рек Аракса и Куры, а против Шемахи от моря две трети земли, а против Дербени на двадцать-тридцать часа (средней верховой езды в сторону гор. - Н. С.). А Дагистаны все осталось вашему величеству и ничего о тех народах в трактате не поминано».²⁵⁹

Однако статьи Константинопольского договора, принятые по рекомендации западных держав, были сформулированы так, что оставляли место для разночтения каждой из сторон в свою пользу, сохраняя почву для разжигания российско-турецкого конфликта. Этот договор, разделивший Кавказ на сферы влияния между Россией и Турцией, открывал перспективу для

257 Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 7. СПб., 1830. С. 303-309.

258 Jorga N. Geschichte des Osmanischen Reiches. Nach den Quellen dargestellt. Bd. 4. Gotha, 1911. S. 408.

259 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1724, д. 6, 2, л. 32 с об.

реализации их стратегических планов в ущерб интересам народов региона. Не случайно при обсуждении проекта этого документа султан Ахмед III пытался привлечь на свою сторону дагестанских владетелей, рассчитывая включить это условие в текст будущего договора. Еще в феврале 1724 г. он направил Сурхайю «Жалованную грамоту» с заверением, что если тот примет подданство Порты, то наградит его «высшей степени достоинством, чтобы в тех странах возымели вы пристойное владение». Сообщая о том, что такие же грамоты отправлены удмию Ахмед-хану, его сыну Магомед-хану и Али-Султану Цахурскому, И. И. Неплюев уточнял: «Да таковых же пять жалованных грамот послано для раздачи Дагестанским князьям, которых имена неизвестны, остановлены на имена их в тех грамотах места».²⁶⁰

Однако это обращение не нашло поддержки среди дагестанских владетелей, продолжавших выступать против Дауд-бека, в поддержку Сурхая, проводившего независимую политику от Порты. 23 февраля 1724 г. турецкие министры признались И. И. Неплюеву, что «все дагестанские князья признали Сурхай-бея за главу».²⁶¹ Причину популярности Сурхая Гербер видел в том, что он не признал Константинопольский договор 1724 г. и стал выступать против намерения Порты поглотить часть покровительствуемых им территорий. По словам Гербера, джарцы, цахуры, рутульцы, ахтынские и кюринские лезгины поддерживали его потому, что «Сурхай их подданными своими почитает и добром допустить не хочет, чтоб от него отделены были, также оные между собой не только заедино стоят, но хасикумыки и нижние дагистанцы с ними крепко соединились».²⁶² П. Г. Бутков и А. А. Неверовский, соглашаясь с этой мыслью, особо выделяют активное участие на стороне Сурхая в борьбе с османами жителей Джаро-Белоканских «вольных» обществ.²⁶³

260 Там же, ч. 1, л. 170 с об. - 171.

261 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1724, д. 6, ч. 1, л. 185.

262 Гербер И. Г. Описание стран и народов. // ИГЭД. С. 105.

263 Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, ч. 1. С. 8; Неверовский А. А. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан. С. 19-20.

Недовольство османским владычеством продолжало нарастать. Порты не могла удерживать Дауд-бека у власти без постоянных военных подкреплений. 5 мая 1725 г. в Стамбуле признали, что «леги», которые находятся в Шемахе, от послушания к Порте... отказываются и под командою шейх Дауда быть не хотят».²⁶⁴ Спустя несколько дней великий визирь официально подтвердил, что турецкому командующему в Трапезунде Сары Мустафе-паше «повелено нынешнего лета итти с войском в Шемаху и тамо шейх Дауда утвердить».²⁶⁵

Приведенные факты показывают, что, несмотря на все старания, Порты не смогла вытеснить русские войска из Дагестана и привлечь на свою сторону ведущих дагестанских владетелей - Адиль-Гирея, Сурхай-хана, Ахмед-хана и др. В Стамбуле, наконец, осознали, что Али-Султан и Дауд-бек не в состоянии выполнить возложенные на них задачи. Поэтому османы стали искать поддержки среди наиболее влиятельных кавказских владетелей, в первую очередь у тарковского шамхала, подготавливая его выступление против России.

После ухода основных сил армии Петра I в конце сентября 1722 г. шамхал Адиль-Гирей сохранял союзные отношения с Россией, предупреждая российское командование об анти-российских настроениях среди местных владетелей. Однако после отъезда Петра I со стороны российской администрации наблюдались случаи нападения, насилия, захвата пленных в Бойнаке, Карабудахкенте, Манасе и других местах, подвластных шамхалу, что ущемляло его интересы. Об этом Адиль-Гирей трижды доносил царю с конца сентября 1722 г. до февраля 1725 г., но никакой положительной реакции на это не последовало.²⁶⁶ Эти неприязненные действия и строительство крепости Святой Крест в 40 км от Тарки были использованы Портой

264 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1725, д. 6, л. 165 с об.

265 Там же, л. 319.

266 Русско-дагестанские отношения в XVII - первой четверти XVIII вв. С. 269-272.

для восстановления шамхала против России. Недовольный политикой российской администрации, подстрекаемый Портой и Крымом, в течение 1725 г. шамхал дважды штурмовал Аграханский редут, но был отбит с большими потерями.²⁶⁷

Российское командование предприняло энергичные меры против этой авантюры, тайно поддерживаемой уцмисом Ахмед-ханом. О роли уцмия в этих событиях Гербер пишет: «Сей Усмей Ахмет-хан человек лукавой и неглупой; он чрез свой предговор много к тому помогал, что шамхал против России взбунтовал, и хотя он обязался с войском своим с шамхалом соединиться, однако же он в то дело не мешался и сидел тихо, ожидая, будут ли по обещанию Дауд-бека (войска. - Н. С.) шамхалу в помощь, а как он увидел, что турки то не исполнили, а российское войско на шамхала пошло, то поддался он российской империи и присягу учинил и для того сохранен остался».²⁶⁸

Для наказания шамхала были выделены специальные войска с наказом: «Всячески трудиться, чтоб его, шамхала, добыть себе в руки».²⁶⁹ Исполняя этот приказ, генерал Г. С. Кропотов разорил и сжег резиденцию шамхала Тарки, а самого загнал в горы. Брошенный своим сторонниками, оставшись один, шамхал обратился за помощью в Крым, но не получил поддержки.

Выступление шамхала против России и его обращение за помощью в Крым серьезно обеспокоило петербургский кабинет. Оно дало повод Порте для вмешательства во внутренние кавказские дела, а Англии и Франции - для раздувания российско-дагестанских противоречий. Изыскивая удобный предлог для этого, великий визирь убеждал Неплюева, что конфликт между шамхалом и российской администрацией уладит сераскер Сары Мустафа-паша, которому велено идти с войском из Гянджи в Ширван, чтобы их «чрез медиацию (посредничество. - Н. С.) успокоить».²⁷⁰

267 Потто В. А. Два века терского казачества (1577-1801) (в 2-х т). Владикавказ, 1912. Т. 2. С. 27.

268 Гербер И. Г. Описание стран и народов // ИГЭД. С. 84.

269 Потто В. А. Указ. соч. Т. 2. С. 99.

270 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1725, д. 6, л. 361 с об.

Однако заверения высшего сановника Порты не ввели в заблуждение русского резидента. Предупредив, что исполнение этого намерения Порты в Петербурге «за разрыв трактата (Константинопольского договора 1724 г. - Н. С.) воспримется», И. И. Неплюев потребовал, чтобы султан направил своему командующему указ, чтобы он «ни под каким претекстом в дагистанские земли не мешался яко они российские подданные и что сие нам весьма чувствительно».²⁷¹

Добившись изоляции шамхала, русское правительство предприняло энергичные меры для его пленения и уничтожения его влияния в Дагестане. При посредничестве кабардинских и кумыкских князей 20 мая 1725 г. Адиль-Гирей прибыл в русский лагерь у Кумторкалы, чтобы отправиться в Петербург просить прощения у императрицы, но был взят под стражу и отправлен в крепость Святой Крест для содержания под караулом.²⁷²

Петербургский кабинет был серьезно озабочен тем, что предпринять в отношении достоинства шамхала, означавшего символ верховной власти в Дагестане. После неоднократного обсуждения этого вопроса на заседании Верховного Тайного Совета в июле 1726 г. правительство сочло целесообразным избавиться от сосредоточения чрезмерной власти в руках одного лица. Осенью того же года решением Сената звание шамхала было ликвидировано; Адиль-Гирей сослан в г. Коло Архангельской губернии; исполнение верховной власти в Дагестане возложено на главнокомандующего русскими войсками генерал-аншефа В. В. Долгорукого.²⁷³ Вслед за этим правительство предприняло ряд неотложных мер для укрепления своего влияния: на берега Аграхани и Сулака перевели 1000 семей гребенских казаков, в Аграханский редут - батальон пехоты, в окрестности Святого Креста - 7 драгунских полков²⁷⁴ и т.п.

²⁷¹ Там же, л. 364, 365 с об.

²⁷² Соловьев С. М. История России. Кн. X. Т. 19. С. 10.

²⁷³ Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного Совета (1726-1730) // Сб. РИО. Т. 55. СПб., 1886. С. 386-394.

²⁷⁴ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа. Ч. 1. С. 79.

Принятые меры оказались эффективными и воздействовали на внешнеполитическую ориентацию владетелей и старшин. За 10 месяцев после ареста шамхала (июнь 1726 - март 1727 гг.) присягу на верность России повторили владетели и старшины Табасарана и Кайтага. Впервые вступили в ее подданство старшины влиятельного союза Акуша-Дарго, Кубачи, отемьпшский Султан-Махмуд и аварский правитель Умма-хан с вручением грамоты «о верности Российскому государству».²⁷⁵

Все это означало, что выступление шамхала против России, инспирированное Портой и Крымом, не подорвало ее позиций в Дагестане и прикаспийских областях. «Как дагистанские, так и горские владельцы, - доносил В. В. Долгоруков в апреле 1727 г., - без противности себя показывают».²⁷⁶ Несмотря на происки Порты и Крыма, Россия отстояла свои позиции в Дагестане, что имело решающее значение для разграничения на Кавказе по Константинопольскому договору 1724 г. В начале 1728 г. Долгорукий отбыл в Петербург, поручив командование русскими войсками двум генералам: на Кавказе - А. В. Румянцеву, в прикаспийских областях - В. Я. Левашову. Для разграничения с российской стороны были назначены А. В. Румянцев, майор Иоганн Густав Гербер и полковник фон Лукей; с турецкой - Сары Мустафа-паша, султанский посланник Нишли Мехмед-ага и дефтердар Эмини-ага.

По Константинопольскому договору 1724 г. к России отходила приморская полоса шириной 100-119 верст в Дагестане и 43 версты в Ширване. На этой территории по Самуру ниже Кураха располагалось 10 лезгинских аулов влиятельного союза Кюре, считавшихся под протекцией Сурхая. В Кубинской провинции, выше Рустау, находилась стратегически важная крепость Теньга, входившая в зону российского влияния, но занятая Дауд-беком вопреки указанному договору. Этими

²⁷⁵ РГВИА, ф. 20: Секретная часть экспедиции военной коллегии, оп. 1/47, ед. хр. 9, л. 85.

²⁷⁶ Цит. по: Соловьев С. М. История России. Кн. X. Т. 19. С. 10.

обстоятельствами часто пользовалась Порты, подталкивая Дауд-бека и Сурхай-хана на антироссийские выступления.²⁷⁷

По этой причине разграничение, начавшееся 2 апреля 1726 г., чрезвычайно затянулось. Первое препятствие возникло в конце сентября, когда после Табасарана и Ширвана турецкие комиссары отказались вступить в Кюре. Объясняя причины вынужденной задержки, И. И. Неплюев доносил, что крепость Теньга доставалась в российскую сторону, но, чтобы этого не случилось, Дауд-бек «купил пашу, чтоб ныне границу не окончил»,²⁷⁸ заплатив за это «12 тысяч туманов, что будет нашими деньгами 120 тысяч рублей».²⁷⁹ Подкупленный Дауд-беком, Сары Мустафа-паша отозвал своих комиссаров до весны следующего года. В нарушение Константинопольского договора в Шемаху были введены турецкие янычары, для пропитания которых горожан обложили денежной податью на 12 тысяч рублей и хлебной - на 40 тысяч тагар.²⁸⁰

Этими мерами в Стамбуле надеялись выиграть время, чтобы переселить принудительно в «свою» зону жителей той полосы Кавказа, которая отходила к России. Однако население этих областей выступало против засилья османов, обращаясь за покровительством к российской администрации, которая с готовностью отзывалась на такие обращения. Так, в ноябре 1726 г. генерал А. В. Румянцев отправил из Дербента для защиты жителей Мюшкюра 300 солдат и 140 казаков под командой майора Гатмана.²⁸¹ С этой же целью между Дербентом и Баку у пристани Низабат под командой полковника Д. Ф. Еропкина в постоянной готовности находилось 6,5 тысячи человек подвижного кавалерийского резерва.²⁸²

277 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1725, д. 6, л. 270, 288, 289, 364 с об., д. 5, т. 1 л. 78 об., 108 об., 338 об., 340.

278 АВПРИ, ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1725, д. 9, л. 248-250.

279 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1725, д. 15, л. 56 об.

280 Там же, л. 33, 38 с об.

281 Там же, л. 95 об.

282 Там же, л. 31.

Покровительственная политика России способствовала усилению ее влияния среди местного населения, активизировала его пророссийскую ориентацию. Особенно интенсивно этот процесс протекал в приморском Дагестане и прикаспийских областях, где в 20-х - начале 30-х гг. присягу на верность России приняло подавляющее большинство правителей и представителей местного населения.²⁸³

Усиление пророссийской ориентации народов Кавказа ставило под угрозу выполнение внешнеполитических замыслов Порты - овладение этим регионом как важнейшим плацдармом на побережье Каспия. Попытки турецких комиссаров присоединить к владениям Порты отходившие к ней на Кавказе территории встретили сопротивление местного населения. Как доносили комиссары Порты в Стамбул в конце декабря 1727 г., «действуя и силою и иными способами», они укротили шемахинских обывателей, но дальше «наступила дагистанская земля, которую мерить невозможно, яко они мерить не дают, противяцца оружием».²⁸⁴

В такой обстановке Дауд-бек не смог выполнить задач, возложенных на него Портой, и стал терять ее доверие. Оказавшись в изоляции, опасаясь расправы со стороны Порты, он пытался пойти на сближение с Россией, но безуспешно.²⁸⁵ Пятилетнее пребывание Дауд-бека в подданстве у Порты не принесло ему ничего иного, кроме политического банкротства: в конце 1727 г. султан Ахмед III отвернулся от него и решил привлечь на свою сторону Сурхая, предложив ему шемахинский трон с трехтысячным годовым жалованьем и с доходами от уездов Кабала и Акдаш в Шемахинской провинции, составлявшими 120 тысяч рублей в год.²⁸⁶ «Сурхай ныне пришел

283 Мустафаев М. М. К вопросу об усилении русской ориентации в Азербайджане (20-е - начало 30-х годов XVIII в. // Изв. АН Аз. ССР. Серия истории, философии и права. N 2. Баку, 1972. С. 33-34, 36-37.

284 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1727, д. 6, л. 604 с об.

285 Там же, д. 15, л. 39 с об.

286 Гербер И. Г. Описание стран и народов. // ИГЭД. С. 103.

в протекцию турецкую... на место Даудханово, - доносил 30 декабря 1727 г. Долгорукий, - а Дауд-хана ищут, чтоб ему голову отсечь».²⁸⁷ В мае 1728 г. Порта пригласила Дауд-бека «с визитом вежливости» в Гянджу, где он был арестован, затем переведен в Эрзерум, а оттуда сослан на остров Родос.²⁸⁸

Политическая гегемония в Дагестане и Ширване с тех пор безраздельно перешла к Сурхаю, вставшему на путь сотрудничества с Портой, хотя до этого он не раз выступал против гегемонистских устремлений османов на Кавказе и попыток российского двора присовокупить к своим владениям Кюре, относившееся по трактату к России.²⁸⁹

Переход Сурхая под покровительство султана резко активизировал реваншистские замыслы Порты, решившей добиться прежних целей, опираясь на своего нового приверженца. По мнению И. Неплюева, с тех пор Ширван и Шемаха, где сидел Сурхай в качестве верховного правителя, выдвинулись на первое место, отодвинув на второй план Дагестан и Кабарду. Приняв Сурхая под свое покровительство, Порта заявила о завершении разграничения в Дагестане, требуя в его «владения не вступатца», но продолжала укреплять свои позиции, превратив эту зону в постоянно действующий плацдарм конфликтной ситуации. Нагнетая обстановку, Порта стремилась вытеснить русские войска с Кавказа, занять прикаспийские области, а «Сурхаево владение (от верховьев Казикумухского Койсу до русской пограничной линии в Ширване. - Н. С.) с Шемахою соединить и тем сильнее свою партию в той стране утвердить».²⁹⁰

Воинственные устремления османов продолжали нарастать. Российскому послу в Стамбуле И. И. Неплюеву приходилось вести трудную борьбу против объединенного напора дипломатов Порты и антироссийски настроенных западных

держав. Потерявший покой из-за интриг турецких министров и их западных покровителей, он доносил в Петербург: «Здесь... мне их словами не переспорить, ибо они в своем доме, имея власть, шире рот отворяют, хотя и сами не правы».²⁹¹

Последовательная защита И. И. Неплюевым интересов России при турецком дворе и бдительность российских командующих на Кавказе вызвали недовольство османских министров, которые потребовали отзыва русского резидента из Стамбула и генерала Левашова из Гиляна. Неплюев советовал не доводить дело до разрыва с Портой, но решить вопрос дипломатическим путем, твердо отстаивая свои интересы. «Сей двор, - писал он в том же донесении, - задирать ненадобно..., - а и в своем упущать невозможно, ибо взяв кафтан, потребуют не только камзола, но и рубашки».²⁹²

Опасения резидента вскоре сбылись. Осенью 1728 г. сераскеры Мустафы-паши и Али-паши составили с участием Сурхая план военной операции - внезапного рейда конницы в российские тылы для укрепления там османского влияния. Осуществляя этот план, в декабре 1728 г. Сурхай нарушил российскую границу, обошел пехоту у места слияния Аракса и Куры, прошел через Джеват, Сальяны и Мугань, но вынужден был отступить под угрозой разорения Шемахи генералом Румянцевым.²⁹³

Одновременно с этим посланный Сурхаем в Дагестан его дядя Карат-бек вторгся в российские пределы и увел с собой до 3 тысяч жителей этой полосы, «отвращая оных от подданства России, призывая в Сурхаеву службу».²⁹⁴ Вполне одобряя его действия, Порта предложила своим командующим «дагистанцев к себе манить», представляя «способы легкие к изгнанию российских войск из Персии».²⁹⁵ Отмечая причины антирос-

287 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1728, д. 8, л. 132.

288 Там же, 1729, д. 6, л. 54, 212.

289 Там же, 1727, д. 10, л. 10-11 об.; 1728, д. 4, л. 339.

290 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1728, д. 4, л. 97 об.-98.

291 Там же, л. 375-376.

292 Там же, л. 405.

293 Сб. РИО. Т. 75. СПб., 1891. С. 344, 395, 396.

294 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1729, д. 5, л. 136.

295 Там же, д. 5, л. 175.

сийского настроения в Стамбуле, И. И. Неплюев доносил: «Порте весьма неприятно, что российское правление в Персии и всех тамошних народов, даже у их подданных, кредит нашло, а к их стороне все противны».²⁹⁶

Надеясь изменить обстановку, Порты продолжала альянс с Сурхаем, обнадеживая военной помощью. Принятый в Стамбуле «с честью и вознаграждением», адъютант Сурхая Мамедай вернулся с указом, чтобы он «сколько может у россиян отбирал провинции и места».²⁹⁷ Шумно демонстрируя поддержку Сурхая, султан двинул из Тбилиси в сторону Тебриза турецкое войско в «40 байраков» (знамен. - Н.С.).

Эти шаги турецкого двора вдохновили Сурхая на новые акции. Обнадеженный помощью со стороны Порты, Сурхай заявил, что «хочет ехать в свою землю разорять Мушкуры и что его рука будет у дербентской стены».²⁹⁸ За словами Сурхая последовали конкретные дела. В декабре 1729 г. его сын Муртузали и дядя Карат-бек совершили внезапный рейд до Дербента, но вынуждены были отступить в Кюре, в аул Ерлах. Надеясь остаться безнаказанными и снова повторить антироссийскую акцию, они распространили слух, что Сурхаю прислан новый султанский указ переделать границы так, чтобы за Россией остались места «к морю лежащие от Дербента, а прочие: Табасаран, Куба, Мушкуры, Шепран все отданы ему (Сурхаю. - Н. С.)».²⁹⁹

Неоднократные требования Румянцева к Сурхаю вывести своих людей из занятых аулов остались без последствий. Ободренные этим, Муртузали и Карат-бек, арестовав верных России кюринских старшин, от имени «Блистательной Порты» обратились к джамаатам Кюре с призывом выступить в поддержку Сурхая, а от «гяуров (неверных, т. е. русских. - Н. С.) отстать и быть всегда противными».³⁰⁰

296 Там же, л. 305.

297 Там же, л. 305.

298 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1729, д. 5, л. 204 об.

299 Там же, л. 205.

300 Там же, 1730, д. 5, л. 45 - 45 об.

Однако это письмо не возымело ожидаемого действия. Кубинский старшина Кафлан передал это письмо А. В. Румянцеву, а тот вручил его турецким комиссарам для соответствующего реагирования. На требование очистить лезгинские аулы Карат-бек ответил отказом, сказав «про меня, - доносил сам генерал, - что я от него и в Дербенте места не найду».³⁰¹ Исчерпав мирные возможности, 23 декабря 1729 г. А. В. Румянцев атаковал Карат-бека, обратил его в бегство, вторгся во владения Сурхая и отогнал до 60 тысяч баранов, ставших предметом длительного спора с Портой и с Сурхаем.³⁰²

Стоявший за кулисами событий Сурхай пытался взять реванш, призывая владетелей Дагестана и старшин джарских джамаатов выступить за плату против России, но не добился успеха. Отклонив предложенные Сурхаем 50 тысяч рублей, уцмий Ахмед-хан и наследники шамхала Хасбулат и Будаи заявили, что «они присяги своей (данной российской императрице. - Н. С.) нарушать никогда не будут».³⁰³ Оставшийся без поддержки Сурхай обратился в Стамбул с жалобой на действия русских властей. Оказывая Сурхаю видимую поддержку, Порты потребовала отзыва А. В. Румянцева с Кавказа, а русское правительство потребовало от султана заменить Сурхая. Эти взаимные претензии ни к чему не привели, но великий визирь предупредил Сурхая, чтобы он «не вмешивался в дела России».³⁰⁴ С тех пор отношения между Портой и Сурхаем стали охлаждаться, порой доходя до разрыва.

Анализ сложившейся ситуации показывает, что накануне нашествий Надир-шаха Афшара в Дагестане сохранялась сложная и напряженная обстановка. Внутриполитическое состояние Дагестана, усугубленное политической децентрализацией, пестротой этнического состава населения, сложными

301 Там же, д. 11, л. 21 с об.

302 Там же, д. 5, л. 54.

303 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1730, д. 5, л. 22, 54, 55.

304 Там же, д. 6, л. 58.

взаимоотношениями между феодалными владениями и союзами сельских общин, вмешательством соседних держав, характеризовалось наличием многочисленных очагов напряженности, перераставших в вооруженные столкновения. Такая ситуация, несомненно, способствовала воспитанию дагестанцев как храбрых и умелых воинов, но вместе с тем ослабляла возможности совместного отражения внешней угрозы, что было на руку иноземным завоевателям.

Внешнеполитическое положение Дагестана определялось политикой противоборствовавших сторон, сложным переплетением русско-иранских и русско-турецких отношений, заметным сближением Ирана с Россией и обострением русско-турецких противоречий из-за определения сфер влияния в Дагестане и прикаспийских областях.

Отличительной особенностью политической жизни народов Дагестана в этот период следует считать более определенную ориентацию на Россию в ходе борьбы против иранского владычества и активное противодействие захватническим устремлениям Стамбула и Петербурга в годы разграничения, стремившихся присовокупить к своим владениям отдельные территории и народности этого края.

Узловыми звеньями военно-политической и дипломатической активности держав, соперничавших в Дагестане, были поход русских войск в Прикаспий и подписанные вслед за этим Петербургский договор 1723 г. и Константинопольский трактат 1724 г. В этом же плане следует рассматривать принятие Портой в подданство Али-Султана, Дауд-бска и Сурхайхана и ответные меры со стороны России, предпринятые для сохранения здесь своего влияния.

ГЛАВА III НАЧАЛО НАШЕСТВИЙ НАДИР-ШАХА НА ДАГЕСТАН И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ (1734-1738 гг.)

§1. Прикаспийские области и Дагестан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана накануне нашествий Надир-шаха Афшара

Обстановка в Прикаспийско-Кавказском регионе накануне нашествий Надир-шаха на Дагестан оставалась напряженной. Решающее влияние на это оказывало российско-турецкое противоборство, опиравшееся на оккупационные силы сторон, расположенные в этих краях. Создававшаяся ситуация благоприятствовала наступательным замыслам Стамбула, пытавшегося воспользоваться бедственным положением Ирана, находившегося под афганской оккупацией. Военно-дипломатическая активность Порты подогревалась и тем, что дворцовые перевороты и засилье иностранцев в послепетровской России свели проблемы восточной политики Петербурга до решения элементарной задачи - искать выход, как «с некоторой честью и безопасностью из... персидских дел выйти».³⁰⁵

Однако воспользоваться плодами завоевания Ирана афганскими феодалами османам не пришлось. В конце 20-х - начале 30-х гг. положение в Иране в корне изменилось. Тяжелые последствия афганской и османской оккупации послужили причиной освободительной борьбы против захватчиков, которую возглавил сын незначительного кочевника из тюркского племени афшаров Надир, проявивший себя как талантливый полководец, но крайне жестокий политик. По сведениям иранских авторов, Надир родился 22 ноября 1688 г. в провинции Хорасан (местность Достгярд, в 7 км южнее г. Доррагеза). Отец Надира Имамкули занимался выделкой кож и изготовлением из нее одежды и обуви. В четырнадцатилетнем возрасте вместе с матерью и старшим братом Ибрагимом Надир попал в плен к туркменским

³⁰⁵ Русский вестник. Т. 2. М., 1841. С. 155.

ханам, откуда они бежали и вернулись на родину четыре года спустя. Возвратившись в Хорасан, Надир вместе с братом служил в дружинах различных феодалов, затем создал собственное ополчение, овладел крепостью Келат, которую превратил в свою опору для достижения честолюбивых замыслов.³⁰⁶

Поступив на службу к шаху Тахмаспу II в качестве главнокомандующего вооруженными силами, он стал наместником Хорасана, подчинив своему влиянию безвольного патрона. Между 1726 и 1729 гг. Надир разбил Мелика Махмуда Сиستانского, отнял у него захваченный им Мешхед, нанес поражение афганцам - абдали, завладел Гератом и подчинил весь Хорасан. Приняв имя Тахмасп-Кули-хана (раб Тахмаспа. - Н. С.), он взял в свои руки управление всеми областями, подвластными Тахмаспу II, превратившемуся в простое орудие в его руках.³⁰⁷

Успехи Надира обеспокоили афганского правителя Ирана Афшара, попытавшегося разбить своего грозного соперника. Однако в двух сражениях (октябрь-ноябрь 1729 г.) Надир нанес сокрушительное поражение афганцам, очистил от них Исфахан и Шираз, изгнал их за пределы Ирана. В начале 1730 г. в сопровождении Надира шах Тахмасп II вступил в столицу своих предков - г. Исфахан.

Изгнание афганцев и гибель Афшара вызвали тревогу в турецкой столице. Обеспокоенная этим, Порта пыталась добиться от Тахмаспа признания за собой территорий, уступленных ей Афшаром по Хамаданскому договору 1727 г.³⁰⁸ Озабоченность Стамбула была вызвана тем, что изгнание афганцев из Ирана подрывало позиции Порты не только в этой стране,

306 Годдуси М. Х. Надер-намэ. С. 3-12; Сардавар А. Т. Тарих-е незами ва сийаси-и доване Надершах-е Афшар. С. 322-328.

307 Аюп Шемахси. Походы Тахмасп-Кули-хана. С. 8; История Ирана. М., 1977. С. 202.

308 По Хамаданскому договору от 4 октября 1727 г. к Турции отошли Ардебиль, Ереван, Хамадан, Керманшах, Султанья, а также территория между Багдадом и Басрой. - См.: Китаб-е тарих-е джанхонгоша-е Надери-е ман. Бомбей. 1265/1849. С. 14-16.

но и на Кавказе. Как только Надир изгнал афганцев из Ирана, шах Тахмасп потребовал от Стамбула, чтобы ему вернули города, которые «они, османы, похитили из-под его власти».³⁰⁹

Однако неоднократные обращения шаха Тахмаспа к султану Ахмеду III остались без ответа. Иранское правительство решило изгнать турок из этих областей силой оружия. Выступив во главе 30-тысячного войска весной 1730 г., Надир очистил из-под власти османов Хамадан, Ардаган, Керманшах и Тебриз.³¹⁰

Известие об этом вызвало переполох среди правящей османской элиты. Рассчитывая использовать Дагестан в качестве плацдарма для борьбы с Ираном, султан обратился за поддержкой к Сурхаю Казикумухскому, преследуя далеко идущие цели. Как сообщалось в донесении И. И. Неплюева от 2 июля 1730 г., султан повелел Сурхаю собрать «сколько можно войск» и идти к Ардебилу в подчинение турецкого командующего в Тебризе Муштафы-паши. При этом Сурхая обнадеживали тем, что «ежели храбростию и трудом ево возимеет Порта сщастию Испоганью овладеть, в таком случае учинит во Испогани ханом своим».³¹¹

Привлекая Сурхая заманчивыми предложениями, в Стамбуле, однако, вынашивали коварный план, пытаясь избавиться от него, если он не оправдает их надежд. В этот же день турецкий переводчик сообщил И. И. Неплюеву секретно, что «весьма Порта желает ево (Сурхая. - Н. С.) из Шемахи удалить и в глубь Персии определить, дабы свободнее было ево поймать, ежели от него в тех краях ожидаемого плода не будет».³¹²

По-видимому, догадываясь о тайных намерениях турецкого двора, Сурхай вел себя осторожно, не порывая с Портой и не вступая в конфликт с Россией и Ираном. Он фактически продолжал действовать самостоятельно, рассылая воззвания местным владетелям, призывая их на свою сторону. Сообщая

309 Креатаци Абраам (Ереванци). История войн 1721-1736 гг. С. 43.

310 Мохтодар Г. Х. Набардхое базорг-е Надершах. С. 22.

311 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1730, Д- 5, л. 257 об.

312 Там же.

об этом в рескрипте И. И. Неплюеву от 4 июля 1730 г., коллегия иностранных дел специально подчеркивала: «вдобавок секретно, коим образом Сурхай... верхних горских владельцев в соединение к себе привлечь ищет, и к нашему подданному горскому владельцу шамхальскому сыну о том писал письмо».³¹³

6 июля 1730 г. диван принял решение объявить войну Ирану, полагая выставить значительные силы с участием Сурхая и крымского хана Каплан-Гирея. Однако это решение осталось невыполненным. В результате глубокого кризиса военно-ленной системы внутреннее и международное положение империи продолжало ухудшаться.³¹⁴ 17 сентября 1730 г. в Стамбуле произошло народное восстание, завершившееся низложением султана Ахмеда III и возведением на трон Махмуда I.³¹⁵

Но смсна монарха не изменила ни положения народных масс, ни военно-политического состояния империи. Несмотря на подавление восстания, правительство султана Махмуда было парализовано. Наступательная сила османов значительно ослабла. Воспользовавшись этим и отъездом Надира в Хорасан для подавления восстания племени абдали, шах Тахмасп решил испытать военного счастья. Выступив весной 1731 г. из-под Тебриза, в начале апреля он нанес поражение османам под Ереваном, что вызвало очередной переполох в Стамбуле. Правительство Махмуда вступило в переговоры с шахом Тахмаспом, стараясь отвлечь его от театра военных действий и восстановить против России.

Внутреннее и международное положение России при императрице Анне Иоанновне, когда все вопросы решались немецкой «партией» во главе с Э.-И. Бироном, значительно ухудшилось. На западе против нее складывалась коалиция

313 Там же, л. 187 об.

314 Мейер С. М. Османская империя в XVIII в. Черты структурного кризиса. М. 1991 С. 174-175, 191.

315 Известия о двух возмущениях, случившихся в Константинополе 1730 и 1731 годах при низложении Ахмеда III и возведении на престол Магомета V. Пер. с франц. СПб., 1730. С. 2.

Англии, Франции, Пруссии и Швеции, на востоке намечался военно-политический союз между Турцией и Ираном. В сложившейся обстановке русское правительство решило сохранить взаимовыгодные отношения с Ираном и не допустить Турцию на побережье Каспия хотя бы ценой возвращения Ирану части прикаспийских областей.

В связи с этим генералу Левашову в Гиляне и резиденту Неплюеву в Стамбуле отправили инструкции всеми мерами склонить шаха Тахмаспа к союзу с Россией, не допустить заключения отдельного антироссийского ирано-турецкого договора. Для предупреждения захвата Дагестана и прикаспийских областей османами было решено «держать наготове значительные силы... удерживать тамошние народы при русской стороне, для чего находящихся здесь (в Петербурге. - Н. С.) посланников от тамошних владельцев... вполне удовлетворить и отпустить домой».³¹⁶

Таким образом, в начале 30-х гг. военно-политическая обстановка на Кавказе и в прикаспийских областях снова осложнилась. Интересы трех противоборствовавших сторон продолжали сходиться в этом регионе. Роль Дагестана в их взаимоотношениях продолжала возрастать, хотя позиция Порты заметно ослабла. В связи с падением военной мощи Стамбула народы Дагестана активизировали антиосманские выступления. Прибывший из Тифлиса в середине ноября 1730 г. армянин Семен Аракелян сообщил в Дербент, что «около Тифлиса джарталинские лезгины деревни разоряют, а турки против них выйти не смеют понеже была у них выласка, но лезгины турок многих побили».³¹⁷

Весной 1730 г. старшины джарских джамаатов мулла Муртузали и Гаджи-Али заключили соглашение с кахетинским князем Константином для совместной борьбы против османов. В октябре того же года османские министры жаловались И. И. Неплюеву, что им, туркам, «дагестанские народы многие

316 Соловьев С. М. История России. Кн. X. Т. 19. С. 274.

317 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1730, д. 22, л. 9.

пакости учинили около Генжи, а Сурхаевым ли наущением или собою того неизвестно, ибо де о Сурхае известия не имеетца, но токмо прямо ведомо, что ево в Шемахе нет».³¹⁸

Но в конце октября Сурхай уже был в Шемахе. Предыдущей зимой по приказу турецкого султана он выступил против джарцев, ограбил несколько аулов, но после ухода Сурхая джарцы восстали снова и «каракгачскую крепость ис турецких рук отобрали».³¹⁹

Частые вмешательства Порты в кавказские дела и непредсказуемая позиция Сурхая продолжали влиять на внутривнутриполитическое положение Дагестана. Осенью 1730 г. между наследниками шамхала Адиль-Гирея началась борьба за тарковский престол, в которой приняли участие и другие дагестанские владетели. Сын Адиль-Гирея Будаи вместе с сыном Сурхая Муртузали напал на своего двоюродного брата Эльдара, вынудив его обратиться за помощью к старшему брату Будаю Хасбулату. Опасаясь углубления конфликта между своими подданными, российская администрация запретила ему это сделать. Нагнетая обстановку, Сурхай потребовал от Хасбулата присылки подкрепления в Шемаху, но он Сурхаю «в том отказал».³²⁰

Занимая независимую от внешних сил позицию, Сурхай продолжал призывать дагестанские народы под свое знамя. Осенью 1730 г. от уцмий Ахмед-хана поступило известие, что «народы казикумыцкие, жангутайские, акушинские, тарковские, карабудакские пошли все служить Сурхаю».³²¹ Обеспокоенный этим генерал Веденигер, уточнив, что «не все, но малое число пошло», отправил указы из Дербента уцмию Ахмед-хану, Хасбулату, Будаю и акушинским старшинам, «чтоб они по верности своей народ отгово удержали и всячески от оного отвращали».³²² Внимательно следивший за действиями

318 АВПРИ, ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1730, д. 8, л. 111.

319 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1730, д. 11, л. 136.

320 АВПРИ, ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1730, д. 22, л. 11 с об.

321 Там же. Л. 32.

322 Там же. Л. 39.

казикумухского хана, 30 октября 1730 г. уцмий Ахмед-хан отправил донесение в Дербент: «Сурхай по-прежнему людей набирает, а какое намерение у него - к туркам ли в помощь или кизилбашам - впрядь время изъявит».³²³

На самом деле определить однозначно внешнеполитическую позицию Сурхая было нелегко. Правящие круги Ирана и Турции наперебой призывали его на свою сторону, делая заманчивые предложения. Стараясь сохранить независимость в сложнейшей ситуации, Сурхай маневрировал, не склоняясь решительно ни к одной из сторон. Эта внешнеполитическая линия Сурхая подтверждается различными источниками. Ссылаясь на сведения, поступившие в Дербент 30 августа 1730 г. от посланных в Шемаху лазутчиков, генерал Веденигер доносил в Петербург, что после взятия Тебриза иранцами «Сурхай хан получил от шаха подарки и указ, чтоб он Сурхай пребыл в его верности за что учиняет ево везиром, над Шемахою командиром и дает ему тарковское шамхальство и над всеми горскими (народами) учиняет ево владельцем».³²⁴

Однако это обращение осталось без последствий. Сурхай продолжал занимать нейтральную позицию, опасаясь быть зажатым с разных сторон. О тактике лавирования Сурхая в это время генерал Левашов 10 февраля 1731 г. отправил в Москву следующую депешу: «Сурхай по-прежнему в Шемахе живет, турки ево ласкают, и он их обирает и смотрит сильные стороны ... паша генжинский зовет ево к себе к свиданию, но Сурхай по примеру Даудбекову к свиданию ехать опасен подчас обманут».³²⁵ Отправленный в разведку из Решта в Шемаху Аванес Серафионов 14 апреля 1731 г. также подтвердил, что месяц назад «Сурхай из Шемахи со всем войском выехал, а куды намерение имеет никто не знает смотрит только сильные стороны».³²⁶

323 Там же.

324 АВПРИ, ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1730, д. 22, л. 5.

325 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1731, д. 11, л. 22 об.

326 Там же, л. 135 об.

Оказалось, что Сурхай выехал для сопровождения в Шемаху остатков турецких войск, вышедших из осажденного Надиром Ардебилля при содействии генерала Фамильцина. Этот случай в Стамбуле был представлен как знак верной службы Сурхая Порте и непримиримой враждебности его по отношению к Ирану. В начале апреля 1731 г. в Стамбуле упорно распространялись слухи о том, что шах Тахмасп и его главнокомандующий Надир повсеместно разослали указы, призывая бывших подданных Ирана выступить против Турции. «С таким же манифестом, - сообщал со слов турецких министров И.И. Неплюев 14 апреля 1731 г., - прислал шах к Сурхаю 20 человек людей, ис которых Сурхай 19-ть убил, 20-го назад к шаху с ведомостью отослал, что он Порте верен».³²⁷

В Стамбуле преднамеренно искажали факты, стараясь отдалить Сурхая от России и Ирана. Посланники шаха Тахмаспа были переданы Сурхаю следовавшему из Ардебилля сераскеру Али-паше, который приказал казнить их после выезда из Шемахи.³²⁸ Возлагая вину за это злодеяние на Сурхая, в Стамбуле уверяли, что он оказался в опасности и обратился к ним за помощью, мотивируя этим отправку новых войск в Закавказье.

После поражения османов под Ереваном в начале апреля 1731 г. турецкое командование активизировало военные действия. Сообщая о принятом решении диваном, помощник Неплюева Александр Вешняков отмечал, что турецким войскам велено наступать по широкому фронту - «от Багдада и Еревана до Исфагана, а по указу султанскому Сурхаю велено с войском своим для защищения к Генже итти».³²⁹ Однако 20 апреля 1731 г. иранские войска под командованием шаха Тахмаспа были разгромлены под Ереваном и стали откатываться к Тебризу.

Спустя четыре дня Сурхай получил приказ от турецкого командующего Али-паши, «чтоб он шел в Тебриз, соединясь

327 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1731, д. 7, л. 31 об.

328 Там же, д. 11, л. 135 об.

329 Там же, д. 7, л. 140.

с турецкими войсками, которые посланы из Генжи».³³⁰ Под видом выполнения этого приказа Сурхай выступил в сторону Гянджи, но вместо помощи причинил османам немало неприятностей. В начале августа с большим опозданием в Стамбул поступили известия, что «Сурхай с войском своим пришел ко Иривану и будучи против Гянджи требовал у паши генджинского себе провианта и денег которой не в состоянии был ему дать тогда он Сурхай разорил многие деревни и ограбил неприятельски о чем ему от сераскера Али-паши дано знать с выговором за что он осердился и возвратился назад в Шемаху чего ради сераскер посланные к нему Сурхаю семьдесят пять тысяч левков удержал и к Порте доносил, что ему Сурхай яко беспокойной человек ненадобен, яко от него вместо пользы вред может приключиться или сама измена».³³¹

Победа османов под Ереваном осложнила обстановку в Прикаспийско-Кавказском регионе. Воинственные устремления султанского правительства возобновились с новой силой. Турецкие министры стали несговорчивыми, шахские посланники в Стамбуле были взяты под стражу. Наоборот, в ставке шаха Тахмаспа царила растерянность, готовность капитулировать под нажимом Порты. Перспектива заключения сепаратного ирано-турецкого договора и выхода османов на побережье Каспия обрела реальные очертания. Сознывая эту возможность, русское правительство предприняло ряд дипломатических мер для предотвращения намечавшегося антироссийского альянса. С этой целью генералу Левашову был отправлен срочный указ: в переговорах с шахом Тахмаспом заявить, что если он подпишет взаимовыгодный договор с Россией, «тогда немедленно все провинции по р. Куре шаху отданы будут».³³²

Для успешного завершения переговоров в мае 1731 г. в Репит прибыл опытный дипломат барон Петр Шафиров. Согласно

330 Там же, ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1731, д. 8, л. 194.

331 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1731, д. 7, л. 371 с об.

332 АВПРИ, ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1731, д. 8, д. 14.

полученной инструкции он должен был внушить шахским министрам, что в случае необходимости территориальных уступок Ираном Порте, то лучше уступить арабские провинции, которые легче вернуть обратно ввиду недостаточной организованности сопротивления арабов, но ни в коем случае не уступать Дагестан и прикаспийские области с Закавказьем. «А ежели они Жоржию (Грузию. - Н. С.) и Армению, Шемаху с Ширваном с кумыки и дагистаны... туркам уступят, - говорилось в инструкции, - то сами рассудят, что Персия тогда от них, турок, со всех сторон окружена будет и с российским государством вся коомуникация пересечена будет».³³³

Исходя из этого плана, Шафиров представил текст будущего договора иранскому послу Ибрагим-Мирзе. Иранская сторона приняла этот проект с условием возвращения себе прикаспийских провинций вплоть до р. Куры. Но ко времени завершения переговоров военно-политическая обстановка в Иране резко изменилась. Иранские войска в конце апреля снова потерпели поражение и продолжали отступать к Тебризу. В таких условиях российские представители сочли неблагоприятным заключить договор, опасаясь захвата османами уступленных Россией Ирану территорий. Согласно полученным от правительства новым инструкциям Левашов и Шафиров стали искусно затягивать переговоры до выяснения соотношения сил между Ираном и Турцией.

Но в Стамбуле не знали об изменении тактики русской дипломатии. Опасаясь российско-иранского союза, Порта активизировала военные действия, призывая на свою сторону дагестанских владетелей, прежде всего Сурхая. «А до сего времени, уповая они лутчаго счастья делам своим в Персии, - доносил И. И. Неплюев 1 сентября 1731 г., - Сурхая уничтожали, но не видели успеху ныне паки Сурхаю льстят дабы он совершенно от них не отложился».³³⁴ Сурхай же продолжал занимать выжидательную позицию, не показывая «противностей» против России.³³⁵

333 Там же, 1730-1733, д. 10, л. 32 с об.

334 Там же, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1731, д. 7, л. 479.

335 Там же, ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1731, д. 22, л. 47.

6 сентября 1731 г. османы нанесли решающее поражение армии Тахмаспа под Тебризом, в конце месяца захватили Хамадан. Отступивший с остатками войск к Казвину деморализованный шах любыми средствами торопился закончить войну. Порта также склонялась к миру, рассчитывая столкнуть Иран с Россией. По приказу султана Махмуда турецкий командующий Ахмед-паша принял шахских уполномоченных. Одновременно Порта предпринимала меры, чтобы обезопасить свой тыл со стороны Дагестана. 19 ноября 1731 г. прибывшие из Шемахи в Баку армянские купцы сообщили, что к Сурхаю из Гянджи явился посланник султана Сулейман-ага «в тридцати и более человеках с халатом, также прислано денег двадцать тысяч для раздачи войскам Сурхаевым и ему».³³⁶

Для проверки этих слухов генерал-майор де Бриньи послал тагарина Ахмеда из Баку, который также подтвердил, что «приехал в Шемаху турецкой капичи-баши Сулейман-ага... к Сурхаю от турецкого двора з денежною казною на пети катырах навьючено червонцами, а сказывают тамошние обыватели якобы прислана для нанятия войск в помощь к разорению Персии и протчих противников к стороне турецкой».³³⁷ Сурхай не выделил войск в помощь султану, но для выражения своей к нему приверженности отправил «два меха собольих, два меха горностаевых и несколько штук европейских парчей».³³⁸

Проявляя показную верность Стамбулу, Сурхай стремился воспользоваться создавшейся в Дагестане обстановкой в своих интересах. Характеризуя политику Сурхая осенью 1731 г., генерал Д. Ф. Еропкин подчеркивал: «Оной между тамошними горскими народы в немалой славе, которой всех горских владельцев к себе привлекает, чего он опасен, дабы оныя не склонились к упомянутому Сурхаю, о чем он имеет неуспешное смотрение».³³⁹

336 Там же, д. 15, л. 78 с об.

337 Там же, л. 82.

338 Там же, л. 60.

339 АВПРИ, ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1731, д. 32, л. 23 об.

Опасения Еропкина вскоре сбылись. Среди дагестанских владетелей усилилось брожение. Наибольшую активность проявили уцмий Ахмед-хан и старший сын Адиль-Гирея Хасбулат, пытавшиеся перехватить инициативу у Сурхая и усилить свое влияние. В разгар ирано-турецкой войны они стремились к независимости во внешней политике, часто съезжались между собой, планируя совместные выступления против Сурхая. Дело дошло до того, что Хасбулат втихомолку попытался объявить себя шамхалом, надеясь восстановить этот титул, упраздненный после ссылки его отца.

Находившийся в курсе дагестанских событий генерал Еропкин доносил 2 декабря 1731 г., что «горские владельцы имеют между собою непрестанные съезды и чинят собрания и соглашаются с намерением иттить на Сурхай-хана Шемахинского и на Шемаху для разорения... а на тех съездах больше себя оказывает перед всеми кайдацкой Усмий Ахметхан и дружбою к себе всех кумычен склоняет и з шемхальским меньшим сыном Будаем сообщился, а большой сын шемхальский Казбулат объявляет о себе якобы тавлинских деревень старшины бывших при оныхже зборах просили его чтоб им быть также как они были под властью отца ево Адил-Гирей шемхала и ему так бы быть как отцу его и их содержать почему он Казбулат в одном своем письме к оным подписался кумыцкой владелец и дагистанской шемхал».³⁴⁰

Опасаясь ослабления своего влияния на горских владетелей, российская администрация предприняла ответные меры. Усмотрев в их действиях стремление к непокорности, Еропкин «под страхом разорения» учинил им выговор, запретил частые сношения между собой, а к «Казбулату, - подчеркивал сам Еропкин, - о написании себя без позволения шамхалом також выговорил с надлежащим к тому резонем на что он исповинною писал якоб то писарь ево без приказу своевольно написал, а после того ныне уже не называется».³⁴¹ Этими мерами уда-

340 Там же, д. 15, л. 6.

341 Там же, л. 6.

лось предотвратить междоусобную борьбу среди дагестанских владетелей и удержать их на стороне России.

Однако добиться расстройтва ирано-турецкого сближения и подписания договора между Тахмаспом и Портой России не удалось. Усилия Петербурга успешно разрушались активным вмешательством западных держав. Пользуясь критическим положением шаха, Англия и Франция продолжали оказывать поддержку Стамбулу, отправив туда для содействия своим планам французского офицера А. К. Бонваля, принявшего ислам под именем Ахмед-паши.³⁴² Новый великий визирь Топал Осман-паша, будучи последовательным сторонником Франции, усиленно добивался мирного соглашения с Ираном для создания антироссийского восточного альянса. «Скажите своему королю, - заявил он послу де Вильневу, - что если бы султан назначил француза в качестве великого везира, он не был бы французом более, чем я».³⁴³

В таких условиях 10 января 1732 г. был подписан Керманшахский ирано-турецкий договор, по которому шах Тахмасп уступал султану Махмуду Тбилиси, Ереван, Шемаху с Ширванской областью и Дагестан. Тебриз и Керманшах возвращались Ирану; р. Аракс признавалась пограничной линией.³⁴⁴ Этот договор, подписанный при вмешательстве западных держав, был направлен против России, с целью ее изоляции и вытеснения русских войск из прикаспийских областей и Дагестана. «В особливом артикуле трактата внесено, - отмечал современник, - чтоб обеим примирившимся державам соединенными силами принудить россиян к отдаче взятых ими у персиян земель».³⁴⁵

Заключение Керманшахского договора и дипломатические интриги Порты на Кавказе угрожали интересам России.

342 Витол А. В. Османская империя в начале XVIII в. М., 1987. С. 91.

343 Cassels L. The Struggle for the Ottoman Empire 1717-1740. London, 1966. P. 80.

344 Экбаль Аббас. Тарих-е мофессол-е Иран аз эстила-йе могул та энгераз-е Каджари-йе. Тегран, 1360/1941. С. 197.

345 История о персидском шахе Тахмас-Кулы-хане. Пер. с франц. С. Решегова. Кн. 2. СПб., 1762. С. 119.

Правильно оценив создавшуюся обстановку, русские дипломаты стали действовать через Надира, тайно мечтавшего захватить власть в стране, враждебно настроенного против капитулянтской политики Тахмаспа и турецких захватов в Иране, на Кавказе и в Прикаспии. Не признав Керманшахский договор, Надир обвинил шаха в измене национальным интересам и сверг его с престола. Став всемогущим регентом при малолетнем сыне Тахмаспа Аббасе III, 21 января 1732 г. он подписал Рештский договор с Россией, а затем возобновил военные действия с Турцией.

Помимо торговых привилегий, Рештский договор предусматривал важные территориальные уступки со стороны России. Не желая обострять отношений с Ираном, Россия возвращала Ирану провинции Астрабад, Мазандаран и Гилян, но с тем условием, чтобы эти земли «ни под каким образом в другие державы (Турции. - Н. С.) отданы не были».³⁴⁶ Но Россия соглашалась возвратить их Ирану через 6 месяцев после ратификации договора, если Надир возвратит себе отнятые османами у Ирана территории в Ширване, Армении и Грузии. В трактате содержалось обещание возвратить Ирану Баку и Дербент, когда Надир очистит страну от османов и прочно утвердится на престоле.³⁴⁷

§ 2. Поход Фетхи-Гирея на Северный Кавказ и первое нашествие Надира на Дагестан (1733-1734 гг.)

Подписание Рештского договора изменило соотношение сил на Востоке в пользу Ирана, оказавшегося фактически под властью Надира, что вызвало ответную реакцию со стороны Стамбула. Недовольный подписанием этого договора, способствовавшего российско-иранскому сближению, султан Махмуд стал обострять обстановку на Кавказе, провоцируя пограничные конфликты с помощью крымского хана

346 АВПРИ, ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1732, д. 5, л. 51 об.

347 Юзефович, Т. Д. Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб., 1859. С. 194-200.

Каплан-Гирея с северо-запада и Сурхай-хана с юга. По прямому подстрекательству Порты Каплан-Гирей выступил с притязаниями на Кабарду и Черкесию. Поддерживая эти притязания, османские министры ссылались на то, что «в рещстрах при Порте находится что Кабарда и Черкесы от него хана зависит».³⁴⁸ Сам Каплан-Гирей выступил с угрозами «не токмо Кабарду разорить, но и в Россию татар и запорожцов послать», объявляя себя «в состоянии Россию плетью заметать».³⁴⁹

Споры о Кабарде приняли столь острые формы, что И. И. Неплюев запросил специальную справку о подданстве кабардинцев, чтобы опровергнуть необоснованные претензии своих оппонентов. «Сие кабардинское дело больше сует нанесет чем куралинское, - отмечал он в день подписания Рештского договора, - ибо хан крымский в Кабарду интересующийся несравнителен Сурхаю и при Порте кредитован».³⁵⁰

По донесениям резидентов из Стамбула и Исфахана Петербург предпринял предупредительные меры для пресечения внезапной осmano-крымской агрессии. Заявив протест против враждебных намерений крымского хана, правительство привело в боевую готовность войска на Дону и Кубани. Порта вынуждена была воздержаться от посылки крымских войск на Кавказ, обещая отправить соответствующий указ Каплан-Гирею.

Однако правители Османской империи вели сложную игру. Выдвигая кабардинский вопрос, они готовили Сурхая для нападения на окрестности Дербента и Кубинское владение, обещая прислать двадцатитысячное войско из Гянджи в Шемаху. Ссылаясь на донесения генералов де Бриньи из Баку, Д. П. Бутурлина из Дербента и полковника Фротбиса из Низабада, Левашов и Шафиров предупреждали, что Сурхай обратился с «письмами к подданным Е. И. В. в тех местах живущим

348 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1732, д. 7, л. 82.

349 Там же, л. 318 с об.

350 Там же, д. 9, л. 89 об.

с такими угрозами велел публиковать, чтоб оные или в подданство Порте, а паче его Сурхая поддались ... инако же де он их пришев с войски разорить хочет, и тем ищет Сурхай тех подданных Е. И. В. возмутить и на свою сторону привести».³⁵¹

Но Сурхаю не удалось осуществить свои замыслы. Затянувшийся альянс Сурхая с Портой не встретил поддержки местного населения. Касаясь отношения жителей Дагестана к реверансам Сурхая в сторону Стамбула, генерал Левашов и барон Шафилов 20 марта 1732 г. указывали, что «ежели б по сис число сильными прещениями под владением Е. И. В. обретающихся дагистанских народов мы не удерживали то б он Сурхай не токмо в ширванских своих магалах или уездах но и в самой Шемахе владения своего удержат не мог... из своего жилища в Казикумыках... выгнан быть мог».³⁵²

Однако они не были уверены, что Сурхай прекратит враждебные акции касательно подданных России. Предлагаая Неплюеву потребовать от Порты замены Сурхая, они отмечали, что «пока сей беспокойной и ни самому богу и не токмо некоторому государю неверной человек от которого все возмущения обще з Даутбеском в Персии начало восприняли, в тех краях команду иметь будет, то покою содержать между подданными обоих империй в тех местах трудно или и весьма невозможно будет».³⁵³ О происках Сурхая, подталкиваемого Портой, генерал де Бриньи известил коллегия иностранных дел. Но предупредить нападение Сурхая на Низабад в марте 1732 г. не удалось, хотя оно было отбито с большим уроном для нападавших.

Этот инцидент был использован Сурхаем для нагнетания напряженности в российско-турецких отношениях. Прибывшие в Стамбул 4 июня представители Сурхая заявили рейс-эфенди «чтоб Порта, или б сатисфакцию или б ... позволение самим управляться дала без чего они назад не поедут такова есть их последняя безотменная резолюция, хотя б им Порта

351 Там же, л. 58 с об.

352 Там же, л. 59 об.

353 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1732 д. 11, л. 60 об.

велела головы поотсець, готовы лучше смерть понести нежели без резолюции возвратиться».³⁵⁴

Однако это предупреждение не возымело ожидаемого воздействия на Порту. Она не могла начать войну с Россией из-за Сурхая, хотя «принуждена нашла ево с горячностью в делах его себя показать, ибо она (Порта. - Н. С.), - доносил Неплюев, - силами в Персии слаба, опасна дабы Сурхай шаховой стороны не принял, о чем мне рейс-эфенди чрез переводчика Порты под рукою экзуквался... понеже им весьма нужно сегодня Сурхая не потерять».³⁵⁵

В то время как Сурхай пытался инспирировать антироссийские выступления, от предводителей «вольных» обществ продолжали поступать обращения о желании вступить в российское подданство. Весной 1732 г. с аналогичной просьбой в Петербург обратились старшины влиятельного Андийского союза, что обратило внимание иностранных послов, в частности, Англии. «Через депутатов своих татары эти заявляют, - доносил в Лондон 1 марта 1732 г. английский резидент К. Рондо, - что наслышавшись о милосердии и благодати Е. И. В. ко всем Ея подданным, желали бы жить под ея покровительством».³⁵⁶ Для принятия присяги от андийцев по приказу генерала Еропкина в горы был отправлен опытный офицер.

Но положение в Дагестане оставалось сложным, что было связано с изменением соотношения сил на востоке в пользу Ирана. Ставший фактически правителем Ирана, Надир отказался признать Керманшахский договор и стал готовиться к войне с Турцией за возвращение отторгнутых иранских провинций. Известия о приготовлениях Надира к войне вызвали нервозность в турецкой столице. Сообщая об этом в Петербург, Неплюев подчеркивал, что ко всем командующим в Азии отправлены указы следовать «к персидским границам (Гяндже

354 Там же, д. 8, л. 182.

355 Там же, л. 218.

356 Сб. РИО, Т. 66. СПб., 1889. С. 499.

и Еревану. - Н. С.)... ибо в тех краях надеются быть атаке от Тахмас-Кулы-хапа». ³⁵⁷ Для принятия общего командования над турецкими войсками в Тбилиси отправился бывший великий визирь Топал Осман-паша. Одновременно с ним Сурхай получил приказ быть в боевой готовности, ожидая сигнала от турецких командующих.

Узнав о намерении Надира возобновить войну, султан отправил указ крымскому хану быть готовым к предстоящей военной кампании. С получением этого указа Каплан-Гирей немедленно обратился к кабардинским князьям и эндиреевскому владетелю Айдемиру, призывая их на сторону Турции и Крыма. Кубанский сераскер Хаджи-Гирей Султан обратился к другим горским владетелям «с возмутительными письмами (воззваниями. - Н. С.), чтоб они ... имели по единозаконству с ним султаном сообщение и с их неприятелями... поступали неприятельски». ³⁵⁸ Над Кабардой и Дагестаном нависла угроза. 30 августа и 14 сентября 1732 г. Неплюев дважды заявил протест Порте, требуя оставить их «в покое». ³⁵⁹

В Стамбуле были вынуждены прислушаться к этому голосу. От правителя Багдада Ахмед-паши поступило донесение, что Надир «пред будущей кампанией на войну против турок готовится отчего здешний двор, - извещал Неплюев, - покой свой в тех делах отчаевает почему видима к нашей стороне в Ширване и Крыме безопасно». ³⁶⁰ Османские министры вынуждены были умерить свой пыл, опасаясь разрыва отношений с Россией. Дело дошло до того, что Сурхаю запретили строительство двух крепостей в Ширване, что привело к охлаждению отношений между ним и Портой. Отмечая этот факт в донесении от 21 октября 1732 г., генерал Левашов подчеркивал, что турки «под недосугами их от Сурхая присланных

357 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1732, д. 8, л. 221.

358 Там же, д. 12, л. 64 об.

359 Там же, д. 9, л. 12-13, 19.

360 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1732, д. 11, л. 170 с об.

у себя видеть не хотели... Сурхай с турками никакого съезду иметь не хочет... турки на Сурхая не в надежде, а особливо по нынешним конъюнктурам», хотя «всячески оного залучить к себе желают». ³⁶¹

Со времени заключения Керманшахского договора Сурхай вел расчетливую политику, пытаясь использовать в своих интересах российско-турецкие противоречия. Несмотря на неоднократные обращения турецкого двора, Сурхай не оказал Порте действительной помощи, не выступил открыто против России. В конце 1732 года он перебрался в Казикумух, куда приказал перевести из Шемахи «лутчих богатых армянских и персидских и протчих купцов». ³⁶²

Озабоченность правящих кругов империи известиями из Багдада оказалась не напрасной. Подавив восстания бахтиарских племен, Надир возобновил военные действия против Турции. В двух кровопролитных сражениях под Багдадом объединенные силы османов под командованием Ахмед-паши и Топал Осман-паши были им разгромлены. В феврале 1733 г. между турецкими командующими и Надиром было заключено перемирие. ³⁶³

Однако Порты не примирилась с поражением и пыталась взять реванш путем мобилизации новых войск. «В Азию действительно отправлены и посылаются же великия суммы денег к главным пашам, в том числе и Сурхаю, - доносил Неплюев 6 января 1733 г., - и многие нас уверяют что посланы к хану крымскому указы дабы немедленно нарядил и держал в готовности двенадцать тысяч татар для посылки в Персию». ³⁶⁴

Стараясь внести разлад между Портой и Сурхаем, в конце января Неплюев представил великому визирю письменную «Премеморию», требуя сатисфакции за учиненный Сурхаем поданным России в Дагестане ущерб. На требование Неплюева

361 Там же, д. 11, л. 190.

362 Там же.

363 Мухаммад-Казим. Наме-йи Аламара-йи Надири. Т. I. С. 193-198б, 216-223.

364 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1733, д. 5, л. 26.

турецкие министры просили подождать, ибо, как писал Неплюев, хотя «они видят Сурхаеву вину, но принудить онаго к сатисфакции не в состоянии, яко и сами ево ласкают, ... дабы противу его (Надира. - Н. С.) привлечь, однакож... он Сурхай намерен... сам в Ширван возвратиться, яко в себе самом туркам не верит».³⁶⁵

Эти сведения постушили к Неплюеву от переводчика Михаила Юрьева, отправленного генералом Левашовым из крепости Святой Крест 19 декабря 1732 г. и прибывшего в Стамбул 3 февраля 1733 г. По пути следования в Стамбул Юрьев был задержан в Шемахе сыном Сурхая Магомед-ханом. Сам же Сурхай за две недели до этого по приказу султана Махмуда совершил карательную экспедицию против джарцев, а затем двинулся к крепости Топ-Карагач, где его ожидал Юсуф-паша, сын тбилисского сераскера Исхак-паши. Отсюда они «их (джарцев. - Н. С.), - отмечает современник, - неоднократно вызывали к себе ласковыми и льстивыми словами, но они к ним не ходили».³⁶⁶ Сурхай и Юсуф-паша учинили обыск Юрьеву и распечатали секретные письма к Неплюеву из-за подозрения «не посылаетца ли чрез наш способ какие персидские письма».³⁶⁷ По наблюдениям российского курьера, у Сурхая в крепости было 13 тысяч войска, у османов - 800. Из крепости Сурхай был намерен вернуться в Шемаху или Хачмас.

Обращение султана Махмуда в Крым было встречено с большим удовлетворением. Хан Каплан-Гирей, жаждавший случая напасть на Кабарду и Дагестан, с готовностью ответил, что «он нашел дорогу к посылке татар в Персию чрез Кавказские горы, близ Дагестана»,³⁶⁸ не касаясь владений России. Это было явным вымыслом, рассчитанным на внезапность нападения, неподготовленность русских войск к отпору и поддержке у Крыма со стороны северокавказских владетелей.

365 Там же, л. 155 об.

366 Хроника войн Джара... С. 17.

367 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1733, д. 15, л. 156.

368 Там же, л. 158.

Заклучив перемирие с Надиром, Порта форсировала поход крымских войск в Персию через Кабарду, Чечню и Дагестан. Вполне сознавая, что эти войска должны пройти через российские владения или владения подвластных России кабардинских, чеченских и дагестанских князей, что противоречило Константинопольскому договору 1724 г., в феврале 1733 г. султан направил указ Каплан-Гирею, «чтоб немедленно посылал татар в Персию тем путем, который он... усмотрел чрез кавказские горы».³⁶⁹

Дагестан вновь выдвинулся на передний план во внешнеполитических замыслах России и Турции, став предметом острого спора между Петербургом и Стамбулом. Независимо от своих целей, отстаивая свои интересы на Кавказе, Россия брала под защиту кабардинцев, дагестанцев и другие народы этого региона. Порта, наоборот, пользуясь поддержкой Англии и Франции, активно поощряла реваншистские устремления османских и крымских феодалов, которые должны были пробиться через Северный Кавказ для соединения с Сурхаем и турецкими войсками в Закавказье. Самому же Сурхаю она не доверяла, хотя и заверяла его о своем покровительстве и помощи. «Порта время продолжает отговоркою, - сообщал Неплюев 18 февраля 1733 г., - понеже и сама Сурхаем худо владеет и при нынешних конъюнктурах раздражать его ей не сходно, а хотя б и в иное время, не без труда концы найти».³⁷⁰

По указу из Петербурга русский резидент проявил большую активность, стараясь не допустить поход крымских феодалов через Северный Кавказ. 1 марта 1733 г. Неплюев представил турецким министрам письменное «Объявление» о том, что в тех краях «никакого иного пути к проходу войсками нет, кроме лежащего через кабардинские, кумыцкие и дагестанские места»,³⁷¹ находящиеся в подданстве России. Добившись аудиенции у рейс-эфенди, он заявил, что «ни один татарин намеренным путем в Персию не дойдет... Потому зло есть что

369 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1733, д. 5, л. 227.

370 Там же, д. 6, л. 229.

371 Там же, д. 5, л. 251.

татары намерены известным путем в Персию идти, а горше того будет ежели уже пошли».³⁷²

Продолжая переговоры в Стамбуле, 3 марта он отправил срочные донесения принцу Людвигу (Евгению) Гессен-Гамбургскому в Кизляр, генералу Еропкину в Святой Крест и генералу Левашову в Гилян, предлагая принять необходимые меры, «чтоб в случае приближения татарского (войска. - Н. С.) к кумыкам и прочим горским народам самим с войском выступить и татар не только протестациями, но и оружием отвращать яко явных неприятелей».³⁷³ Ответ из Петербурга по прежним донесениям был получен 14 марта. Сообщив об отказе Петербурга в пропуске крымцев через Дагестан, Неплюев предупредил великого визиря, что нарушение этого условия будет рассматриваться как враждебный акт против России.

Однако дипломатические демарши российского правительства оказались недостаточными. Несмотря на двухкратное предупреждение русского резидента, что намеченное предприятие вызовет военный конфликт, Порты и Крым не отказались от своих планов. Активное содействие им в этом оказала и французская дипломатия. Находившийся на французской службе венгерский офицер барон Тотт, направленный в Крым со специальным заданием из Версаля, инспектировал подготовку крымской конницы для предстоящей операции. Французский посол Луи де Вильнев энергично настраивал против России великого визиря Али-пашу Хаким-оглу. Переводчик Порты, имевший сильное влияние на рейс-эфенди, был подкуплен и оплачивался французским золотом. Вопрос о походе крымцев через Северный Кавказ в Иран детально обсуждался великим визирем с участием французского посла. По признанию руководителя внешней политики Франции кардинала Флери, Франция настраивала Порту против России, используя ее в своих интересах как шахматную фигуру.³⁷⁴

³⁷² Там же, д.5, л. 260.

³⁷³ Там же, л. 290 об.

³⁷⁴ Cassels L. The Struggle for the Ottoman Empire. P. 90.

Получив широкую поддержку, Каплан-Гирей развернул активную деятельность, чтобы выполнить султанский указ: «выступить против персов и привлечь к себе горские племена Северного Кавказа от устья Кубани до русской границы и идти к Дербенту».³⁷⁵ Ограждая крымцев от гнева российского двора, Порты заявила, что «хан Кабарду своею, а кумыков и дагистанов вольными почитает, а в российском владении кроме крепостей и самого берега морского... не признавает».³⁷⁶

Вместе с тем, предвидя нелегкую борьбу с Россией, правители Османской империи и Крыма пытались заблаговременно заручиться поддержкой северокавказских владетелей. В конце марта - начале апреля 1733 г. хан Каплан - Гирей и калга Фетхи-Гирей от имени султана Махмуда обратились с воззваниями к владетелям Кабарды, Чечни и Дагестана, склоняя их на свою сторону для оказания содействия проходу крымского войска через их владения.³⁷⁷ Отправляя эти воззвания через своего представителя Хаджи Мухаммеда-эфенди, султан предписывал хану двигаться через Кубань, Кабарду и Дагестан, «привлекая к Порте горцев Кавказа от устья Кубани до русских границ в Дербенте».³⁷⁸

Однако эти воззвания не встретили той поддержки, на которую рассчитывали в Стамбуле и в Крыму. По этой причине успешно двигаться по намеченному маршруту крымскому войску не удалось. Воззвания, адресованные чеченскому князю Патуду, эндиреевскому князю Айдемиру, уцмию Ахмед-хану и сыну Адиль-Гирея Хасбулату, были вручены генералу Левашову, который отправил их оригиналы в Петербург, а копии и переводы с них - резиденту Неплюеву в Стамбул. Получив эти обличительные документы, российское правительство предписало резиденту заявить решительный протест Порте, что и было сделано согласно дипломатическому этикету.³⁷⁹

³⁷⁵ Hamer von Iosef. Geschichte das Osmanischen Reiches. Bd. 7. Pest, 1831. S. 442.

³⁷⁶ АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1733, д. 5, л. 484.

³⁷⁷ Там же, д. 10, л. 13, 17-18, 35, 37 с об.

³⁷⁸ Hekmat M. A. Essai sur l'histoire des relations politiques irano-ottomanes de 1722 a 1747. Paris, 1937. P. 200.

³⁷⁹ АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1733, д. 6, л. 316-318 с об.

Но пока шла словесная дуэль между Петербургом и Стамбулом, на Кавказе начались военные действия. В середине мая 1733 г. в Стамбуле признали, что 25-тысячный крымский корпус под командованием калги Фетхи-Гирея в сопровождении представителя Порты капуджи-баши Мустафы-аги форсировал Кубань и двинулся на Терек.³⁸⁰ Получив об этом достоверные сведения, принц Людвиг Гессен-Гамбургский, заменивший в мае 1733 г. на посту главнокомандующего отправленного в Решт для переговоров с Надиром генерала Левашова, письменно предупредил Фетхи-Гирея, что дальнейшее продвижение его войска будет отращено «вооруженной силой».³⁸¹ Но калга не посчитался с этим и в конце мая достиг Татартупа, где ему присягнули кабардинские князья, придерживающиеся крымской ориентации. Получив их поддержку, Фетхи-Гирей напал на бексанцев, «произведя в жилищах их великое опустошение».³⁸²

После этой устрашающей акции, достигнув территории Чечни, в начале июня предводители крымцев обратились к российскому командованию с требованием пропустить их войско, но, не получив на это согласия, решили пробиться силой. 11 июня 25000 крымцев вышли в атаку у деревни Горячевской у подножья горы Гюрзели, но были отброшены на 10 верст назад, потеряв 1000 человек и 12 знамен. Крымцы остановились в Чечне, призывая жителей Дагестана и Чечни «к бунту, чтобы они с Фетхи-Гиреем Султаном против россиян и российских войск неприятельски действовали».³⁸³ Хотя от имени турецкого султана и крымского хана наиболее влиятельным светским и духовным феодалам раздавались пышные титулы, денежные награды и щедрые подарки, привлечь горцев на сторону Порты и Крыма им не удалось.

380 Там же, д. 10, л. 11, 13, 17, 18, 35, 37 об.

381 Там же, л. 38.

382 Бутов П. Г. Материалы для новой истории Кавказа. Ч. 1. С. 119.

383 Бутурлин Д. П. Военная история походов россиян в XVIII столетии. Ч. 2. Т. 4. СПб., 1820. С. 164; Соловьев С. М. История России. Кн. X, т. 20. С. 380.

Получив известие об отпоре крымцам, великий визирь возобновил требования о пропуске корпуса Фетхи-Гирея. Положение осложнялось тем, что принц Людвиг в качестве главнокомандующего проявил полную бездарность. Запершись в крепости Святой Крест с основными силами, он выставил против крымцев небольшую команду, которая не смогла остановить противника. Воспользовавшись этим, с помощью чеченского князя Айдемира Бартыханова и уцмия Кайтага Ахмед-хана, следуя через Терек, Аксай-су, Яман-су и Койсу, в двадцатых числах июня Фетхи-Гирей с частью крымцев и кубанцев стал лагерем у подножья Тарки-Тау, где обласкал сыновей Сурхая и уцмия Ахмед-хана. За оказанные услуги Ахмед-хан был пожалован титулом трехбунчужного паши.³⁸⁴ Недалеко от Дербента к ним присоединились зависимые от уцмия кайтагские старшины. Табасаранские владельцы Магомед-бек и Рустам-кади остались в стороне. Сын кадия Рустама Муртузали и племянник Темир отказались примкнуть к крымцам и ушли с русскими войсками в Дербент, где стали получать: первый - «годовое жалованье» в 150 руб., второй - «в приказе, а не в оклад» - 50 рублей.³⁸⁵

На подступах к Дербенту русские войска снова атаковали противника, нанесли ему существенный урон, но часть крымцев прорвалась через заслон, с помощью Сурхая отбилась от джарцев и пробралась в расположение турецких войск на берегу Куры. По данным русского консула в Реште Семена Аврамова, количество крымцев, соединившихся с османами в Азии, не превысило 3-4 тыс. человек.³⁸⁶

О продвижении крымского корпуса сам Фетхи-Гирей извещал турецкого командующего в Гяндже Али-пашу следующим образом: ввиду угрозы со стороны русских войск он

384 Алкадари Г. Асари Дагестан. С. 75.

385 ЦГАРД, ф. 18: Дербентский комендант, ед. хр. 168, л. 11

386 АВПРИ, ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1734, д. 7, ч. 1, л. 13 об.

задержался в Чечне у горы Гюрзели в местечке Гудермес 17 дней, но, не найдя другого пути, «оставя 12 часов, вышли к дагистанской стороне», ведущей к Дербенту, куда прибыли через 12 дней с остатками своих войск после сражения у деревни Горячевской. На подступах к Дербенту русские войска снова атаковали крымцев, вследствие чего они «40 дней стоять на том месте принуждены были и для того в таком нужном случае с кайтацким и дагистанским народами соединялись».³⁸⁷

Уточняя эти события для сведения Петербурга, Аврамов писал, что разбитые крымцы бежали «назад в Чечень в крепкие горы, которого места владелец Айдемир провел их иным трактом к Дербенту в Усмеево владенье, которой также изменил и собрав великое войско горских народов тавлинцов да табасаранцов, акушинцов, кубачинцов и прочих, сообщился к крымцам и прошли близ Дербента».³⁸⁸

3 сентября 1733 г. в Стамбуле были получены письма от гянджинского сераскера Али-паши, Фетхи-Гирея и Сурхая о том, что крымский корпус преодолел сопротивление русских войск, «в тридцати тысячах кафкаские горы прошли, с Сурхаем соединились и путь в Персию продолжают».³⁸⁹ Однако авторы этих донесений преднамеренно завышали количество крымцев, избежавших разгрома русскими войсками и просочившихся в Азию. Пытаясь реабилитировать себя перед султаном Махмудом, они добавляли к ним и тех обманутых местных жителей, которые были увлечены крымцами.

Сам же Сурхай, стараясь дискредитировать уцмия, оказавшего помощь крымцам, писал Али-паше, что уцмий обманым путем завел их в свое владение, поставив перед ними условие за свое участие в крымском походе взятие Дербента и передачу этой крепости ему. По заверениям Сурхая, оказавшись в критическом положении, Фетхи-Гирей обратился к нему за помощью,

387 Там же, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1733, д. 7, л. 114.

388 АВПРИ, ф. 77: Сношения с Персией, оп. 77/1, 1734, д. 7, ч. 1, л. 13.

389 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1733, д. 7, л. 82 об.

объявляя, что «с одной стороны нашей кайтаки, а с другой стороны дербенцы и российские народы, а с третьей стороны табасаранцы, а мы де стали между ними, и ежели вы с войском к нам поедете, и мы де пошел отсюда к вам приблизимся».³⁹⁰ Сурхай, по его собственному признанию, не замедлил отозваться на эту просьбу. Для встречи крымцев он прибыл на Самур и в сопровождении Карат-бека отправил их на Куру.

Российское правительство предприняло ряд мер для восстановления спокойствия на Кавказе после крымского нашествия. Против изменившего уцмия был послан отряд под командованием полковника Ломана, который занял резиденцию уцмия Башлы, опустошил и сжег её, за что был награжден императрицей «годовым жалованьем, т. е. 600 рублями».³⁹¹ Проявивший беспечность и полную бездарность принц Людвиг Гессен-Гамбургский был отозван в Петербург. Главное командование над российскими войсками снова принял генерал Левашов. Прибыв на Сулак в начале ноября, опытный Левашов принял суровые меры против отошедших от России горских владетелей. Действуя дипломатией и силой оружия, он восстановил спокойствие среди местного населения, привел в покорность мятежных феодалов.³⁹²

Поход крымского корпуса через Северный Кавказ и столкновение его с российскими войсками вызвали резонанс в правительственных кругах Стамбула, Петербурга, Парижа и Лондона. При поддержке французского посла Вильнева и английского резидента Кинуля верховный визирь заявил протест Неплюеву, обвинив русское правительство в нарушении Константинопольского договора 1724 г. и уничтожении крымского войска.³⁹³ Чтобы осложнить положение России, Англия и Франция добивались совместного выступления против нее

390 Там же, л. 117.

391 Лерх И. Я. Выписка из путешествия Иоганна Лерха. Ч. 43. С. 12.

392 Там же. С. 13.

393 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1733, д. 7, л. 308 об. - 309.

Ирана и Турции, пользуясь быстро меняющейся обстановкой. Для переговоров по этому вопросу с Надиром в Иран отправили французского консула Главани.³⁹⁴

Одновременно западные державы продолжали разжигать реваншистские устремления Турции и Крыма относительно Кабарды и Дагестана. 9 сентября 1733 г. диван рассматривал вопрос о протекции над дагестанскими владетелями и решил выяснить позиции России по данному вопросу. Это было вызвано тем, что отдельные горские феодалы, в частности уцмий Ахмед-хан, принявшие участие в крымском походе и недовольные суровыми мерами российских властей, подпали под влияние крымского хана, стали склоняться на сторону Турции.³⁹⁵

Но от открытой протекции над ними Порты воздержалась, хотя и отправила тайные указы хану Каплан-Гирею и Сурхаю «войско собирать», взаимодействовать «с Усмеем и прочими дагестанскими князьями согласиться и к действиям в готовности быть»³⁹⁶. Однако реализовать эти планы Порте не пришлось. В ноябре 1733 г. Надир нанес сокрушительное поражение 40-тысячной армии Топал Осман-паши в долине Лейлан под Багдадом, где погиб сам турецкий главнокомандующий.³⁹⁷ Под угрозой блокады города иранцами правитель Багдада Эюб Ахмед-паша без ведома султана Махмуда подписал мир с Надиром на условиях возвращения к границам, составляющим основу Касре-Ширинского ирано-турецкого договора 1639 г.

В Стамбуле этот договор не признали, но вынуждены были умерить притязания на Кабарду и Дагестан. В конце ноября Неплюев доносил, что «депутаты Усмеевы и других дагестанцев и чеченцев прежде получения помянутой ведомости (о поражении османов под Багдадом. - Н. С.) к хану крымскому отпущены и ему хану действительно из Крыму выступить

394 Соловьев С. М. История России. Кн. X. Т. 20. С. 380, 385-386.

395 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1733, д. 7, л. 308 об.

396 Там же, л. 471.

397 Минорский Вл. Тарихче-йе Надершах. Техран, 1313/1934. С. 40.

и изготовиться было повелено, также и Сурхаю, но по получении ведомости о гибели Осман-паши «26» отправлены к хану крымскому указы чтоб он никаких предвосприятый к российской стороне (из-за Кабарды и Дагестана - Н. С.) не чинил, но паче в покое жил».³⁹⁸

Петербургский кабинет, обеспокоенный возможностью заключения отдельного ирано-турецкого договора против России, ускорил переговоры с Надиром. Русское правительство всячески пыталось препятствовать сближению этих держав, обещая помощь Надиру в борьбе с османами. Согласно новой инструкции правительства российские дипломаты должны были установить близкие сношения с Надиром «для сильнейшего действия против Порты, по действительном со стороны России вспоможении».³⁹⁹ Для ускорения переговоров и заключения договора с Надиром в качестве полномочного министра в Иран направили князя В. Д. Голицына.

Одновременно предпринимались меры для упрочения положения России на Кавказе. Через находившихся в Дагестане военачальников правительство дало знать о возможности восстановления прежних взаимоотношений уцмию Ахмед-хану и другим владетелям, причастным к походу Фетхи-Гирея на стороне крымцев. Оно также обращалось к местным старшинам, призывая их оставаться в российском подданстве. Результаты этих мер не замедлили сказаться. Как доносил Еропкин в начале 1734 г., уцмий Ахмед-хан «во усмирение приходить начал», так как «все ево подвластные за великое понесенное себе разорение на него» роптали и из «оных ево подвластных несколько ушед от него Усмея в верное Е. И. В. подданство пришли».⁴⁰⁰

Не меньшую активность в отношении Ирана проявляла Порта, затеявая сложную дипломатическую комбинацию. В рескрипте Голицыну от 13 февраля 1734 г. сообщалось, что

398 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1733, д. 7, л. 595 с об.

399 АКАК, т. 2. Добавление к 1 тому. Тифлис, 1886. С. 1095.

400 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1734, д. 9, л. 27.

к Надиру отправлен специальный курьер с предложением уступить ему Тебриз, Ереван и Гянджу, сохранив за Портой Грузию и Ширван, а если же Надир на это не согласится, «то и все возвратить ему обещать, дабы тем ево Тахмас-Кулы-хана усыпить, и от предвосприятия дальнейших действий против себя удержать, пока их турецкие войска тамо зберутся».⁴⁰¹ В связи с этим Голицыну предлагалось довести до Надира тайные замыслы турецкого двора и подталкивать его на активные действия против Турции, внушая ему, что, если он это сделает сейчас, то не только сможет «все от Персии взятые турками провинции возвратить, но и еще и от них получит к вечной себе и всего персидского государства славе».⁴⁰²

Однако русское правительство, опасаясь заключения сепаратного ирано-турецкого договора, шло перед Надиром на неоправданные уступки. Иранскому послу в Петербурге Хулефе Мирзе Касиму было объявлено о готовности Петербурга возвратить Ирану все прикаспийские провинции в случае гарантии их от захвата Турцией. В специальном рескрипте Голицыну предлагалось сообщить Надиру о готовности России оказать помощь Ирану, добившись для этого специальной аудиенции.

Тем не менее на первой же встрече с Надиром 20 мая 1734 г. Голицын убедился в бесплодности уступчивой политики петербургского двора. Надир заявил русскому послу, что отказывается от помощи России и намерен заключить договор с Турцией, если российское правительство немедленно не возвратит прикаспийские провинции Азербайджана и Дербент сверх условий Рештского договора.⁴⁰³

Неуступчивость Надира относительно российских предложений объяснялась паникой, царящей в правящих кругах Стамбула. В мае 1734 г. Надир нанес новое поражение турецкой армии под Ереваном. Вслед за этим под влиянием Англии

401 АФПРИ, ф. 87: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1734, д.5, л. 4.

402 Там же, л. 4 с об.

403 Соловьев С. М. История России. Кн. X, т. 20. С. 396-397.

и Франции султан Махмуд решил ратифицировать ирано-турецкий договор 1733 г., подписанный Ахмед-пашой под Багдадом. Этот договор, предусматривающий возвращение Ирану территорий, захваченных османами, в том числе на Кавказе, настроил Надира против России, дав ему повод требовать того же от петербургского двора. Ратифицировав этот договор 15 июля, султан добился заметного обострения российско-иранских противоречий. Пользуясь нерешительностью петербургского двора и фактической капитуляцией Порты, Надир решил создать постоянно действующий кавказский плацдарм для борьбы против России и Османской империи.⁴⁰⁴

Военно-политическая обстановка в Дагестане и Закавказье резко обострилась, особенно после того, как в августе 1734 г. Надир обратился к кавказским владетелям с требованием «немедленно очистить территории, находящиеся под их управлением».⁴⁰⁵ Для принятия кавказских земель, находившихся под властью османов или их ставленников, были назначены специальные уполномоченные - беглербеки. Так, для принятия Ширвана от Сурхая был назначен астаринский владетель Муса-хан. Сообщая об этом своему правительству, Голицын писал, что «ежели ж Сурхай противиться станет, о том будут писать Тахмас-Кулы-хану... а добровольной отдачи оно-го города... Сурхаем не надеются».⁴⁰⁶

С этого времени вплоть до своей смерти Надир придавал огромное значение созданию кавказского плацдарма, обеспечивающего верховенство в этом регионе. Военно-стратегическое положение Дагестана как опорной базы на побережье Каспия должно было способствовать решению этой задачи. Над Дагестаном снова нависла угроза порабощения

404 Минорский Вл. Тарихч-е Надершах. С. 41; Мохтадар Г. Х. Набардхое бозорг-е Надершах. С. 44-45.

405 Бакиханов А. А. О походах шах-Надира в Дагестан // Кавказ, 1845, N 17. С. 68

406 АВПРИ, ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1734, д. 7, л. 40.

иранскими завоевателями. Многие местные владетели и старшины своевременно почувствовали эту угрозу, что сказалось на их внешнеполитических позициях. «В прибытие моем в Дербент, - сообщал Левашов в одном из донесений, - куралинцы, которые пребывали в бунте, в подданство Е. И. В. пришли, и присягою обязались, и Усмей о приеме его в подданство присылать начал». ⁴⁰⁷ Внимательно присматриваясь к позиции Сурхая, он также отмечал, что в отношении к России «от него Сурхая явных ссор не является». ⁴⁰⁸

Однако в столь ответственный момент среди дагестанских владетелей не было единства. Пользуясь этим, Надир старался склонить их на свою сторону, подтолкнуть на выступление против России. Прибыв в августе 1734 г. с крупными силами на Куру, он отправил специального курьера «к разным горским владельцам... Усьмею, Шамхальскому сыну и другим с указом, чтоб оные все готовились, ежели по трех месяцев (якоб положенного между нами сроку), - доносил Голицын, - с российской стороны завоеванные города в персицкую возвращены не будут, то соединяться с ним Тахмас ханом и отбирать их силою». ⁴⁰⁹

Но Надиру не удалось добиться этой цели: дагестанские владетели не выступили против России. Аварский правитель Умма-хан закрыл границы со стороны Грузии, запретив своим подданным всякие сношения с иранцами. Уцмий Ахмед-хан отправил для переговоров с Надиром курьеров, не выразив ясно своей позиции. Сын Адиль-Гирея Хасбулат явился для свидания с ним на Куру. Но остальные кумыкские князья, а также табасаранские владельцы майсум и кадий сохранили верность России.

Что касается Сурхая, то он не только не принял предложение Надира, а открыто выступил против капитулянтской политики Порты и захватнических устремлений иранских

завоевателей в Дагестане. Будучи еще на Куру, Надир направил к Сурхайю одного из нукеров астаринского владетеля Муса-хана с предложением сдать Шемаху, ссылаясь на то, что султан Махмуд (согласно подписанному Ахмед-пашой под Багдадом договору 1733 г.) разослал всем свои командующим «хатт-и-шерифы» немедленно вернуть Ирану территории, отторгнутые у него османами на Кавказе. Сурхай не только не подчинился этому указу, но убил иранского посла, а османам и Надиру ответил: «Мечами лезгинских (дагестанских. - Н. С.) львов мы завоевали Ширван. Какое право имеет Ахмед из Багдада или кто-либо еще вмешиваться в наши дела?». ⁴¹⁰

Учитывая значение Ширвана, политический вес Сурхая на Кавказе и его непримиримую позицию, Надир решил подчинить сначала его своей власти. Ввиду надвигавшейся угрозы Сурхай старался выиграть время, выяснить позицию России и подготовиться к предстоящей борьбе. С этой целью он направил курьеров в Святой Крест для «разведования и присмотру», распустив в Шемахе слух, что намерен принять уполномоченного «с персицкой стороны посланника не в меру ласково и в довольстве содержать». ⁴¹¹

Тем временем Сурхай эвакуировал жителей из города, но оставил Шемаху, решив дать сражение в более выгодных условиях. В середине августа 1734 г. иранские войска ворвались в Шемаху, сравняли ее с землей, опустошили ширванские селения, доставили 500 пленных и много голов убитых. ⁴¹² Этими мерами Надир преследовал определенную цель - утратить народы Азербайджана и Дагестана и склонить Сурхая к капитуляции.

Но Сурхай не склонился перед грозным завоевателем, собирав войска в Кабалинском магале, сплачивая борцов за независимость под своим знаменем. Решающее сражение произошло

410 Астрадади М. М. Джахонгоша-е Надири. Техран, 1341/1962. С. 233; Hammer von Joseph Geschichte des Osmanischen Reiches Pest, 1831. Bd. 7. S. 458.

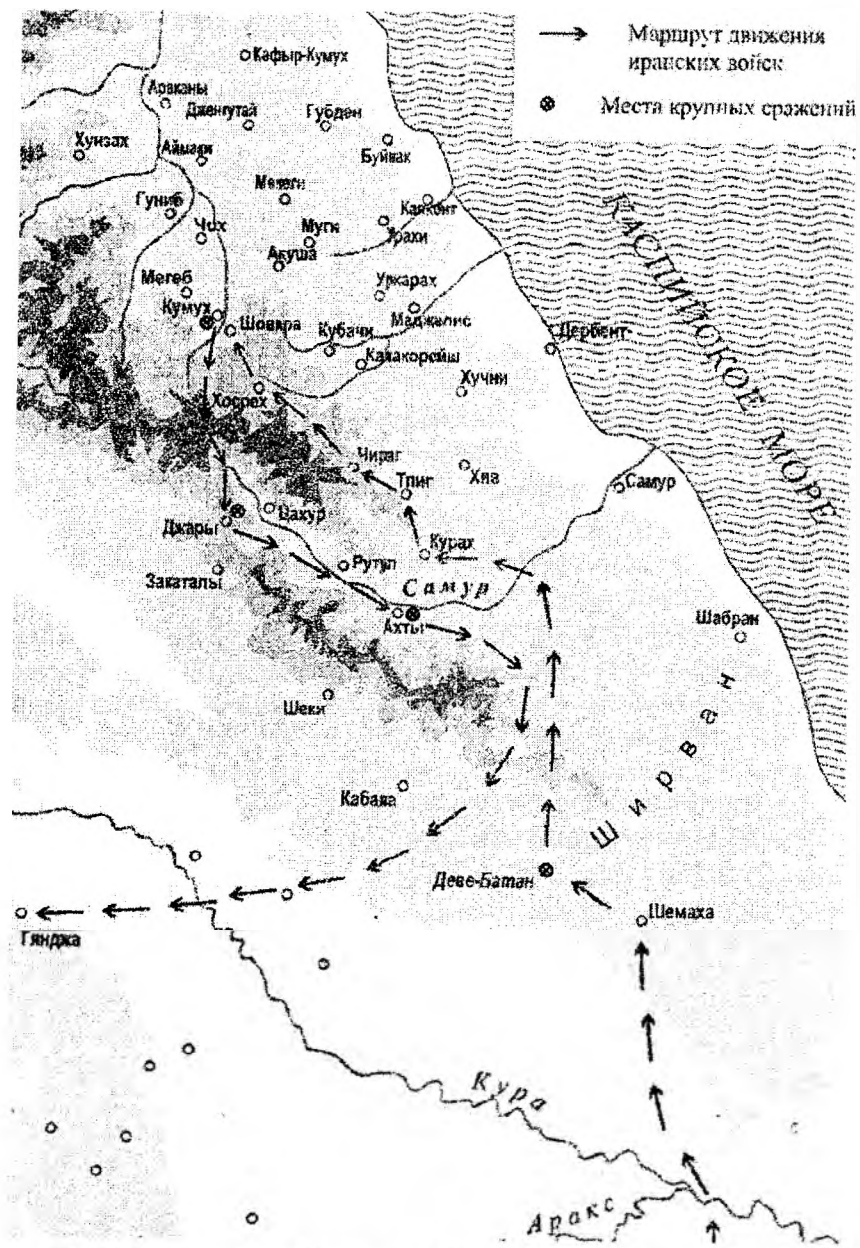
411 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1734, д. 33, л. 43.

412 Арунова М. Р., Ашрафян К. З. Государство Надир-шаха Афшара. С. 187; Алиев Ф. М. Антииранские выступления. С. 110-113.

407 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1734, д. 9, л. 60

408 Там же, д. 33, л. 43 об.

409 АВПРИ, ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1734, д. 7, ч. 2, л. 573.

Первое нашествие Надир на Ширван и Дагестан (1734 г.)

17 сентября в урочище Дсве-Батан между Шемахой и Кабалой, где Сурхай против 42-тысячной иранской армии смог выставить 20-тысячное войско. Итоги этого сражения Левашов комментирует следующим образом: сначала горцы потеснили иранцев, но от «великой пушечной стрельбы Сурхай устоять не мог, и с войски своими ретировался». ⁴¹³ Желая сохранить силы для дальнейшей борьбы, Сурхай отступил в Казикумух, решив дать сражение в лакских селениях, расположенных на подступах к своей резиденции.

Об этом сражении Левашов также писал, что сначала произошел «бой на обе стороны равной, но Тахмас-хан, не одолев сурхайцев, оставил при тех деревнях довольноую команду, а с остальным войском пошел за Сурхаем и нашел его в городе Шехер (Казикумух. - Н. С.), по которой учинил великую пальбу, отчего Сурхай принужден далее бежать и Тахмас-хан в помянутой городок вступил... а Сурхай прибыл в аварское владение, остановился в деревне Джук и тамо умножает войско свое с намерением еще Тахмас-хану чинить сильное противление». ⁴¹⁴

Обобщая ход сражений в лакских селениях и падение Кумуха, очевидец пишет, что, взяв резиденцию Сурхая, Надир «извлек (из хранилища) сокровища их владетеля (малик) Сурхайхана - золото и серебро. В нем (Кумухе) он пробыл семь дней и затем вернулся (назад). Произошло это в благословенном месяце джумада ал-ула 1147 года». ⁴¹⁵ (29/ IX- 1734 г. -Н.С.).

Таким образом, не поддержанный другими дагестанскими владетелями, Сурхай один принял на себя удар иранских завоевателей. Остальные дагестанские феодалы искали покровительства - одни у России, другие у Ирана. Стараясь поднять свой авторитет в войсках и за пределами Ирана, Надир объявил о полной победе над Сурхаем и покорении всего Дагестана. Однако до выполнения этой задачи было далеко: он не

413 АВГРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1734, д. 4, л. 48 с об.

414 Там же, л. 48 об. - 49.

415 Айтберов Т. М. Четыре памятные записи. С. 112.

только не покорил Дагестан, но и не смог одержать полную победу над Сурхаем. С оставшимися силами Сурхай отступил в Аварию, чтобы готовиться к дальнейшей борьбе.

Ссылаясь на рапорт своего офицера, прикомандированного к свите шаха, об исходе всей операции Голицын писал, что полученный им рапорт «с прежними разглашениями весьма не сходствует, а именно что он Тахмас-хан во всю Дагистанию не ходил токмо около дороги в горах лежащие деревни разорял... нигде главной схватки с неприятелем не имел... токмо весьма оной Тахмас хан люди потерял при возвращении своем оттуду, ибо шли великими горами, где людей от стужи голоду и от своего не порядку немалое число из гор попадали и до смерти побились, так что ис самого ханского обозу оттого уцелело немного».⁴¹⁶

Объективность цитированного рапорта не вызывает сомнений: Петербург был заинтересован в получении достоверной информации для принятия взвешенных решений. Положение завоевателей оставалось тревожным. Повсюду на них нападали летучие отряды горцев. В тылу назревало грозное восстание. Учитывая создавшуюся обстановку, собрав поредевшие войска, в конце сентября Надир начал отход из гор. Но перед отступлением из Дагестана, стараясь сохранить себе опору, он восстановил титул шамхала, передав его сыну Адиль-Гирея Хасбулагу.⁴¹⁷

На обратном пути в Иран Надир напал на джарцев и лезгин, сжег Ахты, но понес значительный урон. Касаясь итогов первого нашествия Надира на Дагестан, Голицын пришел к выводу, что «хотя здесь гласили, что якоб Тахмас хан их разбив много полону побрал, токмо как оной мой офицер сам видел, ничего не везли, но везли много здешних (своих. - Н. С.) побитых и раненых».⁴¹⁸ Так и не добившись главной цели, оставив правителем Шемахи Мохаммед Кули-хана Сейдлу,

416 АВПРИ, ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1734, д. 7, ч. 2, л. 415 с об.

417 L. Lockart. Nadir Shah. P. 94.

418 АВПРИ, ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1734, д. 7, ч. 2, л. 416.

15 октября Надир подошел к Гяндже, где находился осажденный турецкий гарнизон.

К этому времени российско-иранские переговоры о возвращении Ирану прикаспийских провинций шли к концу. Оказавшись перед враждебной коалицией европейских держав на западе и угрозой антироссийского ирано-турецкого договора на востоке, российское правительство решило вывести свои войска из этих областей, чтобы избежать войны с Ираном, превратить его из потенциального противника в своего союзника. По этим соображениям мысль о возвращении Ирану прикаспийских провинций в придворных кругах Петербурга стала доминирующей. В конце октября 1734 г. Голицын и Левашов получили предписание из центра вновь заявить Надиру о готовности российского правительства вернуть ему указанные территории, но с тем обязательным условием, чтоб они не попали под власть Османской империи. После этих заверений Надир стал более стоворчивым.

5 декабря 1734 г. иранский посол Гусейн-хан прибыл в Петербург для переговоров с русским правительством. 9 марта 1735 г. он вернулся в иранский лагерь под Гянджой с текстом договора о возвращении Ирану прикаспийских провинций с городами Баку и Дербент. Но при подписании договора Надир потребовал возвращения территории Дагестана до реки Сулак, угрожая России войной. Русские уполномоченные, опасаясь расторжения Петербургского 1723г. трактата и одновременной войны с Ираном и Турцией, вынуждены были включить в первый пункт договора это условие. 10 марта 1735 г. был подписан русско-иранский Гянджинский договор о возвращении Россией Ирану Гиляна, Мазандарана, Астрабада и части Ширвана, а также об отводе с территории Дагестана русских войск за реку Сулак.⁴¹⁹ Это означало, что значительная часть Дагестана от Самура до Сулака, входившая в состав России со времени

419 Юзефович Т. Д. Договоры России с Востоком. С. 110.

Каспийского похода Петра I, отходила от нее и попадала под власть Ирана в качестве важнейшей зоны оккупации. Для народов Дагестана этот договор сулил новые тяжкие испытания. Не случайно эту весть дагестанцы встретили с глубокой тревогой, оказавшись предоставленными собственной судьбе накануне новых испытаний.

§ 3. Второе нашествие Надир на Дагестан. Поражение иранцев в Джаро-Белоканах

Выполнение условий Гянджинского договора резко ухудшило внешнеполитическое положение Дагестана и прикаспийских областей. Добившись серьезных уступок от Петербурга, Надир стал готовиться к очередному нашествию на Ширван и Дагестан. Аналогичные планы в отношении этих областей вынашивали и правящие круги Османской империи. По мере отхода русских войск за Сулак борьба между Ираном и Турцией за овладение этими территориями достигла кульминации.

Согласно Гянджинскому трактату, в конце марта 1735 г. русские войска оставили прикаспийские области и направились на р. Сулак. 28 мая генерал Еропкин сдал Дербент вновь назначенному персидскому султану Ферудину, а сам с четырьмя полками переместился в крепость Святой Крест. Сюда же стягивались войска из Баку, Низабада, Рубаса, Бойнака и других укреплений. Находившийся здесь в конце мая 1735 г. И. Я. Лерх записал: «Здесь нашел я все в великом движении... Из Дербента и Бойнака соединились с нами генерал-майор Еропкин с 4-мя пехотными полками и многими казаками. Генерал-квартирмейстер де Бриньи заложил крепость Сулак в 1723 г., он же должен был сравнить оную с землею». ⁴²⁰ Уничтожив крепость на Сулаке, русские войска направились в Кизляр, ставший новым центром российского правления на Кавказе.

Вывод русских войск из Дагестана, открывший путь для иранских завоевателей, вызвал беспокойство местного

⁴²⁰ Лерх И. Я. Выписка из путешествия. Ч. 45. С. 79.

населения. Не желая подпасть под иранское владычество, жители приморской полосы уходили вместе с российскими войсками или укрывались в горах, как это сделало население двух магалов Дербентского ханства. ⁴²¹ Очевидцы объясняли это тем, что они ненавидели персов из-за их «безграничного грабительства и тиранства». ⁴²² Выдача беженцев иранским властям, чего настойчиво добивался Надир, нанесла серьезный ущерб престижу России, претендовавшей до этого на роль покровительницы народов Кавказа. Генерал Левашов прямо указывал, что при выдаче беженцев ему «многую жалость и нарекания видеть приключило, что их издревле обещанная протекция не защитила». ⁴²³

Положение осложнялось тем, что оставление российскими войсками Дагестана и угроза иранского порабощения усилили протурецкие настроения среди части местных владетелей. В двадцатых числах апреля в Стамбуле усиленно распространялись слухи о прибытии муфтия Дагестана Курбана-эфенди с письмами от всех народов и владетелей с просьбой прислать им войска на помощь, так как Россия вознамерилась отдать их «Тахмас Кулы-хану» (Надиру. – Н. С.) в наихудшее мучение». ⁴²⁴ Российских дипломатов убеждали в том, что Сурхай-хан, уцмий Ахмед-хан и шамхал Хасбулат обратились за помощью к крымскому хану, который сам прислал письмо султану Махмуду, предлагая объединиться с дагестанцами и выступить против Ирана. «Все сии письма дагестанския и ханския в совете читано, и в оном многое против и в пользу советовано, наконец, положено, - доносил А. Вешняков, - чтоб самого хана семьдесят тысячами (войска. – Н. С.) послать». ⁴²⁵

⁴²¹ Маркова О. П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. С. 123.

⁴²² История Дагестана. Т. 1. С. 357.

⁴²³ АВПРИ, ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1735, д. 12, л. 445.

⁴²⁴ АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1735, д. 6, л. 104-105 с об.

⁴²⁵ Там же, д. 6, л. 54 об.

Однако эти слухи оказались преувеличенными. Шамхал Хасбулат, обласканный Надиром год назад, и Сурхай-хан, брошенный тогда же Портой на произвол судьбы, и не думали примыкать к осман-крымской коалиции. Единственным сторонником ориентации на Стамбул выступил отправивший письмо с муфтием Курбаном-эфенди уцмий Ахмед-хан, на которого решили рассчитывать в Стамбуле и в Крыму.

Обыграв сначала дагестанский вариант, в Стамбуле решили выступить под флагом защиты «единоверных мусульман» - суннитов Кавказа от уничтожения «еретиками» - шиитами (иранцами. - Н. С.). Объявив себя 25 апреля 1735 г. покровительницей мусульманских народов Кавказа, Порта стала внушать доверчивым горцам несбыточные надежды на возможность избавиться от иранского порабощения с помощью турецкого султана и крымского хана. Тем самым она пыталась, как и год назад, привлечь их на свою сторону, чтобы отправить значительные силы из Крыма через Северный Кавказ на помощь османам, сражавшимся в Закавказье и Иране с иранскими войсками.⁴²⁶

Крымский хан Каплан-Гирей, активно участвовавший в этих планах, надеясь на поддержку кабардинских князей кашкатавской группы, предупредил их в конце апреля, что, следуя прежним маршрутом (Кубань, Кабарда, Чечня, Дагестан. - Н. С.), вскоре будет «маршировать в Персию».⁴²⁷ Поощряя воинственные устремления Крыма, 12 мая 1735 г. с личным указом, крупной суммой денег и многочисленными подарками султан отправил в Бахчисарай капуджи-баши Кади-Халил-агу для вручения их хану «на раздачу его войску».⁴²⁸ С тем же курьером уцмию Ахмед-хану отправили алмазную печать, множество подарков и жалованные грамоты для подкупа дагестанских владетелей.

426 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1735, д. 6, л. 136 об.

427 РГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 45, л. 52-53.

428 АВПРИ, ф. 09: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1735, д. 6, л. 106-107.

В султанском указе на имя крымского хана предлагалось: немедленно выступить в поход с 60-тысячным войском, набрать в Дагестане еще 66 000 путем подкупа местных владетелей, отстранить Сурхая от власти как «бездельника и преступника многих султанских указов» и назначить на его место уцмий Ахмед-хана; согласовать свои действия с сераскером Закавказья Абдуллах-пашой, чтобы наступать на иранцев с двух сторон и обескровить их силы.⁴²⁹ В случае противодействия этому походу со стороны русских войск хану предлагалось «поступать с ними как с неприятелями и стараться пройти насильно».⁴³⁰ Для поощрения крымского хана султан обещал подкрепить его силы 20-тысячным корпусом.

Таким образом, весной 1735 г. Дагестан занял исключительное положение во внешнеполитических планах Ирана и Османской империи. Не осталась безучастной к событиям в Дагестане и царская Россия, опасавшаяся выхода Османской империи к побережью Каспия. Пользуясь создавшейся ситуацией, Порта пыталась перехватить инициативу у Ирана и занять эти области собственными силами. Неплюев прямо указывал, что с этой целью она решила «дагестанов всех без изъятия в протекции своей объявить и туда хана крымского... со осьмьюдесять тысячами (войска. - Н. С.) послать».⁴³¹

Сообщая об этом своему правительству, Неплюев предлагал принять действенные меры, чтобы сорвать замыслы Турции и Крыма. Со своей стороны, добившись аудиенции у великого визиря Али-паши, И. И. Неплюев заявил: «Чтобы Порта на берега Каспийского моря не поставила ноги... двор его никогда татарам прохода через свои области не позволит, а меньше еще согласится на принятие Портой в подданство дагестанцев».⁴³²

Однако резидент не добился успеха, за что получил выговор от вице-канцлера А. И. Остермана. Осуждая Неплюева за то,

429 Там же, 8, л. 107 с об.

430 Там же, ф. 103: Азиатские дела, оп. 103, 1724-1735, д. 3, л. 10.

431 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1736, д. 6, л. 3, 10.

432 Там же, ф. 103: Азиатские дела, оп. 103, 1724-1735, д. 3, л. 7 об. - 8.

что он письменно подтвердил содержание Гянджинского трактата, Остерман предлагал внушить Порте, что Россия уступила Ирану не весь Дагестан, а лишь узкую полосу на побережье Каспия. «Но когда то учинено, - уточнял вице-канцлер, - то потребно ныне, чтоб вы сей артикул ясно толковали и Порте доказали, что сие уступление до одних городов (Баку и Дербент. - Н. С.), а не до дагистанских народов касается».⁴³³

Дагестанский вопрос в кавказской политике противоборствовавших сторон продолжал занимать доминирующее положение. Пытаясь принудить российских послов согласиться с намерением султана отправить крымскую конницу по дагестанскому маршруту, министры Порты угрожали России войной. Прибегая к прямой дезинформации, в письме к Остерману великий визирь убеждал его в том, что султан направляет войска против иранцев, жаждущих захватить «турецкие владения дагестанские - Шемаху и Ширван губя и разоряя тамошних мусульман».⁴³⁴

Однако старания великого визиря не дали ожидаемого результата. Отвергая необоснованность притязаний Порты на Дагестан, вице-канцлер отвечал на послание визиря: «Не единоверие и происшедшие случаи, в давних временах и веках, но трактаты разделяют границы, а заключенный между Российской империею и Портою трактат (1724 г. - Н. С.) явственно доказывает, что границы Порты в Персии распространяются не далее Ширвана, и что Порта вступаться в дагистанские народы ни малейшего повода не имеет».⁴³⁵

Вступив в дипломатическую схватку с великим визирем, канцлер пытался истолковать статьи Гянджинского трактата в пользу России, не останавливаясь перед угрозой применения силы. Предупредив своего оппонента, что османские притязания на Дагестан будут отражены силой, Остерман заявил: Россия не отказалась от протекции над дагестанскими народами,

433 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1735, д. 3, л. 39.

434 Там же, ф. 103: Азиатские дела, оп. 103, 1724-1735, д. 3, л. 14 с об.

435 Там же, л. 13 об. - 15.

а уступила Ирану лишь приморскую область, и то с условием, «чтобы оные места и города никогда и в вечные времена ни в какие другие руки, кроме персидских, доставаться во владение не могли... потому что безопасность и существенные интересы Российской империи не допускают отнюдь, чтобы на берегах Каспийского моря могла бы какая-нибудь другая держава, кроме персидской, утвердиться».⁴³⁶

Дипломатические демарши канцлера в адрес Стамбула свидетельствовали о стремлении Петербурга не допустить османов на побережье Каспия путем сохранения российско-иранского союзного альянса. Касаясь тактики российской дипломатии в переговорах с османами, английский резидент К. Рондо доносил в Лондон: «Они прямо заявляют, что не потерпят ни поражения Тамаза (Надира. - Н. С.), ни тем более водворения на Каспийском море турок, которые очевидно стремятся достигнуть этой цели путем подчинения дагестанских татар (тюркоязычное население. - Н. С.) своему правительству».⁴³⁷

Для соблюдения статуса, установленного Гянджинским договором 1735 г., в Петербурге продумывались конкретные меры, могущие способствовать сохранению влияния России на Кавказе. Вернувшийся из Гянджи барон Шафиров предлагал перехватить инициативу у Порты и путем договоренности с Ираном усилить собственное влияние в Дагестане и Ширване, опираясь на поддержку местных владетелей. Предлагая сформировать для этой цели войска из азербайджанцев и дагестанцев под командованием муганского правителя Али Кули-хана и кергерского наиба Зартали-бека, он подчеркивал: «Також запотребно разсуждается, да б и дагестанских князей Усьмея (Ахмед-хана. - Н. С.) и шамхальского большого сына (Хасбулата. - Н. С.) и других владельцев удовольствовать и впредь милостивыми награждениями да б в тож время туркам в Грузии учинить диверзию».⁴³⁸

436 Там же, л. 16-18.

437 Сб. РИО, т. 76. СПб., 1891. С. 426.

438 АВПРИ, ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1735, д. 7, л. 9 с об.

Шафиров считал крайне важным привлечь на свою сторону ставшего по воле Надира шамхалом Хасбулата, чтобы сохранить влияние на Ширван. «Надлежит новоиспеченного шафкала весьма к стороне В. И. В. склонить и объявить подшится, - писал он в докладной императрице, - понеже через него шафкала возможно... и без неприятельского со стороны В. И. В. объявления ... Шемаху взять ибо как он, так и Усмей ... при моей бытности в Гиляне неоднократно просили от командующего генерала токмо позволения, дабы могли Шемаху взять».⁴³⁹

Но запоздалые попытки Петербурга восстановить утраченные позиции в Дагестане и Ширване оказались нереальными. Склонить Порту к отказу от намеченного похода одними дипломатическими мерами России не удалось. В середине мая в дипломатических кругах Стамбула стало известно, что Порта приняла официальное решение отправить в поход крымского хана «со осьмьюдесять тысячами татар».⁴⁴⁰

Это решение турецкого правительства было встречено по-разному в дипломатических кругах Европы. «И все здешние чужестранные министры кроме неприятеля французского и предателя английского посла, - доносил Неплюев 15 мая, - настоящее турецкое послание нам и другим министрам торжественное объявление за манифест, а ханский действительный поход за разрыв мира почитают».⁴⁴¹ Оно привело к нарушению Константинопольского договора 1724 г. и послужило поводом для начала русско-турецкой войны 1735-1739 гг.⁴⁴²

Донесение Неплюева поступило в Петербург 14 июня, а на следующий день кабинет министров принял решение о необходимости вооруженного отражения осmano-крымской

⁴³⁹ Там же, л. 29 с об.

⁴⁴⁰ АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1735, оп. 36/с, д. 6, л. 3.

⁴⁴¹ Там же, л. 11 об.

⁴⁴² Михнева Р. А. Россия и Османская империя в середине XVIII в. (1739-1756). М., 1985. С. 28.

агрессии на Северный Кавказ.⁴⁴³ Находившемуся в Польше графу Б.-Х. Миниху 23 июня был отправлен указ начать де-марш в сторону Крыма, чтобы задержать поход крымского хана. Одновременно находившемуся на Кавказе генералу Левашову дали предписание преградить путь Каплан-Гирею на Кабарду и Дагестан.⁴⁴⁴

Но Левашов не ждал пассивно указаний из Петербурга. В преддверии тревожных событий он заблаговременно принимал меры для сохранения влияния России в регионе. Стремясь удержать местных владетелей на ее стороне, он стал закреплять их подданнические отношения, подписывая соглашения о взаимной поддержке. С начала до середины 1735 г. были приняты присяги на верность России от владетелей и старшин 30 населенных пунктов Дагестана и Чечни, в том числе Салатау, Акуши, Мекеги, Цудахара, Муги, Губдена, Кафыркумуха, Эрпели, Карабудахента, Бойнака, а также уцмий Кайтага Ахмед-хана. Накануне осmano-крымского нашествия в аманатах находилось от Большой Кабарды 11 человек, Малой - 4, Аксая - 1, Эндирея - 4, Чечни - 2. Кроме того, специальным распоряжением В. Я. Левашова дополнительное жалованье стало выдаваться кумыкским владетелям Мехдибеку, Султанмураду, Сурхаю и Алишу Хамзину, брагунским мурзам Мураду и Мудару Кучумовым. Всего от кабардинских и кумыкских князей содержалось аманатами в Кизляре 22 человека.⁴⁴⁵ Для пересечения сговора представителей кашкавской «партии» и протурецки настроенных кумыкских владетелей с крымским ханом аманатами в Астрахань были доставлены сын Арслан-бека Кайтукина-Арслануко и сын Алиша Хамзина - Баммат. С той же целью в качестве аманатов

⁴⁴³ Шульман Е. Б. О позиции России в конфликте с Турцией в 1735-1736 гг. // Балканский исторический сборник. Вып. 3. Кишинев, 1973. С. 25.

⁴⁴⁴ Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX вв. М., 1958. С. 75.

⁴⁴⁵ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа. Ч. 1. С. 120, 130, 155, 159.

в Кизляре и Астрахани содержались сын Татархана Бековича - Кургоко и сын Батыра Куденетова - Сабу-Гирей.⁴⁴⁶

Однако и эти меры российского правительства, не подкрепленные внушительной военной демонстрацией, не дали ожидаемых результатов. Пользуясь нерешительностью петербургского двора и неизменной поддержкой Англии и Франции, в конце июля 1735 г. Каплан-Гирей выступил в поход, надеясь пробиться через Северный Кавказ на помощь турецким войскам в Закавказье. Как доносил 5 августа донской атаман И. И. Фролов, по пути следования к хану присоединились 20000 кочевников Белгородской Орды, с которыми он расположился на Кубани ниже г. Копыла - резиденции кубанских сераскеров.⁴⁴⁷ «Если движение русских войск не изменит его планов, - доносил 20 августа К. Рондо в Лондон, - он намерен... отсюда двинуться в Кабарду и, далее, через Дагестан в Персию».⁴⁴⁸

Действительно, двигаясь из-под Копыла, он отправил «возмутительные письма» (воззвания. - Н. С.) ко всем владетелям и старшинам, проживающим на территории от Кубани до Дербента. По пути следования из Крыма в Кабарду крымцы опустошали встречные населенные пункты, следуя султанскому указу поступать «по военному обычаю, пленя людей, зажигая и пустошая и в разорение приводя все места, до которых дойти шастие послужит».⁴⁴⁹

Заявление придворных кругов Стамбула, подкрепленное действиями хана Каплан-Гирей, не оставили сомнений в решительности их намерений. Стремясь приостановить продвижение разношерстного крымского войска, Левашов отправил на встречу крымцам майора П. В. Бунина с предупреждением, что не может рассматривать действия хана иначе, как «неприятельское

446 РГВИА, ф. 20: Секретная часть экспедиции военной коллегии, оп. 1/47 ед. хр. 133, л. 23.

447 Там же, ф. ВУА, ед. хр. 45, л. 4, 5.

448 Сб. РИО. Т. 76. СПб., 1891. С. 431.

449 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1735, д. 11, л. 66.

нашествие». Встретив Бунина на подходе к Кабарде, хан ответил, что пойдет намеченным маршрутом, хотя бы пришлось «потерять до последнего человека».⁴⁵⁰ Прибыв на речку Баксан в середине августа, он наказал строптивых князей «баксанской» партии, а к исходу месяца оккупировал всю Кабарду.

Усмиряя непокорных различными мерами, к концу августа крымские войска подошли к границам Чечни, откуда хан обратился с воззваниями к «чеченскому народу» и владетелям, требуя «полного подчинения и признания крымского сюзеренитета».⁴⁵¹ Особую надежду в этих воззваниях он возлагал на старшего чеченского князя Айдемира Батырханова и чеченских старшин, подчеркивая, что «вы не подобны прочим, но особенно наши».⁴⁵²

Однако на сей раз правители Османской империи и Крыма наивно просчитались. Попытка Каплан-Гирей беспрепятственно пройти в Чечне по ущелью, расположенному между аулами Алды и Чечень, окончилась провалом, сохранив потомкам примечательное название «Han Bogasi»⁴⁵³ (ханская глотка. - Н. С.). Под командованием Айдемира Бартыханова, оставшегося на сей раз верным России, чеченцы нанесли противнику такое поражение, что «целый, отряд крымских татар был истреблен озлобленными горцами, уничтожившими, по новейшим данным, до 10 тыс. крымцев».⁴⁵⁴

В память об этой победе чеченцы поставили в ущелье каменную башню «Хан Кале» (ханская крепость. - Н. С.), отчего и само ущелье получило название «Ханкальское».⁴⁵⁵ Однако

450 Там же, ф. Азиягские дела, 103, оп. 103, 1724-1735, д. 3, л. 24 об.

451 Ахмадов Я. З. Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в первой половине XVIII в. // Взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией и с народами Кавказа в XVI- начале XX в. Грозный, 1981. С. 63.

452 РГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 46, л. 92.

453 Vethok I. Tarichte Kafkasya. Istanbul, 1958. S. 358.

454 Ахмадов Я. З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII в. М., 2001. С. 326.

455 Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. I, вып. I. СПб., 1885. С. 48.

с помощью проводников из Эндирея и Кайтага двум корпусам крымского войска удалось обойти это ущелье и подойти к границам Дагестана. Находившийся в то время на Сулаке И.Я. Лерх записал 17 сентября, что «отсюда мы торопились убираться, поелику ежедневныя получали известия, что крымский хан выступил в поход к нашим границам с 80 000 крымских и кубанских татар».⁴⁵⁶

Обстановка в Дагестане благоприятствовала крымскому нашествию. Между местными владетелями продолжалась вражда. Оспаривая власть у шамхала Хасбулата, аварский нуцал Умма-хан напал на него, но был смертельно ранен под аулом Параул.⁴⁵⁷ К концу сентября русские войска оставили Дагестан и прибыли на Терек, где была основана новая крепость Кизляр, ставшая «своего рода русской столицей на Кавказе».⁴⁵⁸ Указом Сената на месте разрушенной крепости Святой Крест предлагалось «сделать при реке Кизляре транжамент, а вместо Терской крепости на устье Аксаия реки фельтшанц».⁴⁵⁹

28 сентября в станицу Старогладовскую прибыл ханский курьер, который был принят генералом Левашовым. От имени Каплан-Гирея он потребовал свободного пропуска ханских войск, предупредив, что в противном случае они пробьются силой. Но Левашов отверг это требование, хотя и не имел достаточных сил для противодействия крымцам. Основной состав русских войск направился с Кавказа в Крым для участия в предстоящей войне с Турцией. Под командой Левашова против 80-тысячного крымского войска оставалось всего 8 тысяч человек. Поэтому Левашов вынужден был пропустить крымцев без сопротивления, которые двинулись к Дербенту выше гребенских городков, Аксаия и Эндирея.

456 (Лерх И. Я.) Выписка из путешествия Иоганна Лерха. Ч. 45. С. 83-84.

457 Потто В.А. Указ. соч. С. 48.

458 АКАК, Т.1. СПб., 1869. С. 10.

459 РГ ВИА, ф.13: Казачья экспедиция канцелярии военной коллегии, оп. 107, ед. хр. 40, л.4.

13 октября Левашов отплыл в Астрахань, предписав кизлярским комендантам местных жителей «от всего охранять...ни в чем не отягощать, принимать и обходиться с ними ласково, но умеренно».⁴⁶⁰ В специальной инструкции коменданту Красногородцеву «Об обращении с горцами» уточнялось: «Горских народов, от которых в Кизляре имеются аманаты, содержать коменданту в своем ведомстве; обходиться с ними осмотрительно, осторожно, справедливо, приветливо, с умеренною ласкою, но не раболепно».

В этой инструкции, отразившей характерные черты кавказской политики царизма, сочетались как меры предупредительного, так и карательного характера: «Если кто из горцев против Е.И. В. какое зло учинит и будет пойман, - гласила она, - тако-го судить Гражданской канцелярией, с прибавкою офицеров, и приговор судейский исполнять неотменно, даже и смертью казнить».⁴⁶¹ Кизлярские коменданты старались выполнять эти предписания, благодаря чему крепость стала важной военно-политической опорой России на Кавказе.

Однако этими частичными мерами не удалось помешать нашествию огромной крымской лавины. Наступление крымских войск с севера и нарастающая угроза со стороны Ирана с юга обострили внутривосточную обстановку в Дагестане, вызывая различную внешнеполитическую ориентацию владетелей и старшин. Стараясь заручиться их поддержкой, Каплан-Гирей дважды обращался к ним с воззваниями, предлагая встать под свое знамя. «По договору все дагестанские народы уступлены Порте от российского двора, - внушал он местному населению, - а вместо оных... отданы России с турецкой стороны некоторые завоеванные польские места».⁴⁶² С особым усердием хан домогался привлечения на свою сторону известного духовного деятеля Дагестана Ибрагима-Гаджи Урадинского.⁴⁶³

460 Там же, ф.ВУА, ед. хр. 1540, л. 166-167.

461 Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа. Ч.1. С. 162.

462 АВПРИ, ф. 103: Азиатские дела, оп. 103, 1724-1735, д. 3, л. 24.

463 Сами, Шакир, Субхи и Иззи. Тарих. С. 76.

Однако, как и следовало ожидать в создавшейся ситуации, эта попытка не увенчалась успехом. Для встречи крымских войск на Сулак прибыли сыновья уцмия Ахмед-хана и Сурхая, которым были присвоены пышные титулы и вручены богатые подарки. Но местное население не оказало хану той поддержки, на которую рассчитывали в Стамбуле и в Крыму. Ссылаясь на признания самих турецких министров, Вешняков доносил, что «о хане крымском полагают, что он бездействует около Андреевской деревни, ведая, что дагестанцы к нему не пристали».⁴⁶⁴ В тридцати верстах от Дербента произошло сражение крымского войска с Хасбулатом и оставленными ему в помощь иранскими войсками. Хасбулат был разбит и бежал в горы, но хан вынужден был остановиться ввиду изменения соотношения сил между Россией, Ираном и Турцией.⁴⁶⁵

В середине июля 1735 г. иранские войска разгромили турок под Карсом и Ереваном, заставив капитулировать их гарнизоны в Тбилиси, Ереване, Гяндже и Тебризе. В начале октября в Крым был направлен 40-тысячный корпус под командованием генерала А. И. Леонтьева. Осенью русские войска перешли крымские границы, разбили ногайцев и расположились в станицах запорожских казаков. Узнав об этих событиях, султан отправил указ Каплан-Гирею, «дабы он в Персию не ходил и от того походу удержался».⁴⁶⁶

Это решение султана в турецких кругах комментировалось по-разному: «/1/ якоб сам хан болен, и татары сему походу противятся, идти не хотят; /2/ о неверности дагестанов, будто отреклись от просимого оными (потекции Порты. - Н. С.)».⁴⁶⁷ Что касается бунта татар, другие источники об этом умалчивают. Зато они подтверждают, что дагестанцы не только

464 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1735, д. 3, л. 21.

465 РГ ВИА, ф. 410: Материалы по истории народов СССР. Коллекция, оп. 1, ед. хр. 7, л. 89.

466 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1735, д. 3, л. 66.

467 Там же, д. 7, л. 41.

отреклись от протекции султана, но и оказали крымцам значительное сопротивление. Неслучайно в переговорах с турецкими министрами восемь лет спустя дагестанские посланцы прямо заявили, что «надлежит Порте ведать, что препятствие в прохождении крымского хана в прошлом (1735 г. - Н. С.) не от России было, но прямо от них дагестанцев».⁴⁶⁸

Но, прежде чем отступить из Дагестана, хан Каплан-Гирей предпринял спешные меры для сохранения на Кавказе влияния Порты и Крыма. Загнав в горы сторонника Ирана шамхала Хасбулата, он обласкал других местных владетелей, продолжая карательные меры против тех, кто принял участие в сражении с крымцами. Обложив их тяжелыми поборами, хан чинил насилия над непокорными, многие из которых бежали в горы. Выделив для подкупа зажиточной сельской верхушки 2500 туманов и многие подарки, он назначил шамхалом родственника Хасбулата - Эльдара, Сурхая оставил правителем Ширвана, а уцмия Ахмед-хана - вали (губернатором) Дербента.⁴⁶⁹

Однако предпринятые им меры имели больше символическое, чем реальное значение. Попытка хана «расположиться в Кабарде» на обратном пути не увенчалась успехом. Убедившись в твердой решимости российского правительства наступать в Крыму до тех пор, пока не будут отозваны крымские войска с Кавказа, хан вынужден был спешно уйти «оттуда на Кубань».⁴⁷⁰

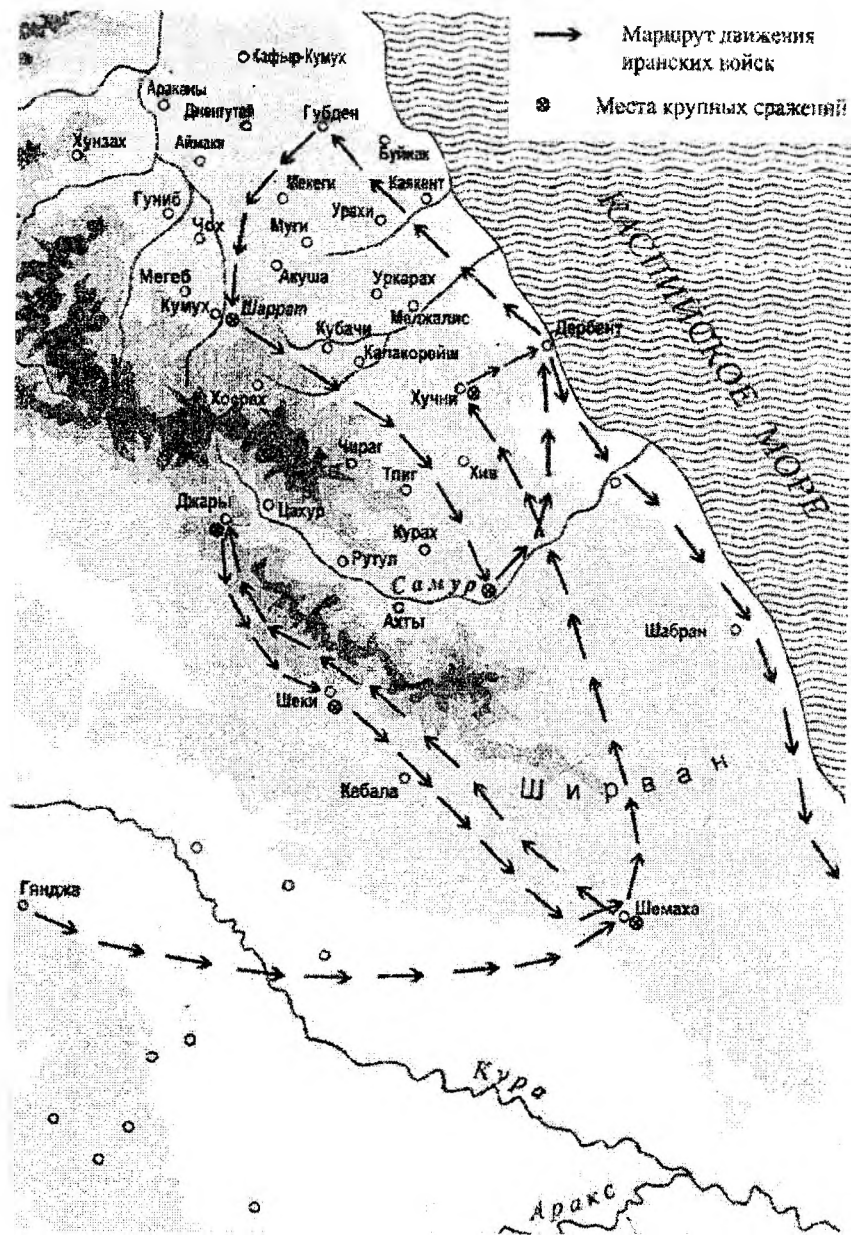
Но отступление крымских войск с Кавказа не принесло спокойствия этому краю. Наоборот, вторжение крымцев на Северный Кавказ ускорило нашествие иранских завоевателей.

Разгромив турок в Закавказье летом 1735 г., Надир снова двинул свои войска на Ширван и Дагестан. Выступив из-под Гянджи 11 октября 1735 г., опустошая джарские джамааты, Шеки, Ширван, Шемаху, лезгинские и табасаранские магалы, встречая упорное сопротивление и неся большие потери, 21 ноября

468 Там же, д. 5, л. 606 об.

469 Lockart L. Nadir Shah. P. 98.

470 АВПРИ, ф. 103: Азиатские дела, оп. 103, 1724-1735, д. 3, л. 26 об., 29 об.

Второе нашествие Надира на Ширван и Дагестан (1735 г.)

иранские войска подошли к Дербенту. Вследствие этого, по выражению академику Дорна, остатки крымских войск спешно покинули Кавказ, «оставив после себя огонь возмущения».⁴⁷¹

Появление значительной иранской армии у Дербента под командованием Надира заставило объединиться его противников. Вскоре Надиру стало известно, что только что утвержденный крымским ханом шамхалом Дагестана Эльдар и облаканные ими Сурхай и уцмий Ахмед-хан совместно решили напасть на его сторонника Хасбулата в Казанище. Не теряя времени, Надир двинулся на выручку своему приверженцу. Но на пути в Маджаллис он встретил сопротивление со стороны сына уцмийа Магомед-хана, укрепившегося в тесном ущелье с помощью артиллерии, брошенной при отступлении крымцами. Маджаллис был взят, весь магал разорен, а Магомед бежал к отцу в Калакорейш. Из Маджаллиса Надир вступил во владения своего вассала Хасбулата - Губден, где был встречен им с выражением верноподданнических чувств.⁴⁷²

Объединенные силы иранцев и Хасбулата представляли грозную силу, перед которой не могли устоять Сурхай, Ахмед-хан и Эльдар. Относительно планов дальнейших действий они не пришли к единому мнению, и каждый отступил в свои владения. Разногласия между ними облегчали задачу Надира, который поставил себе целью «принудить всех князей дагестанских покориться ему».⁴⁷³

Как и год назад, он решил расправиться сначала со своим непримиримым противником и наиболее влиятельным правителем Дагестана - Сурхай-ханом. 17 декабря вместе с Хасбулатом иранские войска начали наступление на Казикумух. Решающее сражение произошло три дня спустя в трех милях от Кумуха - в урочище Шаррат, где Сурхай был разбит и отступил сначала в Казикумух, а затем в Аварию.

471 Dorn W.A. Shirwan unter Lewde der Herscher und Khan. Spb., 1848. S. 97.

472 Lockart I. Nadir Shah. P. 94.

473 Сб. РИО, Т. 76. СПб., 1891. С. 485.

Однако эта победа далась противнику нелегко. Касаясь исхода этого сражения, Мухаммад-Казим пишет: 30-тысячное войско Надира под его командованием напало на 10-тысячный отряд Сурхай-хана. Несмотря на неравенство сил, в разгар битвы «смелый, отважный Сурхай устремился в центр боя». ⁴⁷⁴ Битва была жестокой и вызвала потери с обеих сторон. «Земля была окрашена кровью, - повествует тот же автор, - как Джейхун или Дежле (Аму-Дарья, или Багдадская река. - Н.С.)». ⁴⁷⁵ Разбитый превосходящими силами врага, Сурхай упорно сопротивлялся, но под угрозой окружения вынужден был уйти в Аварию. 21 декабря, стремясь избежать поголовной резни, к Надиру явились с изъявлением покорности казикумухские старшины. Следовавший на помощь Сурхаю Эльдар был разбит и отступил в Бойнак.

Заняв резиденцию Сурхая, Надир обложил горцев чрезвычайным налогом в 7 тысяч туманов, а из награбленных богатств в Дагестане отчислил в шемахинскую казну 100 тысяч туманов. ⁴⁷⁶ Однако, несмотря на одержанную победу, Надир и на этот раз не осмелился вступить в Аварию. Положение завоевателей оставалось тревожным. Как свидетельствуют иранские источники, нападавшие со всех сторон горцы уничтожали «с помощью мечей многих иранцев». ⁴⁷⁷

Создавшаяся ситуация вынудила маневрировать самонадеянного Надира. Надеясь укрепиться в Южном Дагестане, Надир распустил слух, что ввиду наступившей зимы намерен отложить поход против Сурхай-хана, если «лезгины из Докузпара дадут ему 1000 лошадей и направят свои семьи в качестве заложников». ⁴⁷⁸ Непокорившиеся лезгины подверглись

474 Мухаммад-Казим. Наме-йи Аламара-йи Надири. Т. 2. С. 283.

475 Там же.

476 Там же. С. 284 б, 327.

477 Дорре-е Надери (Пакшодде-е ан). Тегран, 1364/1945. С. 46.

478 Lockart L. Nadir Shah. P. 95.

жестоким репрессиям, после чего «главные лица Табасарана (майсум и кадий. - Н.С.) согласились и покорились Надиру. Он награбил Хасбулата и других лояльных лидеров Дагестана, разрешил им вернуться домой». ⁴⁷⁹

На обратном пути Надир рассеял отряды акушинского кадия Хаджи-Аюба, разорил множество даргинских аулов, вступил в Кайтаг, покорила уцмия Ахмед-хана и вынудил его выдать за себя дочь Патимат-ханум, которую называли «первой красавицей Востока». ⁴⁸⁰ Временно покорив Кумух, Акушу, Губден и Башлы, оставив значительные силы в Дербенте, в начале марта 1736 г. он вернулся в Мугань, где был торжественно коронован шахом Ирана. ⁴⁸¹ Назначив своего брата Ибрагим-хана правителем Азербайджана и Дагестана, Надир направился в Мешхед, чтобы подготовиться к Индийскому походу.

Накануне похода шах пошел на сближение с Портой, надеясь на территориальными уступками Ирану на Кавказе обострить российско-иранские отношения. Несмотря на старания русской дипломатии, в сентябре 1736 г. между Ираном и Турцией был заключен Эрзерумский мирный договор, который, по мнению английского посла в Петербурге К. Рондо, не мог быть «крайне неприятным русскому двору». ⁴⁸² Возвращая Ирану Грузию, Армению и Азербайджан, Порты добивалась нейтрализации статей Гянджинского договора 1735 г., предусматривающих совместное ирано-русское взаимодействие в борьбе против Османской империи.

Однако этот договор не стабилизировал обстановку ни в Турции, ни в Иране. Как доносили российские резиденты из Стамбула, страна переживала огромное расстройство и при

479 Там же. P. 95-96.

480 Сб. РИО. Т. 76. СПб., 1897. С. 485.

481 Китаб-е тарих-е джанхонгоша-йе Надери-е ман. С. 164.

482 Цит. по: Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. С. 49.

малейших неурядицах могла оказаться «на краю бездны». Из Ирана резидент Калушкин также сообщал, что народ живет в неслыханном бедствии, доведен до истощения, устал от войны и все хотят мира. «И нельзя было не желать мира, - заключает Соловьев, - потому что Персия находилась на опасном положении: адирбижанцы взбунтовались, афганцы приготовили большое войско, чтобы не пропускать Надира в Кандагар; Грузия отложила и соединенные владельцы ее поразили персидское войско недалеко от Тифлиса; дагестанцы начали разбойничать».⁴⁸³

Действительно, как только основные силы шаха отошли за Аракс, в Дагестане и Азербайджане начались мощные антииранские восстания. Осенью 1736 г. анцухский старшина Га-лега вместе с джарцами выбил иранский гарнизон из Шильды и добился подписания почетного мира с братом Надира Ибрагим-ханом. В следующем году вместе с сыном Сурхая Муртузали они заняли Арешскую крепость, осадили Нуху и держали в блокаде иранские гарнизоны, «начиная от Тифлиса до Карабаха и кончая Шеки и Ширваном».⁴⁸⁴

Между этими событиями произошло крупное антишахское восстание в Дербенте, в котором участвовали Сурхайхан Казикумухский и смещенный накануне восстания правитель Ширвана Султан-Мурад Устаджлу. Недовольный шахом Султан-Мурад вступил в тайный союз с Сурхаем, получил от него подкрепление и во главе большого войска осадил Дербент, где находился новый правитель Ширвана Мехди Кули-хан. Сражение между ними закончилось победой Султан-Мурада, который объявил себя правителем Ширвана.⁴⁸⁵ Активное участие в этом восстании приняли городские жители.

483 Соловьев С. История России. Кн. 10. Т. 20. С. 419.

484 Хроника войн Джара. С. 28.

485 Арунова М.Р., Ашрафян К. З. Государство Надир-шаха Афшара. С. 118.

Захваченный в плен Мехди Кули-хан оказался во власти разъяренной толпы, недовольной иранским владычеством. По словам российского посла в Иране И. И. Калушкина, дербентские «обыватели не вытерпя намерения присланного туда шемахинского беглербек (Мехди Кули-хана. - Н. С.), не только ему учинились ослушны, но и его самого с великим безчестием таскали по улицам и били смертным боем».⁴⁸⁶ Антииранские восстания в Дербенте и в других местах вызвали озабоченность Надир-шаха Афшара. Для подавления восстания и усмирения непокорных жителей крепости были направлены значительные силы, с которыми прибыли новый правитель Ширвана топчи-баши Сердер-бек Кырхлу и назначенный правителем Дербента Наджаф-Султан Карач-оглу.⁴⁸⁷

Выполняя волю повелителя, новые наместники шаха начали с массовых репрессий: Султан-Мурад Устаджлу и 7 тысяч горожан подверглись казни, 100 семейств дербентцев «на вечное житье» переселили из крепости в Хорасан, десятки тысяч людей лишились глаз, языка и ушей. По данным Мухаммад-Казима,⁴⁸⁸ исполнявшего переселенческий указ шаха, количество выколотых глаз в переводе на весовое измерение составляло 14 ман.⁴⁸⁹

Одновременно предпринимались попытки укрепить позиции Ирана путем опоры на местных владетелей. Так, в специальном указе на имя уцмья Ахмед-хана от 24 мая 1736 г., подчеркивая, что события в Дербенте привели его в «нервозность», шах потребовал от уцмья еще раз «наказать это племя». В другом указе от 14 сентября ему же предлагалось вместе с вновь назначенным правителем Дербента Наджаф-Султаном обеспечить в тех краях «мир и спокойствие». «Поскольку в этом районе русские

486 АВПРИ, ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1736, д. 10, л. 74.

487 Годдуси М.Х. Надер-намэ. С. 259.

488 Мухаммад-Казим. Наме-йи Аламара-йи Надири. Т.3. С. 129-130 б.

489 1 ман от 3 до 12 кг. См.: Персидско-русский словарь. Т. 2. М., 1983. С. 789.

на границе с нами иногда вызывают беспокойство, - внушалось далее, - бдительно следить за ними и пресекать их попытки вызывать недовольство местных народов». В других указах, изданных осенью того же года, уцмию, как «хранителю печати» Дагестана, вменялось в обязанность выделять охрану для сопровождения русских послов в Иран, принимая меры «против внутренних раздоров», проявлять больше «исполнительности и рвения».⁴⁹⁰

Обезопасив себя со стороны Турции накануне Индийского похода Эрзерумским миром 1736 г., шах старался этими мерами оставить в тылу усмиренный Кавказ, но не добился успеха. Эта задача была возложена на его брата Ибрагим-хана и грузинского царя Теймураза, которому он вернул трон накануне похода, чтобы они «вместе ходили для наказания чарцов» (джарцев. - Н. С.) и дагестанцев».⁴⁹¹

Ценой крупных потерь к концу 1737 г. Ибрагим-хан вытеснил восставших из Кахетии, но главной цели не добился. Весной следующего года снова восстали 6 джаро-белоканских «вольных» обществ под предводительством старшин Ибрагима-Диване и Магомед-Халила. К восставшим присоединились сын Сурхая Муртузали и сын цахурского владетеля Али-Султана Мухаммед-бек. К ним же на помощь дагестанцы прислали 20-тысячное войско. Стараясь расколоть силы восставших, Ибрагим-хан пытался восстановить против них дагестанских феодалов. С этой целью летом 1738 г. он прибыл на Куру, куда пригласил для переговоров Хасбулата, Сурхая, уцмия Ахмед-хана и Али-Султана Цахурского, но, за исключением последнего, никто не явился на этот призыв.⁴⁹²

490 Персидские исторические документы в книгохранилищах Грузии. Вып. 4. Тбилиси, 1974. С. 17-18, 28 (Далее - ПИДКГ, вып. 4).

491 ИРД АН Грузии. Ros 181: Жизнь царя Ираклия, или политическое состояние Грузии в XVIII столетии, вкратце почерпнутое из персидских, турецких и грузинских источников, л. 5.

492 Козлова А. Н. Страница истории освободительной борьбы народов Дагестана. С. 127.

По-видимому, получив об этом сведения во время Индийского похода в августе 1738 г., шах писал уцмию, что народы Дагестана, обязанные подчиняться ему (шаху. - Н. С.) как входящие в единую государственную систему Ирана, стали отходить от него, как «хейваны» (скоты. - Н. С.), попали под влияние Сурхая, за что достойны сурового наказания. С возвращением в Дагестан, предупреждал он уцмия, будем их преследовать «до пределов аваров и черкесов, чтобы об этом сохранить память до конца света в горах Эльбруса». В двух своих письмах от 14 сентября и 20 ноября 1738 г., будучи занятым штурмом Герата и Кандагара, он повелевал уцмию вместе с Хасбулатом наказать Сурхая, арестовать его сына Муртузали и направить его в Исфахан, а потом «подумать и подготовиться к наказанию казикумухцев».⁴⁹³ Чтобы сломить волю горцев к сопротивлению, их запугивали слухами о том, что «шах пойдет к туркам горами близ кумык и остановится в Кабарде и будет... с турками договору иметь чтоб ему шаху идти к Астрахани, а когда де Астрахань возмет, то и далее в Россию пойдет».⁴⁹⁴

Между тем Ибрагим-хан, убедившись в готовности горцев сражаться до конца, решил силой покорить джарцев и их дагестанских союзников. С этой целью осенью 1738 г. во главе 32-тысячного войска он вступил на территорию Джары и Талы, являвшихся в этот период главными базами антииранского сопротивления. Предвидя упорное сопротивление джарцев и талийцев, перед началом наступления иранское командование провело тщательную предварительную подготовку. Расположившись лагерем напротив Каха, Ибрагим-хан в течение четырех дней заставил своих воинов рыть оборонительные окопы для отражения возможного внезапного нападения джарцев. Одновременно у крепости Ак-Бурж, возведенной в свое время шахом Аббасом Великим, было задумано

493 ПИДКГ, Вып.4. С. 29-30, 32-33.

494 ЦГА РД, ф. 379: Канцелярия коменданта г.Кизляр, оп. 1, д.17, л. 129 об.

соорудить другое военное укрепление, которое должно было стать опорным пунктом иранского командования «для военных операций против воинственных племен Джары и Талы».⁴⁹⁵

Со своей стороны воинственные жители джаро-белоканских «вольных» обществ, не раз обращавшие в бегство иранцев, также готовились к защите родных очагов. По сведениям Мухаммад-Казима, составленным со слов очевидцев, в том числе и своего отца, не раз ходившего в разведку в тыл к горцам, джарцы и талийцы, узнав о приготовлениях иранской армии, подкрепленной грузинскими, ширванскими и карабахскими войсками, через своих гонцов обратились за помощью к Сурхай-хану Казикумухскому и сыну Али-Султана Цахурского Магомед-беку, предложив им совместно защищать свой народ и веру.⁴⁹⁶

По этому призыву к джарцам прибыло подкрепление из Табасарана, Хиналуга, Ахтыпары и Кюре в количестве до 20 тысяч человек. Руководить объединенными силами взялись известные в народе, закаленные в боях джарские старшины Ибрагим-Диване и Магомед-Халил, которые составили хитроумный план, чтобы заманить в ловушку грозного врага и нанести ему решающий удар в выгодных для себя условиях.

Как и предусматривал замысел оборонявшихся, первые стычки иранцев с джарцами завершились победой иранской армии, которая стала преследовать отступавших, не подозревая о расставленной ей ловушке. Вначале воины шаха продвигались, не встречая упорного сопротивления, хотя в горах часто появлялись летучие военные отряды, которые быстро исчезли из поля зрения, создавая иллюзию, что джарцы, «не надеясь на свою силу стоять, от страха собирались в верхние горы».⁴⁹⁷

Введенный в заблуждение этой тактикой, недооценив силы своих врагов, Ибрагим-хан решил одним ударом покончить с противником. «Он оставил свой лагерь у подножия горы и,

495 Алиев Ф.М. Антииранские выступления. С. 134.

496 Мухаммад-Казим. Наме-йи Аламара-йи Надири. Т. 2. С. 170.

497 Алиев Ф. М. Антииранские выступления. С. 134.

взяв с собой всех пехотинцев, - пишет об этом Ф.М. Алиев, - двинулся на повстанцев. Путь иранского войска лежал по узким горным проходом, крутым тропинкам и крутым скатам - все это весьма осложняло положение иранских войск. Воины едва удерживались на крутизне, забыв о воинской дисциплине и порядке в своих рядах. Ибрагим-хан пропустил вперед отряды из Грузии, ширванцев, воинов из племени мугадам, дунбули и т.д. Сам же с надежными отрядом, составленным исключительно из хорасанцев, шел в арьергарде. Джарцы же во главе с Ибрагимом-Диване не препятствовали продвижению регулярной армии. Когда же появился отряд, возглавляемый Ибрагимом-ханом, местное ополчение внезапно начало «жестокую из ружья пальбу».

Ошеломленные неожиданным нападением, иранские войска даже не знали, в какую сторону обратить свои ружья, так как было еще темно и пули летели со всех сторон. К тому же противник умело замаскировался в естественных укрытиях. Одним из первых пострадал предводитель иранских войск Ибрагим-хан, в которого Ибрагим-Диване выстрелил сам. Получив тяжелую рану, Ибрагим-хан упал с коня. По словам Мухаммед-Казима, гянджинский беглербек Угурлу-хан, увидев раненого Ибрагим-хана и будучи сам раненым, подозвал своего брата Гусейн-Али-хана и сказал ему: «Выведи его из кошмара, если не дай бог с ним что-нибудь случится, завтра весь Азербайджанский мемлекет станет жертвой гнева Надира и сгорит в огне». Однако вторая пуля смертельно сразила Ибрагим-хана. Был убит также и Угурлу-хан».⁴⁹⁸ Как свидетельствуют источники, в решающих схватках с джарцами отборные иранские войска были разгромлены, их остатки пустились в паническое бегство, пали на поле боя виднейшие шахские военачальники,⁴⁹⁹ погибло множество «ханов, султанов и воинов».⁵⁰⁰

498 Там же, С. 134.

499 ЦГАРД, ф: Канцелярия коменданта г. Кизляр, оп.1, ед. хр. 17, л. 16, 33, 37 с об., 145 об., 146-148.

500 Хроника войн Джара. С. 29.

В боях с противником отличились многие джарцы, особенно их предводители - Ибрагим-Диване и Магомед-Халил, которые гнали остатки вражеского войска в 7-8 тысяч человек вплоть до берегов Аракса.⁵⁰¹ После тяжелых потерь бежали в панике коменданты Каха, Шеки и Ширвана. За склонность к сговору с завоевателями горцы изгнали Али-Султана из Цахура, а его сына Магомед-бека, как последовательного борца против иранского владычества,⁵⁰² признали правителем Шеки и Кахской области.

После этих побед борьба против иранского владычества охватила многие районы Дагестана, Азербайджана и Грузии. Особенно упорной она была в районах Дербента, Табасарана и Кубы. Зимой 1738 г. сын Сурхая Муртузали захватил Кубу, где утвердился дядя Сурхая Карат-бек. По-видимому, получив об этом известие, осаждавший Газни Надир-шах в начале марта 1739 г. направил указы шамхалу Хасбулату и уцмию Ахмед-хану с требованием арестовать и направить к нему Сурхая и его сына Муртузали.⁵⁰³

В плане выполнения этой задачи иранские войска под командованием тбилисского сердера Сефи-хана направились на захват Кубинской провинции, однако шамхал и уцмий не выступили в их поддержку. При приближении завоевателей Карат-бек отступил в Дагестан и обратился за помощью к джарцам и грузинам. Отзываясь на этот призыв, объединенные силы джарцев, дагестанцев и грузин под командованием грузинского эристави Шенши и унцукульского старшины Малаччи нанесли поражение иранцам и вынудили их отступить с большими потерями.⁵⁰⁴

501 Арунова М.Р., Ашрафян К.З. Государство Надир-шаха Афшара. С. 189.

502 Мирзамагомедов Г.М. К истории борьбы дагестанцев против Надир-шаха. С. 86.

503 ПИДКГ, Вып. 4. С. 48-49; ЦГАРД, ф. 379: Канцелярия коменданта г. Кизляр, оп. 1, ед. хр. 17, л. 142.

504 Хроника войн Джара. С. 7, 31; ЦГАРД, ф. 379: Канцелярия коменданта г. Кизляр, оп. 1, ед. хр. 17, л. 37 с об., 145 об. - 146.

В то время как народы Кавказа громили завоевателей, Надир-шах одерживал блистательные победы на Востоке. Покорив Индию, Афганистан и Среднюю Азию в течение 1737-1739 гг., он награбил колоссальные богатства, набрал крупные контингенты отборных войск для новых завоеваний. Узнав о гибели брата Ибрагим-хана и поражении в Джаро-Белоканах, он ускорил обратный поход в Иран, решив жестокими мерами усмирить горцев Дагестана для создания стратегического плацдарма на побережье Каспия.

Приведенные материалы показывают, что четырехлетний период от начала нашествия Надир-шаха на Дагестан в 1734 г. до поражения иранских полчищ в Джаро-Белоканах в 1738 г. стал важной вехой в истории освободительной борьбы горских народов против иноземных завоевателей. Эти же годы составили определенный этап на пути подготовки крупномасштабной военной операции для завоевания Дагестана и установления иранской гегемонии на Кавказе. Хотя нашествия Надир-шаха на Ширван и Дагестан в 1734-1735 гг. не имели стратегического характера, а преследовали ограниченные тактические цели - запугать протурецки настроенных дагестанских владетелей и вынудить их подчиниться себе, они также вышли за рамки региона, оказав влияние на кавказскую политику Петербурга и Стамбула и развитие международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке.

Добившись фактически сначала нейтрализации, а затем и «послушания» Порты, Надир усилил нажим на Петербург, итогом чего явился подписанный в 1735 г. Гянджинский трактат, серьезно подорвавший позиции России в Дагестане и прикаспийских областях. Сопоставление условий этого трактата с ранее подписанными русско-иранскими соглашениями свидетельствует о том, что упомянутый договор стал важным шагом в реализации стратегических целей

кавказской политики Ирана, которые не были достигнуты во время предыдущего нашествия Надира на Ширван и Дагестан. Изменение соотношения сил на Востоке в пользу Ирана в результате военных побед Надира над Османской империей и дипломатических успехов в противоборстве с царской Россией позволило ему успешно завершить Индийский поход и тщательно подготовиться к давно задуманной Дагестанской кампании.

ГЛАВА IV ПРОВАЛ ДАГЕСТАНСКОЙ КАМПАНИИ ШАХА НАДИРА. КРАХ «ГРОЗЫ ВСЕЛЕННОЙ»

§ 1 Подготовка Дагестанской кампании: военно-политические и дипломатические предпосылки

Разгром иранских полчищ и гибель Ибрагим-хана в Джаро-Белоканах вызвали острое беспокойство Надир-шаха Афшара, находившегося в то время в Пешаваре, продолжая «успешную завоевательную кампанию в Индии».⁵⁰⁵ Под влиянием этих известий Надир-шах стал понимать, что тяжелое поражение в Джаро-Белоканах может иметь серьезные военно-политические последствия (упадок морального духа армии, поощрение покоренных народов на борьбу за независимость, активизация кавказской политики России и Османской империи и др.). Сознавая эту опасность, он ускорил завоевание Индии, Афганистана и Средней Азии, чтобы использовать закаленные войска и награбленные средства для осуществления Дагестанской кампании.

Мотивируя необходимость такой последовательности действий, он заявил своим приближенным: «Дела областей Азербайджана таковы, что если описать тамошнее положение, то это происшествие (гибель Ибрагим-хана. - Н. С.) станет поводом к осмелению врагов и ослаблению большинства храбрых, сокрушающих ряды (неприятеля). Если мы направимся в Иран, то все кочевые племена в Индии, Белуджистане и афганцы будут (нас) преследовать и не допустят, чтобы хотя один человек ушел из этой страны (Индии. - Н. С.)».⁵⁰⁶

В ходе успешного завоевания Индии и других стран Востока планы Надира обретали новые черты. Все большее место в стратегических замыслах к исходу Индийского похода стал

⁵⁰⁵ Цит. по: Козлова А.Н. «Наме-йи аламара-йи Надири» Мухаммад-Казима. С. 72.

⁵⁰⁶ Мухаммад-Казим. Намэ-йи Аламара-йи Надири. Т.2. С. 179 б.

занимать дагестанский вопрос. Не случайно на приеме высшей военно-феодальной элиты, посвященном итогам Индийского похода, он подчеркнул: «Я взял под свою власть Хиндустан, земли Турана (Средней Азии. - Н. С.) и Ирана, а сейчас я так пожелал: с огромным, бесчисленным войском вступить в царство Кумух и сделать новое клеймо (даг) на этой стране. От такого клейма огонь пойдет по всему миру».⁵⁰⁷ По словам Мухаммад-Казима, после этой встречи «(войско) пришло в движение и, делая переход за переходом, двинулось в сторону Дагестана».⁵⁰⁸

Сказанное относится к июлю-августу 1739 г., когда следовавший в свите шаха на обратном пути из Индии, Афганистана и Средней Азии И.И. Калушкин составил о нем ряд ярких характеристик. Это было время блистательных побед на Востоке, когда Надир-шах находился в зените своей славы. По внушению придворных льстецов его стали называть «непобедимым полководцем», «Грозой Вселенной», а сам он возомнил себя властелином мира, став высокомерным, грубым, жестоким и недоступным.

«Новый Новухбдоносор обезумел от своих успехов», - подчеркивает Соловьев и приводит следующую тираду Надира о себе: «Стоило мне лягнуть одною ногою, и вся Индия рушилась с престолом Великого Могола, следовательно, если обещать ногами лягну, то весь свет в пепел обращу... Персия, скверная, достойна ли ты такого великого государя иметь? Един бог на небе, мы единый государь на земле, ибо ни один монарх на свете нас без внутреннего страха слышать не может».⁵⁰⁹

На решение шаха ускорить обратный поход в Иран повлияли не только блистательные победы на Востоке, но и тревожные известия, продолжавшие поступать из Азербайджана и

507 Цит. по: Козлова А. Н. «Намэ-йи Аламара-йи Надири» Мухаммад-Казима. С. 72-73.

508 Мухаммад-Казим. Поход Надир-шаха в Индию (Извлечение из «Тарих-и Аламара-йи Надири». (Пер., пред. и прим. Петрова П.И.). М., 1961. С. 290 б.

509 Цит. по: Соловьев С. М. История России. Кн. XI. Т. 22. С. 87-88.

Дагестана. Обстановка в этих краях после разгрома и изгнания захватчиков из Джаро-Белокап осенью 1738 г. оставалась неустойчивой. Сохранение иранского владычества с центрами в Шемахе и Дербенте, усиление налогового гнета, голод и нищета, обрекавшие на страдания тысячи людей, послужили причиной новых антииранских восстаний. Как и прежде, во главе этих восстаний оказались местные феодальные правители, боровшиеся не только против иранского владычества, но и за укрепление и расширение своих классовых привилегий. Подтверждение тому - волна народных возмущений, прокатившаяся по Дагестану и Азербайджану в конце 30-х - начале 40-х годов.

Как доносил из Решта 20 апреля 1739 г. консул С. Аврамов: «Горский владетель Сурхай и другие многочисленными силами людей согласясь поднялись на Персию и вышли из гор и находятся около Шемахи, Мускура, Шабрана и Баки с которыми имевшие под державою Шахова величества куринцы, куралинцы, отложась, согласились же и несколько шемахинской провинции деревень взяли».⁵¹⁰ Опасаясь нападений повстанцев на Баку, Шемаху, Шабран и Дербент, что вызвало бы новую эскалацию иранских нашествий, Аврамов предлагал принять меры для защиты своих границ на Сулаке и укрепления Кизляра.

Однако сбить волну антииранских восстаний иранским властям тогда не удалось. В конце 1739 г. - начале 1740 г. сын Сурхая Муртузали и кубинский правитель Гусейн Али-хан напали на Низабад, Шабран и Мюшкюр, ограбили местных жителей, после чего кубинский хан удалился в Дербент, опасаясь гнева славшего угрозы из Кандагара и Газни Надир-шаха Афшара. Оставшись один во главе повстанческих масс, Муртузали продолжал действовать между Низабадом и Дербентом, доходя до окрестностей крепости. Отряды Муртузали осаждали Новую Шемаху - Аг-су, доходили до реки Куры, но под давлением регулярных иранских сил вынуждены были отступить в горы.

510 Хроника войн Джара. С. 33.

Хотя Надир-шах находился в то время далеко от Кавказа, но, получив весть о новых антииранских восстаниях, распорядился немедленно отправить карательные отряды для их подавления. Узнав об этом, джарцы и талийцы объединились вокруг главы Джаро-Талийского общества Ходжи Аги Муртуза-эфенди, который мобилизовал своих соплеменников для отпора ожидавшейся карательной экспедиции.

Однако Надир-шах, препятствуя объединению антииранских сил, отправил из Надирабада (военный лагерь под Кандагаром. - Н. С.) срочное письмо Ходжи Аге Муртузу-эфенди с требованием усмирить население, обещая пощаду и богатое вознаграждение. Не получив ответа, разгневанный шах снарядил специальный отряд для защиты Ширвана и наказания джарцев зимой, когда горные дороги делаются непроходимыми и затрудняются оборонительные действия защитников.⁵¹¹

Для выполнения этой задачи в мае 1740 г. он отправил своих командующих Мухаммеда Фетх Али-хана и Абдали Гани-хана с приказом «ехать в Ширван, где вместе с армиями командующих в Грузии и Азербайджане уничтожить лезгин Джары и Талы в течение осени и зимы».⁵¹² В грамоте шаха армянскому католикосу уточнялось, что они направлены в Дагестан «для наказания джарцев и талийцев».⁵¹³

Лихорадочные действия шаха были вызваны тем, что правящие круги Османской империи пыгались воспользоваться создавшейся обстановкой, чтобы привлечь на свою сторону джарцев путем подкупа, лести и иными средствами. Не примирившись с потерей захваченных земель, османская правящая верхушка готовилась к новым военно-политическим акциям. Концентрируя войска на границе с Ираном, Порты готовилась поддержать антииранские выступления, которые могли бы ослабить ее соперника и послужить интересам Стамбула.

511 Бакиханов А.А. Голистан-и Ирам. С. 120.

512 Lockart L. Nadir Shah. P. 201.

513 ИРД АН РГ. Ros 136: Грамоты персидских шахов к католикосам и царям грузинским. Д. 531, л. 5,9.

С этой целью по поручению султана Махмуда I великий визирь Али-паша Хеким-оглу направил главе Джаро-Талийского общества Ходжи Аге Муртузу-эфенди пространное письмо, в котором подчеркивалось, что «мы извещены о вражде и борьбе, которые существуют между вами и Надир-шахом со дня возникновения их по сей день; проявленная вами храбрость и неустрашимость, стойкость и крепость сердца... вашего стали нам известны. Не доверяйтесь этим угнетателям, так как в случае доверия попадете в огонь. Мы узнали о том, что вы не поддались на их ложь и, обманувшись, не доверились их словам... Ваши славные поступки и предприимчивость послужили причиной возрастания нашей бесконечной к вам любви. Ваша стойкость во имя веры станет притчей во языцех... Все славословят вас. Поэтому при удобном случае о ваших славных поступках и неослабных стараниях сообщим тому, кто распоряжается нашей судьбой и благополучием, т.е. властелину земли, владыке морей, предводителю мусульман, божьей тени на земле его величеству султану, да будет вечна его держава».⁵¹⁴ Внушая адресату, чтобы «вы вместе с выражениями вашей цели прислали документы о вашей верности данным словам и договоры о вашей стойкости», великий визирь заклинал: «Немедля пришлите письмо об общем настроении и мнении, пришлите ко мне с упомянутым посланием также представителей племен и рядовых аксакалов.

Таким образом поможет бог вам достичь ваших целей».⁵¹⁵

Подозрительная активность Порты в отношении джарских джамаатов ускорила реализацию планов Надир-шаха. Стремление Стамбула использовать стратегическое значение и людские ресурсы этих джамаатов в своих интересах не осталось для него тайной. Сознывая, что без покорения Дагестана невозможно добиться гегемонии на Кавказе, он продолжал

514 Цит. по: Алиев Ф.М. Антииранские выступления. С. 147.

515 Там же. С. 148.

наращивать военный потенциал, предназначенный для завоевания этого края. Не случайно Надир-шах, находясь на пути из Средней Азии в Иран, ставил в известность своего посла в Петербурге Мухаммад Хусейн-хана о том, что 20 ноября 1740 г. иранская армия выступила из Хивы, а «по прибытии в Хорасан в Дагестан идти имеем, и когда ваше высокостепенство из России отправиться имеешь, ехать к дагестанским границам и там с нами видится, и так ож о русских поведениях обстоятельно нам доносить».⁵¹⁶

Из этого документа явствует, что шаха особенно интересовала возможная реакция на его действия со стороны России. Сказанное подтверждается и тем, что спустя месяц шах прислал указы своему сыну Риза Кули-хану, а также командующим в Закавказье собрать войска из Тебриза, Гянджи, Тифлиса, «со всей адырбажанской стороны», заготовить провиант и выступить на Куру, куда он был намерен прибыть весной следующего года. Для поддержки иранских войск шамхалу Хасбулату предлагалось получить из шемахинской казны 15 тысяч рублей, укомплектовать на эти деньги 10-тысячный отряд, с которым также следовать на Куру.⁵¹⁷

Таким образом, с осени 1740 г. Дагестан снова оказался в центре внешней политики Ирана, хотя началом подготовки Дагестанской кампании можно считать концентрацию сил для штурма и уничтожения джарских джамаатов. Эта подготовка, как указывалось выше, шла исподволь, на обратном пути возвращения из Индии и включала целый ряд военно-дипломатических и иных мероприятий: обеспечение благоприятных внутренних и внешних условий путем сохранения прочного тыла и стабильных отношений с Портой, создание стратегического плацдарма на подступах к Дагестану на территории джаро-белоканских «вольных» обществ, изоляция Дагестана от его

516 АВПРИ, ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1741, д. 4, л. 65 с об.

517 Там же, л. 2, 3, 10, 21-22 об., 24 об., 25.

соседей - России с севера и Закавказья с юга, достижение многократного военного превосходства над противником, привлечение на сторону Ирана местных владетелей и старшин и т.п.

Однако на пути решения этих задач стояли мощные джарские джамааты, не раз сокрушавшие грозных завоевателей. Не случайно шах перед вступлением в Дагестан решил убрать этот мощный заслон многократным перевесом военных сил и изоляцией их от поддержки извне - со стороны России и Османской империи. Донесения И.И. Калужкина из Ирана, относящиеся ко времени концентрации иранских войск для штурма джарских укреплений, содержат об этом достоверные сведения.

Так, 7 февраля 1741 г. он сообщает, что шах «ныне ни о чем ином, как единственно о войне против лесгинцов отзывается... из всех его приготовлений не вижу, чтоб иное предприятие к какому с стороны шаховой явному с турками разрыву клонилось, но больше ко усмирению лесгинцов учреждение есть: пожеже немалое число из завоеванного народа и из природных персиян под различными командами в Дагестан отправлено... турки на разрыв с Персией тишины не податно поступают; яко же и шах по причине употребляемых своих против лесгинцов настоящих мер видится от того удаляется».⁵¹⁸

Спустя две недели отборные иранские войска под командованием опытных военачальников во главе с племянником шаха Абдали Гани-ханом были стянуты на берег Алазани. Добиваясь изоляции воинственных жителей джаро-белоканских джамаатов от Дагестана, куда они обращались за помощью к горцам, шах потребовал от уцмья Ахмед-хана «преследовать их и уничтожать... Никакой пощады им не давать».⁵¹⁹ По-видимому, для нейтрализации вмешательства Порты в дела Кавказа в Стамбул отправился иранский посол,

518 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1741, д. 10, л. 202-203 об.

519 ПИДКГ. Вып. 4. С. 54-55.

чтобы известить султана Махмуда I о блистательных победах Надир-шаха в Индии.⁵²⁰

Однако ни многократное численное и военное превосходство вражеских войск, ни угрозы Надир-шаха не сломили воли к сопротивлению джарцев и пришедших к ним на помощь из гор «лезгин» (дагестанцев. - Н. С.). Военные действия начались в двадцатых числах февраля 1741 г. осадой противником джарских укреплений, расположенных в основном в трех пунктах: Джаре, Кадыхе и Агзыбуре. После упорного сопротивления джарцы и лезгины отступили к Кадыху. Не выдержав наступления превосходящих сил противника, защитники перешли в третье укрепление, где продолжали сражаться с поразительным упорством. «От самого утра до позднего вечера, - свидетельствует А. Бакиханов, - продолжалась упорная битва. Обе стороны понесли одинаковую потерю. Наконец, в полночь абдалинцы, несмотря на град пуль и камней, подавлявшие их, ... взошли на вершину и овладели укреплением. Лезгины, отрезанные с северной стороны и не видя возможности спастись, бросались со скал в пропасть. Те же, которые не имели такой решимости, погибали под кинжалами победителей».⁵²¹

Аналогичную оценку этих событий мы находим и у других авторов. Так, современный иранский военный историк Сардадвар пишет, что перед штурмом Агзыбира Абдали Гани-хан предупредил своих воинов, что мы имеем дело «с очень смелым и опасным врагом», которого можно победить лишь быстротой и натиском. Предводительствуемые им иранцы двинулись с четырех сторон, неся большие потери. Защитники бросались в бой с вершин деревьев, с высоких скал, применяли взрывчатку, кинжалы и камни. Абдалинцы с удивлением наблюдали, как старики и раненые, не желая сдаваться в плен, бросались с вершин гор в пропасть. Весь Агзыбир был покрыт трупами, снег был

520 Hekmat M.A. Essay sur l'histoire des relations politiques irano-ottomenes. P. 258.

521 Бакиханов А. А. Голистан-и Ирам. С. 146.

окрашен кровью. «Это была самая удивительная, самая героическая и самая кровавая битва, - заключает автор, - в которой джарцы дрались до последнего вдоха, не желая попасть в плен к победителям».⁵²² После взятия Агзыбира абдалинцы вернулись в лагерь, расположенный напротив Талы, откуда Гани-хан отправил рапорт Надир-шаху о разгроме джарских джамаатов.

Как свидетельствуют многочисленные источники, расправа над оставшимися в живых была беспощадной. Подавив указанные очаги сопротивления, иранские войска ринулись в другие места. Исследования местных кавказских историков - наглядное тому подтверждение. «Вся провинция, - свидетельствует А. Бакиханов, - была опустошена до такой степени, что от ее заселенности не осталось почти никаких признаков».⁵²³ В карательных акциях против джарцев особенно отличились отряды племянника шаха Абдали Гани-хана: «Они разграбили имущество и стада тех магалов, разрушили их селения, а также, заняв дороги, ведущие в другие края, убивали и брали в плен бежавших по ним, - пишет об этом Г. Алкадари. - В общем, они там не оставили следов оседлости и разрушили все селения».⁵²⁴

Но сатрапы шаха не ограничились уничтожением джарских джамаатов - они опустошили Шекинскую область и часть Ширвана. Как подчеркивает В. Н. Левиатов, тотальный террор завоевателей был вызван тем, что «эти области, будучи смежными с Дагестаном, имели многочисленные и разнообразные связи с населением гор. Опустошая Шеки и Ширван, военачальники Надир-шаха преследовали политическую цель: они хотели заморить голодом население непокорного им Дагестана».⁵²⁵

Разгром и покорение джарских джамаатов составили важное звено в подготовке Дагестанской кампании шаха Надира.

522 Сардадвар А.Т. Тарих-е незами ва сийаси-йе довраи-е Надер-шах-е Афшар. С. 722.

523 Бакиханов А.А. Голистан-и Ирам. С. 146.

524 Алкадари Г. Э. Асари Дагестан. С. 70.

525 Левиатов В.Н. Очерки из истории Азербайджана в XVIII в. С. 109.

Рассматривая эту базу как стратегический плацдарм для наступления на Дагестан, он организовал разведку боем, отправив летучие отряды за теми джарцами, которые укрылись высоко в горах или отступили на территорию Лакии, Аварии и Кайтага. Командующему этими отрядами Фатали-хану был дан приказ, чтобы «не дожидаясь его величия (Надир-шаха. - Н. С.) прибытия к дагестанским горам, он с подкомандующим своим войском шел на Сурхаевы и Усмеевы жилища и всех бы горских людей рубил наповал, кроме шамхалова владения, к которому повелевает обращаться со всякой лаской».⁵²⁶

«Ласковое» обращение с шамхалом объяснялось тем, что Фатали-хан не смог выполнить возложенной на него задачи: в одном из горных ущелий его отряд попал в засаду и перекрестный огонь, «отчего персияне пришли в конфузию и обратились в бегство».⁵²⁷ После этой неудачи Надир-шах возобновил попытку сформировать наемное войско из горцев с помощью шамхала Хасбулата. В марте 1741 г. для набора такого войска в Тарки было доставлено 15 тысяч рублей, из которых Хасбулат присвоил себе 5 тысяч, а остальные 10 тысяч разослал своим ближайшим родственникам и подданным в Бойнак, Эрпели, Эндирей, Аксай, Костек, Казанище, Кумторкалу, Карабудахкент, Параул, Буглен, а также горским старшинам с предложением выступить на стороне иранского шаха. Присланные деньги были приняты бойнакским владельцем Эльдаром и карабудахкентским беком Мехти, но горские старшины наотрез отказались от этой подачи, заявив, что не будут участвовать в измене своему народу, «хотя и неволею будем взяты».⁵²⁸ Отказались от участия в позорной сделке и остальные адресаты и восемь влиятельных узденей Хасбулата.

Попытка шаха подкупить дагестанских владельцев не дала ожидаемого эффекта. Известия об очередном нашествии

526 Цит. по: Алиев Ф.М. Антииранские выступления. С. 154.

527 Там же.

528 АВПРИ, ф. 77: Сношения России с Персией, оп.77/1, 1741, д.4, л. 94, 97 с об.

Надир-шаха Афшара вновь сплотили дружественные народы Дагестана и Закавказья. Прибывший от грузинского эристави Шенше курьер Шион Токунов сообщил 20 февраля в Кизляр, что «у него в собрании имеетца одних грузинцов десять тысяч, а тавлинцов (дагестанцев. - Н. С.) конных и пехоты имеетца множество со всех деревень и владений тавлинцы к нему идут на помощь и со оными персиянами князь Шенша намерен битца».⁵²⁹ В начале марта 1741 г. комендант Тбилиси Сердар-хан докладывал шаху, что «ныне де збираютца на нас аварлинцы тавлинцы и Сурхай с войском, а нас де против них весьма малоллюдно, и из оного войска многие персияне бегут с голоду в Шемаху и к Сурхаю, и шемахинский командир им за то чинит кару».⁵³⁰

В связи с надвигавшейся угрозой Сурхай предпринимал срочные оборонительные меры для защиты своих границ. Он приказал быть наготове всем своим подданным, предупредив их о том, что если иранцы победят джарцев и их дагестанских и закавказских союзников, то потом будут наступать на нас. «Сурхай из детьми своими ныне при домах своих в Казикумыках собирает войско тавлинцев лезгинцов, - доносил в марте 1741 г. кизлярский лазутчик Алисолтан, - и намерен идти в Персию против персиян войною и объявил что ныне де мы хотя и в покое живем, а чтоб с персиянами не дратца не миновать».⁵³¹

Опасаясь гнева своих подданных, Хасбулат не решился открыто выступить в поддержку завоевателей. Он медлил с выполнением приказа шаха, но тот оказал на него энергичный нажим. В конце марта в Тарки поступил новый приказ, чтобы «он шемхал с тысячью человек прибыл в апреле месяце в Шемаху, а ежели де со оными людьми в Шемаху не будешь то де на меня не пеняй».⁵³²

529 Там же, л. 95.

530 Там же, л. 115.

531 Там же, л. 96-97 с об.

532 Там же, л. 114.

Стараясь удержать шамхала от этой поездки, горские старшины обратились к нему с угрозой не только его самого убить, но и деревни его разорить. «И он шемхал под неволею ехать намерен, - доносил в Кизляр лазутчик Чубар Абакаров, - поданные его уздени в деревни Казаницах всех лошадей своих тайно в горы продают чтоб им в Персию не ехать, шамхал Хасбулат послал жалованья к тавлинским старшинам унцукульским и цудакуринцам и оные старшины жалованья не приняли и присланных з жалованьем прогнали».⁵³³

В таких условиях сатрапы шаха не осмеливались вступить в Дагестан, ожидая прибытия с основными силами своего повелителя и сведений от шамхала Хасбулата о наборе наемного войска в помощь иранцам. Обстановка в Дагестане и пограничных областях не сулила им легкой победы. Возвращавшиеся в Джары и Талы беженцы снова брались за оружие. В поисках помощи для борьбы с иранскими завоевателями владетели и старшины Дагестана более активно склонялись на сторону России. Но Россия не могла оказать им открытую поддержку, опасаясь разрыва мира с Турцией и одновременной войны с Ираном.

Учитывая создавшееся положение, Сурхай деятельно искал союзников среди дагестанцев, джарцев и грузин. В конце марта 1741 г. он связался с джарцами и грузинами, после чего было решено отправить курьеров в лагерь турецких войск, расположенный на берегу реки Арпачай. Отправленные к османам князь Шенше и старшина Маллаччи вернулись с ответом, что они обещали выступить против иранцев после жатвы хлебов, но фактически занимают нейтральную позицию.⁵³⁴

Уклончивое поведение османов объяснялось тем, что Надир-шах активно добивался сохранения мира с Портой, встречая взаимопонимание со стороны Стамбула. Неслучайно наблюдавший за поведением придворных кругов Османской империи и

⁵³³ Там же, л. 114 с об.

⁵³⁴ АВПРИ, 89: Сношения России с Персией, оп. 89/1, 1741, д. 10, л. 303 об.

Ирана резидент Калушкин пришел к выводу, что «из поступков сих двух магометанских дворов осмотреть можно, что оныя на разрыв мира между собою горячего хотения не оказывают».⁵³⁵

Действительно, османское правительство вело двуличную политику, подстрекая горцев против Ирана, обнадеживая их помощью, но ограничиваясь на деле символической поддержкой. 31 марта 1741 г. Калушкин вновь доносил, что «турки лесгинцов против шаха поощряют, и для побуждения оных к Сурхайю послано от Порты «500» мешков всякой по «500» рублей: и того учинит «350» тысяч рублей, чтоб они не ослабевая содержали на те деньги войска, что и впредь от Порты вспоможение деньгами чинено будет».⁵³⁶ Однако это «вспоможение» не имело реального значения. Народы Дагестана фактически оказались без поддержки извне перед лицом грозных завоевателей. Воспользовавшись этим, Надир-шах продолжал наращивать военно-дипломатические усилия в плане подготовки Дагестанской кампании. Подтверждение тому - приказ Надир-шаха от 19 марта 1741 г. из Тебриза, адресованный иранским войскам, сосредоточенным на подступах к Дагестану: вновь разорить джарские джамааты и усмирить непокорных дагестанцев.⁵³⁷

Выполняя этот приказ, в апреле 1741 г. 16-тысячное иранское войско под командованием Абдали Гани-хана напало на джарские джамааты. «Но ко оным же джаринцам, - доносил астраханский губернатор С.В. Голицын, - намерены итти на помощь горский владелец Сурхай и сын его Муртузали».⁵³⁸ Повидимому, эта помощь подоспела вовремя и сыграла свою роль в победе над противником. В трех кровопролитных сражениях иранцы были разгромлены. Почва под ногами завоевателей заколебалась снова, что потребовало от шаха новых усилий

⁵³⁵ Там же.

⁵³⁶ Там же.

⁵³⁷ Сардадвар А.Т. Тарих-е незами ва сийаси-йе Надершах-е Афшар. С. 728.

⁵³⁸ АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1741, д. 10, л. 118 об.

для сохранения влияния Ирана в Дагестане. Наместник шаха в Дербенте Наджаф Султан получил приказ идти с войсками на соединение с Хасбулатом «и как оное войско в Тарки прибует то сколько шемхал сможет собрать своего войска и с оным персицким войском идти на Сурхая и на тавлинцев». ⁵³⁹

Серьезную озабоченность шаха перед вторжением в Дагестан продолжали вызывать крепнущие связи Дагестана с Закавказьем и Россией. Стараясь не допустить развития этого опасного для своих гегемонистских планов процесса, он старался блокировать Дагестан, соорудить на его территории ряд укреплений, отрезать горцев от их соседей. С этой целью передовым иранским частям, выступившим из Тебриза в марте 1741 г., был дан приказ ускоренным маршем следовать на Куру и Самур и подготовиться к наступлению в сторону Дербента, для чего «крепость делать - первую против Усмиева владения возле моря на реке Бугаме, она же и Усмейка, другую крепость против Бойнака на реке Манасс, третью крепость на реке Сулаке, где бывало прежде сего крепость Святого Креста... десять тысяч человек послать и поставить в вершине реки Терека для непропуску горских (людей. - Н. С.) в Россию». ⁵⁴⁰

Находившийся в Стамбуле русский агент Николай Буйдий, сообщая о том, что шах сам руководит всеми военными операциями, 9 апреля докладывал: «Шах Надир путь свой продолжает в Демир Капи (Дербент. - Н. С.) для утеснения лезгинцев, дабы в его дискрецию (подданство. - Н. С.) отдавались», ⁵⁴¹ в противном случае «повелел объявить грузинцам, чтоб они на своей земле им жить не давали, как уже и послу своему при российском дворе приказал просить, дабы ежели реченые лесги отдадутся в нашу протекцию - их не принимать». ⁵⁴²

539 Там же, л. 141 об.

540 Там же, ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1741, д.4, л. 147, 153.

541 Там же, д. 12, л. 600.

542 Там же.

В то же время, стараясь внести разлад между дагестанскими народами и ослабить их силы накануне своего наступления, он активно добивался подданства наиболее влиятельных дагестанских владетелей. Как доносил 16 апреля 1741 г. консул Аврамов из Решта, посланник шаха Али Кули-хан прибыл «к горским владельцам Усмею (Ахмед-хану. - Н. С.), Сурхаю и Шемхалу (Хасбулату. - Н. С.)... с тем объявлением, дабы они без всякого страху и боязни в подданство его пришли». ⁵⁴³ Сообщение Аврамова подтвердилось и другими каналами связи. Отправленный из Астрахани в Решт «для разведования о шахе персицком» Якуб Токаев подтвердил, что Али Кули-хан прибыл от шаха с таким повелением, чтоб «они все горские владельцы объявили кто желает быть в подданстве у шаха персицкого то те б были в команде у шемхала и в том бы подписались и войско дали б, а буде которые объявят они шаху служить не хотят, то б оному шамхалу с прочими желающими у шаха в службе быть, собрав войска, тех противных владельцев всех искоренить». ⁵⁴⁴

Пытаясь привлечь дагестанских владетелей на сторону шаха подкупом, угрозами и лестью, наместники шаха сами старались принудить их выполнить свою волю. Так, прибывший в Тарки Наджаф Султан потребовал от уцмья Ахмед-хана на кормление своего войска «муки и ячменя 2500 тагаров (12500 мешков. - Н. С.) да с трех дворов по одному барану и несколько скотины». ⁵⁴⁵ Но уцмий не выполнил этот приказ, за что его подданные подверглись грабежу и насилию.

Однако репрессии иранских властей не запугали дагестанских владетелей, а, наоборот, усилили стремление к единству между ними и тягу к совместной борьбе. Узнав о притеснениях уцмья, Сурхай отправил к нему нарочного, «чтобы он персиянам не вскорости отдавался». ⁵⁴⁶ Сам же

543 Там же, ф.77: Сношения России с Персией, оп.77/1, 1741, д. 4, л. 145 об.

544 Там же, л. 162 об.

545 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1741, д.12, л. 163.

546 АВПРИ, ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1741, д.4, л. 163 об.

Сурхай отослал обратно шахского посланника Хасан-бска с ответом: «Я де к шаху персицкому не буду, а буду до времени здесь, а когда де здесь жить места не будет то пойду к туркам».⁵⁴⁷

Таким образом, несмотря на неоднократные обращения и угрозы Надир-шаха, дагестанские владетели не изъявили готовности выступить на его стороне. Как сообщили прибывшие из Тарки в Кизляр кабардинские уздени, там «слышно было, что Сурхай, Усмей и тавлинцы к нему Али Гули-хану в Тарки не поедут, а шамхал Казбулат к шаху ехать был намерен, а ныне объявил, ежели оные владельцы и тавлинцы не поедут, то и мне ехать не для чего».⁵⁴⁸ Стало очевидным, что политика подкупа и угроз, шантажа и «ласкания» в отношении народов Дагестана не увенчалась успехом, потерпела провал.

§ 2. Начало Дагестанской кампании шаха Надира. Оккупация Предгорного и части Нагорного Дагестана

В начале 40-х годов XVIII в. в истории народов Дагестана открылась новая героическая страница. Военно-политические усилия, предпринятые Надир-шахом для достижения гегемонии на Кавказе после возвращения из Индии, и их фактическая неудача толкнули его на подготовку и проведение третьего похода, известного в литературе под названием Дагестанского.⁵⁴⁹ Этот поход, сочетавший тщательно продуманные военные, дипломатические и иные меры, проходил в благоприятной для Ирана внутренней и международной обстановке. Воспользовавшись тем, что народы Дагестана оказались без поддержки извне, предоставленными собственной судьбе, не сумев добиться их покорности указанными выше средствами, в марте 1741 года Надир-шах двинул на Дагестан 100-тысячную армию,

⁵⁴⁷ Там же, л. 189.

⁵⁴⁸ Там же, л. 186 об.

⁵⁴⁹ Тамай А.И. К вопросу о провале Дагестанской кампании шаха Надира. С. 108.

чтобы „искоренить горцев или изгнать их из гор».⁵⁵⁰ По словам иранского военного историка, шах стремился „не только отмстить лезгинам за гибель брата Ибрагим-хана, как объявил он публично, но главным образом завоевать Дагестан, чтобы показать России свою ударную силу».⁵⁵¹

Решение этой задачи облегчалось тем, что после разгрома джарских джамаатов, где погибло немало дагестанских воинов, и многочисленных стычек с иранскими войсками в 1739-1740 гг. горцы не сумели подготовиться к организованному сопротивлению и вынуждены были отходить в неприступные места под натиском превосходящих сил врага. Пользуясь этим, авангардные иранские части развернули наступление через Барду, Кабалу, Шахдаг и, ломая сопротивление азербайджанцев, табасаранцев и лезгин, беспощадно расправляясь с ними, к концу мая достигли Дербента.

Но зверства завоевателей не сломили воли горцев к сопротивлению - они привели к обратным результатам, сплотив их в борьбе за родную землю. Перед угрозой физического уничтожения дагестанцы проявили беспримерный героизм, небывалое единство и твердость духа. В связи с приближением иранских войск к Дербенту казикумухский хан Сурхай и уцмий Ахмед-хан обязались взаимной клятвой сражаться с врагом вместе до конца. На созванном уцмием совете влиятельнейших старшин и узденей еще раз под присягой было подтверждено, «чтоб быть им в одном месте заедино и усмею к шаху не ехать».⁵⁵²

Решимость к сопротивлению Сурхая и уцмий Ахмед-хана снискала к ним симпатии горских масс. Не желая подпасть под иранское владычество, они создавали свои отряды, становились под знамя наиболее последовательных борцов против Ирана. «А тавлинцы, аварлинцы и цудахарцы все Сурхая

⁵⁵⁰ [Лерх И. Я.] Выписка из путешествия Иоганна Лерха. Ч. 43. С. 20-21.

⁵⁵¹ Сардавар А. Т. Указ. соч. С. 736.

⁵⁵² АВПРИ, ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1741, д.4, л.189 об.

присягу дали чтоб быть им на одном месте заедино, - доносил в Кизляр Чубар Абакаров, -и он Сурхай ныне тавлинцов к себе збирает ... и владелец Усмей дал Сурхаю, а Сурхай Усмею присяги чтоб им к шаху не ехать и быть заедино».⁵⁵³

Однако они осознали, что собственными силами не смогут оградиться от нависшей опасности. В обстановке разорения своего края владетели и старшины Дагестана активно искали поддержки извне: одни со стороны России, другие - Османской империи. Как свидетельствуют местные архивные источники, многие из них, ведя неравную борьбу с иранскими захватчиками, разочаровавшись в бесплодных обещаниях Порты, обращались к России, «прося покровительства и помощи против Надира».⁵⁵⁴ По словам прибывших в это время в Кизляр очевидцев, горцы усиленно добивались, чтобы Россия приняла их «под свое могучее покровительство».⁵⁵⁵ По утверждению академика Буткова, составленному на основе анализа многочисленных документов, «многие тавлинцы (горцы. - Н. С.) сами отдавались в подданство России».⁵⁵⁶ Вхождение Дагестана в состав России от Петровского похода до Гянджинского трактата (1722-1735 гг.), защита засулакской Кумыкии от нашествий иранских завоевателей как части территории Российского государства усиливали в этом крае пророссийскую ориентацию. «Они все чаще и чаще, - уточняет позиции местных владетелей В.Г. Гаджиев, - стали обращать свои взоры на Север».⁵⁵⁷ Иранский историк А.Т. Сардадвар так же признает, что отход уцмий Ахмед-хана от ориентации на Иран и его выступление против шаха накануне и во время Дагестанской кампании произошли под непосредственным влиянием кавказской политики петербургского двора.⁵⁵⁸

553 Там же, л.189 об.

554 ЦГАРД, ф. 379: Канцелярия коменданта г. Кизляр, оп. 1, д. 65, л. 10-11.

555 Там же, л. 25.

556 Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, ч. 1. С. 223.

557 Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. С. 131.

558 Сардадвар А.Т. Указ. соч. С. 728.

Правящие круги Ирана, обеспокоенные обращением горцев к России, пытались воспрепятствовать сближению Дагестана с Россией путем давления на местных владетелей методами подкупа и устрашения. С этой целью в мае 1741 г. шах обратился к владетелям Северной Кумыкии через шамхала Хасбулата с предложением поступить к нему на службу, обещая высокие чины и богатые вознаграждения. «Но токмо оные князья, - доносил в Кизляр аксаевский владетель Али-бек, - у него шаха в подданстве быть не хотят, объявляя, что они подданные российские и желают быть в подданстве российском неотменно».⁵⁵⁹

С той же целью, стараясь не допустить объединения сил местных владетелей, еще до прибытия самого шаха иранские военачальники начали отдельные операции из-под Дербента. Подтверждение тому - выступление в начале июня 10-тысячного отряда Наджаф Султана из Дербента «для разорения Сурхая и пресечения чтоб он не сообщился с Усмеем».⁵⁶⁰ Другой отряд под командованием Лютф Али-хана направился на Бугам против уцмий Ахмед-хана, куда должен был явиться и шамхал Хасбулат со своими войсками для поддержки шахского военачальника. Но Хасбулат не смог выполнить эту задачу, «так как Хасбулатово войско, которым он давал шахово жалованье, - докладывали в Кизляр очевидцы, - побежало от него к Усмею».⁵⁶¹ Сам же уцмий разослал в горы многочисленные письма с просьбой о помощи. «И по тому призыву, - уточнял Чубар Абакаров, - из гор всякие люди к нему на помощь идут».⁵⁶²

В середине июня наступление Наджаф Султана и Лютф Али-хана было приостановлено под Дженгутаем. Однако мехтулинский владетель Ахмед-хан, опасаясь повторного нашествия вражеских сил, обратился за помощью в Кизляр. Ссылаясь на то, что Хасбулат сообщился с неприятелем, что поставило в

559 АВПРИ, ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1741, д.4, л. 164.

560 Там же, л. 210 об.

561 Там же.

562 Там же, л. 211.

трудное положение его самого и уцмий Ахмед-хана, мехтулинский владетель спрашивал: «Будет ли нам от нашего великого государя (императора Ивана Антоновича. - Н. С.) помочь и збираютца ли войска и в которое место оное российское войско прибыло, о том к нам прошу дать знать, а все дагестанцы от самых от андийцов до авар положили и с прочими горскими народы намерение заодно и баталию с персиянами дать изготавились, однако ожидают российского войска».⁵⁶³

Но Россия не могла оказать эту помощь, связанная Гянджинским 1735 г. союзным договором с Ираном и Белградским 1739 г. мирным соглашением с Турцией. Кизлярские же власти не проявляли инициативы, имея указ своего правительства не обострять отношений с Надир-шахом Афшаром. Оценив сложившуюся ситуацию, в конце июня 1741 г. Сурхай сделал новую попытку заручиться поддержкой Порты, но не добился успеха. Оказавшись без поддержки в этот трудный момент, горцы стали готовиться к тяжелой и продолжительной борьбе с Ираном. Спешные оборонительные меры предпринимали Сурхай, уцмий Ахмед-хан, его племянник с резиденцией в Нижнем Дженгутае Ахмед-хан, акушинские, кубачинские и цудахарские старшины. Находившийся в Дербенте Батай Чимамагов доносил об этом в Кизляр: «Сурхай сообщился с тавлинцами построил в горах по ущельям... десять городков каменных, во оных расставил свое войско да семь городков же построили кубачинцы на таковых же переходах и поставили в них пушки и ныне оной Сурхай и кубачинцы к войне во всякой готовности».⁵⁶⁴

Но отсутствие единства среди дагестанских владетелей, покорность шамхала Хасбулата и его сородичей Эльдара и Мехди ослабляли силы народа, способствовали успеху завоевателей, к которым подходили новые подкрепления. Как доносил Калушкин в Петербург в конце июня 1741 г., шах сам

⁵⁶³ Там же, л. 212.

⁵⁶⁴ АВПРИ, ф.77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1741, д.4, л. 262 с об.

направился в Дербент, имея с собой 66-тысячное войско, «кроме обретающихся в лезгинской экспедиции».⁵⁶⁵ Из этого войска 20 тысяч воинов он направил против восставших курдов, повелев «оним по разорении тех курдов... в Дагестани быть».⁵⁶⁶ Во главе оставшегося 46-тысячного войска к исходу месяца он прибыл в Шемаху, куда, по сведениям Мухаммад-Казима, подчерпнутым из вторых рук, с изъявлением покорности к нему явились «лезгинский шамхал (Хасбулат. - Н. С.), уцмий (Ахмед-хан. - Н. С.), Муртаза-Али - сын Сурхая».⁵⁶⁷

На наш взгляд, касаясь этих и предвзято ход дальнейших событий, отдельные исследователи приходят к поспешному выводу о том, что виднейшие дагестанские владетели отказались от борьбы. Так, Ф.М. Алиев, ссылаясь на Дж. Ханвея и А.А. Бакиханова, пишет, что, испугавшись жестокого обращения и польстившись на щедрые обещания шаха, «они изъявили свою покорность... Одним из первых в лагерь Надир-шаха явился уже неоднократно упоминавшийся, непоследовательный и неустойчивый в своих политических взглядах и не раз изменивший народу Сурхай хан Казикумухский. Вместе с ним прибыли шамхал Тарковский и уцмий⁵⁶⁸ Табасаранский. Хотя Надир-шах сперва принял их холодно, но вскоре одарил богатыми халатами и лошадьми с золотыми уборами».⁵⁶⁹

Однако используемые в настоящей работе источники, а также исследования ряда других авторов опровергают столь поспешные выводы. Наоборот, они подтверждают, что почти все дагестанские владетели и старшины, за исключением Хасбулата и его ближайших родственников Эльдара и Мехди, не только не перешли на сторону шаха, но продолжали борьбу

⁵⁶⁵ Там же, л. 237

⁵⁶⁶ Там же, л. 237 с об.

⁵⁶⁷ Мухаммад-Казим. Наме-йи Аламара -йи Надири. Т.2. С. 297.

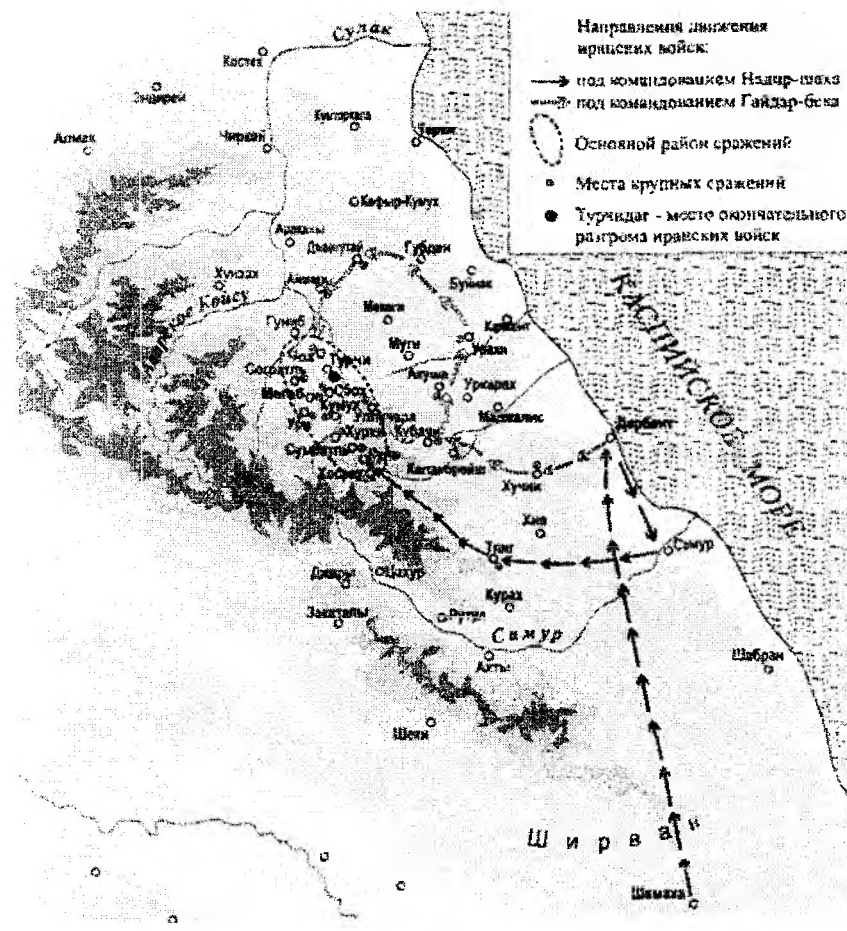
⁵⁶⁸ Уцмий - титул владетеля Кайтага. Табасаранские владетели имели свою титулагуру: Нижнего - майсум и Верхнего - кадий.

⁵⁶⁹ Алиев Ф.М. Антииранские выступления. С. 155.

до последней возможности. Подтверждение тому - письма шаха от 23 и 26 июня 1741 г. в адрес уцмия Ахмед-хана, в которых он, воздействуя на отцовские чувства уцмия извещением о том, что к нему отпущена дочь Патимат-ханум, дважды потребовал от него выступить со своими силами вместе с шамхалом Хасбулатом и топчи-баши Джалил-беком против непокорных горцев и двигаться к нему навстречу «через Дербентскую дорогу».⁵⁷⁰ Желая получить объективную информацию о реакции Петербурга на предпринятый им поход, он предложил находившемуся там своему послу Хулефе Мирзе Касиму, чтобы «нимало не мешкая приезжал бы в Дагестан понеже он Хулефа ему шаху всемерно надобен».⁵⁷¹

Что касается подлинной позиции Сурхая и вышеупомянутых дагестанских владетелей, явившихся якобы на поклон к шаху в Шемахе, то достоверные сведения об этом содержатся в том же указанном сочинении Мухаммад-Казима. Повествуя о дальнейших событиях со слов очевидцев, автор признает, что к нему в Шемахе явились не главные, а второстепенные лица, из уст которых он «не захотел выслушать их пустые слова и сразу отправил обратно», внушив им мысль, что «Сурхай, большой уцмий (Ахмед-хан. - Н. С.), который есть их падишах и повелитель, должен удостоиться целования порога (Надира) в округе Демуркаби (Железные ворота - Дербент)».⁵⁷² Отмечая, что отпущенные шахом владетели вернулись в родные места, он подчеркивает: «Они (предводители. - Н. С.) прибыли к Сурхаю и доложили шамхалу о встрече» (с шахом. - Н. С.).

При этом, по словам Мухаммад-Казима, «некоторые зловредные и испорченные люди» говорили: «Поступки уника эпохи (Надира) хитры и коварны. Намерения его таковы: когда высокопоставленный падишах шамхал и Сурхай явятся

Дагестанский поход Надир-шаха (1741 г.).
Основные маршруты и места сражений

к нему, (он) их пленит, подчинит всю страну Дагестан и произведет всеобщее избиение». По этой причине Сурхай и прочие предводители решили бороться и биться, избрав мятеж своим помыслом».⁵⁷³

⁵⁷³ Там же.

⁵⁷⁰ ПИДКГ. Вып. 4. С. 57-60.

⁵⁷¹ АВПРИ, ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1741, д. 4, л. 214.

⁵⁷² Цит. по: Козлова А.Н. «Намс-йи Аламара-йи Надири» Мухаммад-Казима. С. 74.

Убедившись в Шемахе в готовности горцев сражаться до конца в третий раз, он разделил наличные при себе силы на две части для решения отдельных задач. Первая - 10-тысячному корпусу под командованием сердара Гайдар-бека он велел пробиться через прибрежные районы в тыл дагестанцев с дальнейшей задачей проникнуть на территорию Мехтулинского ханства и ожидать дальнейших указаний шаха в Аймакинском ущелье.⁵⁷⁴ Вторая - 36 тысяч человек под командованием шаха двинулись по проторенному авангардными иранскими частями пути (Барда - Кабала - Шахдаг) на Дербент, куда они добрались и стали лагерем в двадцатых числах июля. Ставка шаха занялась подготовкой стратегического наступления в различных направлениях, чтобы завершить покорение Дагестана до наступления зимних холодов.

Продвижение иранских войск во главе с шахом от Шемахи до Дербента сопровождалось еще большими жестокостями, чем творили его воины, прошедшие недавно тем же маршрутом под командованием своих сердаров. Царившая среди предводителей горцев феодальная анархия вынуждала их отступать в глухие места под напором превосходящих регулярных войск противника. Следовавший по этому пути в свите шаха Калушкин писал, что вокруг видны «пустые деревни, ибо все жители из оных выбрались»; «по указу шахову ни одного человека... живого не оставляют, всех рубят наповал».⁵⁷⁵

Террор и грабеж населения с прибытием шаха приняли массовый характер. Как сообщил вернувшийся из Тарки в конце июля Алисолтан Кишиев, военачальник шаха Лютф Али Сердер-хан, постоянно державший при себе шамхала Хасбулата, Эльдара и Мехди, потребовал от них сбора с каждого подвластного двора на кормление своего войска «по одному чювалу... пшеницы, да по три барана, а у кого баранов нет, то с пяти

574 Сами, Шакир, Субхи и Иззи, Тарих. С. 219.

575 Цит. по: Алиев Ф.М. Антииранские выступления. С. 155.

дворов быка да с каждого двора по курице, по восьми фунтов масла, да по пяти фунтов железа».⁵⁷⁶ Кроме того, им же предписывалось выделить «со всякого двора по человеку» с железным заступом и деревянной лопатой для возведения глубоких рвов вокруг стоянок шахских войск. Возмущенные грабежами и насилиями иранцев и беспрекословным выполнением их воли упомянутыми владельцами (Хасбулат, Эльдар и Мехди), подданные этих князей выходили из повиновения, угрожали открытым восстанием.⁵⁷⁷

Таким образом, политика массового террора и насилия не принесла успехов ее инициаторам и исполнителям. Наоборот, она вызвала глубокое недовольство народных масс, которые продолжали стекаться под знамена наиболее авторитетных и мужественных владетелей. Как указывалось далее в том же доносении Алисолтана Кишиева, «дженгутаевский князь Ахметхан сообщился с тавлинцами и стоят в горах в ущелье, ожидают его хана (Лютф Али Сердер-хана. - Н. С.) к себе, ежели к ним пойдет, то хотят с ним драться... Сурхай собирает к себе войска и идут к нему на помощь из гор тавлинцы и прочие народы, построил Сурхай в горах в двух ущельях каменный город и ожидает к себе персического войска».⁵⁷⁸

Стало очевидным, что столь широкомасштабная и дорогостоящая операция, какой являлась Дагестанская кампания шаха Надира, могла оказаться под угрозой. Шахская ставка вынуждена была ускорить воплощение в действие замыслов своего повелителя. К концу июля стратегический план сокрушения непокорных горцев и завоевания Дагестана был готов в общих чертах. Надир-шах и его окружение не сомневались в успехе своих гегемонистских замыслов и приступили к их реализации.

Не добившись покорности горцев и на этот раз, шах стянул в кулак основные силы, артиллерию и провиант из Барды

576 АВПРИ, ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1741, д.4, л.257.

577 Там же.

578 Там же, л. 257 об.

и в начале августа 1741 г. во главе крупных сил развернул наступление на Нагорный Дагестан, чтобы «горских владельцев к последнему их усмирению действия свои со всяким ускорением продолжить».⁵⁷⁹ По велению Надир-шаха его многочисленная армия была разделена на две основные группировки: первая (по уточненным планам) под командованием Гайдарбека имела целью наступать от Дербента на Табасаран, Кайтаг, территорию даргинских обществ, а затем при поддержке Хасбулата через Аймакинское ущелье вторгнуться в Аварию; вторая - во главе с самим шахом - должна была двинуться на Самур и Кюре, далее через Агул прорваться в Лакию, а оттуда в аварские земли на Хунзах. На территории Аварского ханства обеим группировкам следовало объединиться и завершить покорение Дагестана.⁵⁸⁰

Выполняя этот замысел, иранские войска рассеяли отряды мехтулинского владетеля Ахмед-хана, вынудив его отступить в Аймакинское ущелье, а затем двинулись на осаду Акуши. После падения Дженгутая и осады Акуши Хасбулат склонил к покорности акушинского кадия Гаджи-Дауда, а сам принял участие в разгроме акушинского ополчения, за что удостоился особой похвалы своего покровителя.⁵⁸¹ «Объединенные волей выдающегося полководца, опьяненные победами, - пишет Тамай о первых успешных действиях завоевателей, - шахские войска двигались вперед, преодолевая сопротивление дагестанцев и опустошая все на своем пути».⁵⁸²

Однако завоевателей сопровождали не только одни победные фанфары, но и горькие минуты тяжелых потерь и разочарований. По словам иранского историка Сардадвара, Надир-шах сознал, что его встретил гордый и смелый противник,

579 Там же, л. 260.

580 Магомедов Р.М. История Дагестана. Ч.1. С. 73.

581 Доррэ-е Надери (Пакшоде-е ан). С. 47.

582 Тамай А.И. К вопросу о провале Дагестанской кампания шаха Надир-шаха. С. 114

который не ждал от него пощады и потому готовился биться до конца. По мере продвижения иранских войск упорное сопротивление врагу росло на каждом шагу, отчего воины шаха несли большие потери. «Героизм и смелость лезгин (дагестанцев. - Н. С.), - восхищается этот автор, - действительно достойны удивления... подвигов лезгин было так много, что это можно сравнить с подвигами японцев (японских смертников-камикадзе. - Н. С.) в начале второй мировой войны».⁵⁸³

На этом фоне выглядело унижительно сотрудничество с завоевателями отдельных дагестанских владетелей, в частности шамхала Хасбулата. Угодничанье шамхала вызвало возмущение многих горцев, в том числе его подданных кумыков. Выражая это недовольство, казанищенский кадий заявил Хасбулату, что «буду писать горским тавлинам и сообщусь с ними, и буду с тобой в Казанищах дратца».⁵⁸⁴

Но драться кумыкам между собой в Казанище не пришлось. Обложив их тяжелой данью, шах осадил кубачинцев, которых склонял к сдаче следующими словами: «Что де вы люди мастеровые вам де надлежит жить в Персии и лучше де вам сдатца без драки».⁵⁸⁵ Но кубачинцы не сдались, категорически отвергли требование шаха и ответили ему: «Крепости нашей Кубачей не замай, ежели ея тебе надобна, то мы умрем, а ея тебе не дадим».⁵⁸⁶ Жители Кубачи сражались с особым упорством, но после кровопролитного боя часть из них оставила крепость и ушла в горы, хотя остальные защитники продолжали борьбу.⁵⁸⁷

Разорив Дженгутай, Акупу и окрестности Кубачи, шах решил направить основные силы против Сурхая, но встретился с еще большим сопротивлением в Табасаране и Рутуле, чем это имело место до сих пор. Об этом Мухаммад-Казим пишет

583 Сардадвар А.Т. Указ. соч. С. 739.

584 АВПРИ, ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1741, д. 4, л. 257.

585 Там же, л. 267 об.

586 Там же, л. 304 об.

587 Там же, л. 267, 304.

следующее: когда Надир-шах узнал о том, что Сурхай-хан готовится к сражению, то «из местности Самур-чай... направил поводы движения в Чираг»⁵⁸⁸ (аул на реке Чирагчай Агульского района. - Н. С.). По его же словам, к этому месту с изъявлением покорности и готовности служить шаху прибыли «Масум-хан, Киан-хан, Курели и Сефи-Кули-хан, Хаджи Новруз, Огурлу Нугай, Аслан-бек, Мехди-бек, Махмуд-бек Табасаранский».⁵⁸⁹

Сопоставление этих имен с известными нам по русским источникам XVIII в. дагестанскими владетелями показывает, что к шаху явились второстепенные лица, не пользовавшиеся известностью и влиянием среди народа, особенно табасаранцев. Несколько ниже к таковым он добавляет и табасаранского владетеля Каранафа, а затем заключает: «Часть лезгин, известная под названием табасаранцев, была зловернейшей из упомянутого племени».⁵⁹⁰

Для такого заключения у Мухаммад-Казима были веские основания. Как пишет А. Н. Козлова, население Табасарана, «не желало попадать под власть иноземных завоевателей и вопреки воле феодальной верхушки решило сопротивляться».⁵⁹¹ С особым упорством оно боролось против того, что шах вознамерился переселить в Хорасан 2000 заложников. «Лучше будет, - решили табасаранцы, - если мы доберемся до неприступных укреплений, прибежем к защите тех мест и будем там сражаться».⁵⁹²

В это же время, сообщает Мухаммад-Казим, прибыли гонцы из Кумыкии (в тексте «от шамхала». - Н. С.), которые довели до жителей Табасарана следующее обращение: «Нам стало известно, что вы также вошли в подчинение и повиновение

588 Козлова А.Н. «Наме-йи Аламара-йи Надири» Мухаммад-Казима. С. 75.

589 Там же.

590 Мухаммад-Казим. Наме-йи Аламара-йи Надири. Т.2. С. 298а.

591 Козлова А.Н. «Наме-йи Аламара-йи Надири» Мухаммад-Казима. С. 76.

592 Цит. по: Козлова А.Н. «Наме-йи Аламара-йи Надири» Мухаммад-Казима. С. 77.

уника эпохи (Надира). Если сказанное правда, то так взыщем с вас за это, что станет назиданием (всем) жителям Мира».⁵⁹³ По-видимому, это обращение имело положительное воздействие: табасаранцы ответили, что и сами собирались оказать сопротивление Надир-шаху.

Повествуя об этом далее, Мухаммад-Казим пишет, что в тот же день они (табасаранцы. - Н. С.) написали во все концы своих округов: в любом месте, где будут сборщики Сахиб-кирана⁵⁹⁴ (Надир-шаха. - Н. С.) из племени кизилбашей, задержать (их) и убивать».⁵⁹⁵ За несколько дней многие сборщики продовольствия, особенно те, кто отбирал заложников, были убиты. Очень немногие, спасшиеся по воле случая, смогли добраться до лагеря шаха и сообщить ему о случившемся. «От этих речей, - передает настроение Надира Мухаммад-Казим, - подобно пламени страшного суда, разгорелось пламя гнева шахиншаха».⁵⁹⁶ Разъяренный шах приказал убить находившихся при нем табасаранских владетелей, а затем заявил: «Так как бунт и мятеж начали люди Табасарана и Рутула, лучше будет в первую очередь пойти на них, стереть их с лица земли и перебить жителей того края».⁵⁹⁷ С этой целью шах повелел двухтысячному отряду хорасанских стрелков совершить наступление на Табасаран и занять главное ущелье, которое связывало жителей с внешним миром и могло бы служить единственным каналом спасения на случай блокады с других сторон.

Однако табасаранцы опередили противника, сами заняли это ущелье и нанесли ему значительный урон. Отправленный на помощь попавшим в беду иранцам 10-тысячный отряд

593 Там же.

594 Сахиб-Киран: рожденный под знаменем Венеры и Юпитера, обладатель счастливого сочетания звезд. - См.: Козлова А. Н. «Наме-йи Аламара-йи Надири» Мухаммад-Казима. С. 77.

595 Цит. по: Козлова А. Н. «Наме-йи Аламара-йи Надири» Мухаммад-Казима. С. 77.

596 Мухаммад-Казим. Наме-йи Аламара-йи Надири. Т.2. С. 298 б.

597 Там же. С. 299а.

правителя Грузии Хан Джана не спас положение. На следующий день потребовалось вмешательство самого шаха, который перебрал туда же новые силы, надеясь внести перелом в ход битвы, продолжавшейся двое суток. На третий день битва возобновилась и, по словам Мухаммад-Казима, протекала следующим образом: «Со всех сторон Дагестана пришло много лезгин (дагестанцев. - Н. С.) на помощь табасаранцам. Собралось огромное количество людей, так что гора, склоны ее и вся земля были полны пешими лезгинскими (дагестанскими. - Н. С.) стрелками. Со своей стороны кизилбашские гази (воины. - Н. С.), уповая на Али и Аллаха, вступили на поле битвы. С обеих сторон разгорелся базар битвы, и сколько кизилбашские молодцы не старались, ничто не помогло (им). Час от часу росло могущество лезгинского (дагестанского. - Н. С.) племени. Целый день те два войска не щадили друг друга. Множество людей с обеих сторон было убито. Когда усталость овладела обеими сторонами поневоле, оба жаждущих мести войска направились к своим стоянкам. Но кизилбашские молодцы, среди которых было много раненых, ослабли духом. Они (кизилбашки) удивлялись мужеству и жажде к победе победоносного племени (лезгин)». ⁵⁹⁸

По данным Мухаммад-Казима, битва продолжалась четверо суток и закончилась поражением шахских войск. Вырвавшиеся из окружения раненые разведчики доложили шаху итоги сражения следующим образом: «Из места Барсарли и Дюбек прибыли лезгины и сражались с нами. Численно лезгин было больше, и мы не выдержали их натиска и отвернулись с поля битвы». ⁵⁹⁹ Вернувшийся из разведки специальный отряд после изучения обстановки на поле боя подтвердил, что «Сурхай, Рустам-хан Барсарли, Хасан-бек, Мамай-бек, Бек-Али, Амир-Хамза табасаранец, Муртаза-Кули Султан примерно с шестью-

⁵⁹⁸ Цит. по: Козлова А.Н. «Наме-йи Аламара-йи Надири» Мухаммад-Казима. С. 78.

⁵⁹⁹ Там же. С. 79.

десятью тысячами человек расположились на стоянке Дюбек и хотят сражаться с владыкой-мирозавоевателем». ⁶⁰⁰

Получив это известие, шах поспешил к аулу Дюбек, надеясь разгромить горцев в открытом бою. Но те успели занять вершины и склоны горы у входа в главное ущелье и преградили путь противнику. В последовавшей затем «битве с Сурхаем, - пишет Мухаммад-Казим, - Надир был ранен в руку, но не покинул поле битвы», ⁶⁰¹ хотя его воины были окружены горцами. Для прорыва из окружения шах свел свои силы в три отряда с конкретной задачей для каждого: 12 тысяч хорасанских стрелков под командованием Заман-бека и Исмаил-бека и 10 тысяч узбеков во главе с Рагим-ханом должны были сражаться с табасаранцами, а третий отряд в 11 тысяч человек идти в Дюбек для подавления этого очага сопротивления.

Однако горцы снова расстроили планы Надир-шаха. Не вступая в прямую схватку с превосходящими силами врага, они ушли в высокогорные вершины, куда к ним на помощь прибыло 10 тысяч аварцев. Как правильно отмечает А.Н. Козлова, «различные народы Дагестана перед лицом внешних врагов сплотились и рука об руку вели борьбу против иноземных завоевателей. Как видим, аварцы пришли на помощь табасаранцам, а Сурхай Казикумухский с первых дней вместе с табасаранцами боролся против Надира. Смешанные отряды дагестанцев преградили путь кизилбашам». ⁶⁰²

Как признает Мухаммад-Казим, объединенные силы горцев нанесли противнику серьезное поражение. Основная масса дагестанцев, укрывшись в лесу, заманила противника в ловушку, а потом вынудила спуститься в ущелье, где «в течение двух часов примерно восемь-десять тысяч человек (кизилбашей) покинули этот беспокойный мир». ⁶⁰³ Потерпевшие поражение

⁶⁰⁰ Там же.

⁶⁰¹ Там же.

⁶⁰² Там же. С. 80.

⁶⁰³ Мухаммад-Казим. Наме-йи Аламара-йи Надири. Т.2. С. 304а.

иранские военачальники Заман-бек и Рагим-хан бежали с поля боя. Разгневанный шах «приказал связать руки и сбросить с вершины горы Заман-бека минбаши (тысячника. - Н. С.) и еще четырех пятисотников и предводителей». ⁶⁰⁴ Отряд, отправленный в Дюбек, трое суток сражался с Сурхаем, но не добился цели и отступил обратно. Сурхай со своими отрядами вернулся в родную Лакию для защиты ее от нашествий Надир-шаха Афшара.

Определенное участие в описываемых событиях приняла группировка Гайдар-бека, которой вначале удалось преодолеть сопротивление дагестанцев в районе Табасарана. «Но на территории Кайтагского ханства он был остановлен, - пишет А.И. Тамай. - Сопротивление кайтагцев удалось преодолеть ценой серьезных потерь, лишь с помощью посланного шахом 26-тысячного отряда Лютф Али-хана. Затем эти отряды направились через владения Хасбулата Тарковского в пределы Мехтулинского ханства и после небольшой стычки остановились в Аймакинском ущелье». ⁶⁰⁵

Что касается действий основной части экспедиционной армии после разорения Дженгутая, Акуши, окрестностей Кубачи, отдельных табасаранских и рутульских магалов, то она во главе с шахом пустилась в погоню за Сурхай-ханом. Дагестанские воины, заняв горные проходы, дважды пытались остановить движение шахских войск сначала на территории лезгинских обществ на реке Самур, а затем недалеко от Кумуха, у аула Шовкра, но оба раза неудачно. Преодолев сопротивление горцев, в первых числах августа шахские войска подошли к Казикумуху. Несмотря на малочисленность войск, Сурхай решил сопротивляться, разослав воззвания жителям близлежащих «вольных» обществ. Так, в обращении к Чохскому джамаату он писал: «Эй, люди, имеющие в своих сердцах веру хоть в объеме одного золотника, выходите воевать с каджарами (иранцами. - Н. С.).

⁶⁰⁴ Там же.

⁶⁰⁵ Тамай А.И. К вопросу о провале Дагестанской кампании шаха Надир-шаха. С. 115.

Сегодняшний день - это тот день, когда каждый мусульманин свято обязан идти на войну с проклятыми людьми». ⁶⁰⁶

Разослав гонцов в соседние аулы, Сурхай оставил в Кумухе в резерве конницу под командованием сына Муртузали, а сам вышел навстречу врагу на подступах к своей резиденции. Отвергнув требование шаха о капитуляции, он первым напал на иранцев, но был разбит и отступил под натиском громадной лавины вражеских войск. Зная, что конница Муртузали не спасет положения, Сурхай приказал сыну отступить в Аварию, сам же задержался, чтобы прикрыть ее отход, рассчитывая организовано уйти из-под удара. Однако, понеся потери в сражении с противником и потеряв надежду на успех, 12 августа Сурхай вместе с кумухскими старшинами явился в шахский лагерь с изъявлением покорности. Находившийся в персидском лагере Калушкин в тот же день отправил об этом следующую депешу: «Сурхай видя свое изнеможение против шаха стоять, запотребно признал знатными старшинами шаху покорность принести». ⁶⁰⁷

Заняв 14 августа Казикумух, но не осмелившись с ходу ворваться в Аварию, шах направил часть войска на помощь осажденному в Тарки восставшими кумыками Хасбулату, а сам направился для взятия Кубачи, где уцмий Ахмед-хан в течение трех недель сдерживал натиск 24-тысячного корпуса под командованием Лютф Али-хана. После капитуляции Сурхая положение уцмий стало критическим. Стараясь избежать поголовного уничтожения защитников крепости, Ахмед-хан также признал себя побежденным, но с условием сохранения Кубачи под властью выборных старшин. Сопровождавший Калушкина пристав Иван Неветаев 20 августа сообщил в Кизляр, что «шахские войска владельца Усмея со всех сторон обошли, который де потому, как и Сурхай, в подданство к шаху итти имеет». ⁶⁰⁸ На следующий день прибывшие с гор после разведки

⁶⁰⁶ Цит. по: Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана. С. 327.

⁶⁰⁷ АВПРИ, ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1741, д. 4, л. 278 об.

⁶⁰⁸ Там же, л. 285.

кизлярские казаки также подтвердили, что «также и Усмей поехал к шаху величеству с повинною».⁶⁰⁹

Добившись капитуляции двух виднейших предводителей антииранской борьбы, шах стал высокомерным и недоступным, возомнив себя властелином Дагестана. «Видя Сурхая и Усмея власти своей покоренье, - отмечал Калушкин, - Надир час от часу в такую заносчивую гордость приходит, что и описать трудно, и он хочет со всей Дагистани потребовать в службу 20 тысяч, а остальных перевести на службу в Персию».⁶¹⁰

Однако оккупация иранскими войсками Предгорного и части Нагорного Дагестана, куда входили отдельными лакунами территории лезгинских союзов «вольных» обществ, Табасарана, Рутула, Кайтага, Кумыкии и Казикумухского ханства, не означала успеха Дагестанской кампании шаха Надира. Как отмечает английский историк Л. Локкарт, «пока Авария оставалась непокоренной, ключ к Дагестану был в недостижимости Надир-шаха».⁶¹¹ Он понимал, что без завоевания Аварии, куда отступили значительные силы боеспособных дагестанских воинов, обладавшей естественными оборонительными рубежами, невозможно решить поставленную задачу. Это было тем более важно, что в случае успеха операции в Аварии иранский правитель рассчитывал покорить не только Дагестан, но и Чечню, Ингушетию, Кабарду, Крым, Кубанскую область, а также российские земли до Астрахани.⁶¹² Поэтому Надир-шах стал готовиться к продолжению похода в Нагорный Дагестан, чтобы покорить и подчинить своей воле всю территорию, племена и народности Дагестана.⁶¹³

609 АВПРИ, ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1741, д.4, л. 304.

610 Там же.

611 Lockart L. Nadir Shah. P. 207.

612 РГВИА, ф. 20: Секретная часть экспедиции военной коллегии, оп. 147, ед. хр. 219, л.203; ф. 410: Материалы по истории народов СССР -коллекции, оп.б/н, ед. хр. 10, л. 82, 83, 87; ЦГАРД, ф. 379: Канцелярия коменданта г. Кизляр, оп.1, д. 17, л. 120, 120 об. 129.

613 Мусаев С. А., Курбанов А.Д., Каев И. А. Гази-Кумух. Эпоха Сурхай-хана I. Махачкала, 2011. С. 416-417.

§ 3. Поход Надир-шаха в Аварию и Лакию. Поражение «Грозы Вселенной» в Андалале

Поход в соседние с Казикумухом аварские общества, куда стекались дружины горцев, потребовал дополнительных подготовительных мер военного, экономического, политического и иного характера. Среди них первостепенное значение сановники шаха придавали созданию прочного тыла в Приморской и Предгорной частях Дагестана, достаточно оснащенного продовольствием, воинскими припасами, политически ориентированным на Иран слоем населения за счет насильственного переселения горцев в Иран и заселения на их место оттуда жителей персидского и тюркского происхождения. Достижение этих целей проводилось привычными методами ограбления и истребления местного населения, применения угроз и подкупа дагестанских владетелей и старшин.

Особое внимание шах придавал уничтожению влияния в Дагестане своего давнего врага - Сурхай-хана Казикумухского. При этом он рассчитывал удалить Сурхая в Персию и добиться покорности его сыновей - Муртузали и Магомед-хана, отступивших со своими отрядами в Аварию. По словам очевидца вахмистра Захара Григорьева, 20 августа, вручив Сурхаю халат, шах заявил: «Возьми де детей своих и одного оставь при войске моем з другим перейди жить в старую Шемаху там зделай себе город, а ежели там не пожелаешь то поезжай в Генжу».⁶¹⁴

Стараясь погасить пламя антииранской борьбы и создать прочную базу для последующего наступления, шах применял упомянутые методы воздействия особенно широко против непокорных горских масс, подвергая их террору, ограблению и насильственному переселению за пределы Дагестана. С этой целью еще до покорения Сурхая он выслал в Хорасан несколько тысяч его подданных -кюринских и кубинских лезгин, а на их место переселил из Ирана 900 дворов.⁶¹⁵ В конце августа он

614 АВПРИ, ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1741, д.4, л. 281 об.

615 Там же. С. 260.

обязал Хасбулата, Сурхай-хана, уцмия Ахмед-хана и акушинского кадия Гаджи-Дауда доставить в его лагерь в течение десяти дней по одной тысяче экипированных всадников к нему на службу, а также по одной тысяче быков и по три тысячи баранов для нужд своего войска и по одной тысяче дворов для переселения в Иран «на вечное житье».⁶¹⁶ Сверх того на подданных уцмия была наложена зерновая подать «на 125 мешков, а на подданных шамхала - по одному чувалу пшеницы, по три барана, по восемь фунтов масла, по пять фунтов железа с каждого двора, да по одному быку с пяти дворов».⁶¹⁷

Как свидетельствуют источники, выставлять подобные же воинские формирования и исполнять натуральные и денежные повинности должны были жители Табасарана, Рутула, Кюре и других областей Южного Дагестана. Так, например, именным шахским указом рутульским старшинам от 1154 г. (1741 г. р.х.), направленным в адрес Беки-бека, они ставились в известность, чтобы «собирали с жителей ежегодно по 1000 надири (монета), составляющих 50 туманов Тавризовских, предоставили бы такие деньги Дербентским начальствам непременно, а дербентские начальники обязываются записать в журнале копию сего документа, делают по оной каждый год раскладку приходской суммы и требуют ежегодно столько денег от старшин Рутула и получили бы от них таковые непременно».⁶¹⁸

В другом указе на имя того же Беки-бека и рутульских старшин сообщалось, что они могут «оставить для себя из следующего с них 200 харваров провианта 20 харваров (харвар - 25 пудов), взамен тех баранов, которые переданы ими саркару нашему (саркар - прислуга) и 10 харваров передать в дом Сурхай-хана и остальные 170 харваров поручить под квитанцию Г-ну Султан-Алибеку Ахтынскому»⁶¹⁹.

616 Там же, л. 308 с об, 314.

617 Там же, л. 163, 257.

618 ЦГИАГ, ф. 1452: Коллекция персидских документов, д. 21, л. 1.

619 Там же, д. 22, л. 1.

«Повецсвасм Вас, - предупредил шах рутульского правителя Беки-бека в связи с передвижением своих войск, - что войско наше через 2 дня будет расположено для дневки между магалами: Кюринским и Табасаранским, куда вытребован Г-н Султан-Алибек. Доставите непременно к его лагерю баранов, приготовленных Вами в настоящее время для нас... Настоящую волю нашу исполните непременно».⁶²⁰

Жестокость завоевателей не знала предела. Воины шаха врывались в дома беззащитных горцев, отбирали последние пожитки. «А от персидского войска жителям такие наглые обиды и нахальства чинятца, что и описать трудно, - доносил Калушкин, - ибо последнее у них пограбили... В войске шаховом такое воровство завелось, что явно в дома входят и что под руки попадает нагло отнимают».⁶²¹

Однако этими мерами шаху не удалось склонить к покорности мужественных горцев. Со всех концов Дагестана поступали сведения о неповиновении иранской неволе, отказе выполнять шахские приказы. Например, когда шах обратился в Унцукуль с предложением прислать к нему на службу за плату 300 воинов, ему ответили: «Не только 300 человек, но и одного человека не дадим, и когда помрем тогда будем твои».⁶²² Даже в Тарки - резиденции самого шамхала Хасбулата, послушно выполнявшего волю Надир-шаха, - жители отказались выдать провиант иранским войскам. Дело дошло до того, что шах вынужден был послать войска на помощь Хасбулату, осажденному восставшими кумыками. Вернувшийся после объезда своих подданных Сурхай также сообщил, что они «во удовольствовании его величества (шаха. - Н. С.) оказались ослушны».⁶²³ Неповиновение иранским властям грозило перерасти в открытое восстание.

620 Там же, ф. 1453: Коллекция турецких документов, д. 23, л. 1.

621 АВПРИ, ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1741, д. 4, л. 349.

622 Там же, л. 305.

623 Там же, л. 414 об.

Народы Дагестана, как и другие народы Кавказа, испытывавшие тяжкий гнет иранского владычества, все активнее шли на сближение с Россией. Как доносил в начале сентября 1741 г. костекровский владетель Алиш Хамзин, шах направил послов в «Авары в такой силе чтоб мирной трактат заключить, и потом следовать бы на противников нашей веры гяуров, то есть на Россию, которые не склонились и ответ писали: те де нам не противники веры которые нас не разорят, те противны которые нас разорят ибо тавлинцы весьма возымели осторожность».⁶²⁴

Несмотря на эти неудачи, шах продолжал отправлять специальные отряды из Казикумуха в близлежащие лакские и аварские аулы, которым предписывалось набрать наемное войско для предстоящей операции, а в случае непослушания выслать жителей за пределы Дагестана в Иран. Но посланники шаха, как свидетельствуют источники, встречали решительный отпор. Например, посланный шахом в один из аулов отряд в течение 10 дней не мог овладеть им даже после прибытия семитысячного подкрепления. Жители этого аула нанесли шахскому отряду значительные потери, вырвались из осады и вместе с семьями, имуществом и скотом ушли в горы.⁶²⁵

Подобные примеры имели не единичный, а массовый характер. Обуславливалось это тем, что попытки шаха реализовать свои замыслы вызвали повсеместное негодование, что повлияло на позиции местных владетелей, в частности удмия Ахмед-хана: посланный шахом в Кайтаг для набора воинов и переселения местных жителей, он снова стал отходить от шаха, тайно готовясь к борьбе с иранцами.⁶²⁶

На наш взгляд, мотивы действий шаха в создавшихся условиях и причины, побудившие его ускорить поход, правильно вскрывает А.И. Тамай. «Занятый ликвидацией отдельных

⁶²⁴ Там же.

⁶²⁵ Тамай А.И. К вопросу о провале Дагестанской кампании шаха Надир-ра. С.117.

⁶²⁶ Астрадади М.М. Джанхонгоша-е Надири. С. 377.

очагов сопротивления и осуществлением плана переселения дагестанцев в Иран, - пишет он об этом, - Надир не спешил с дальнейшим движением своей армии, ожидая прибытия аварского нуцала Мухаммед-хана на поклон. Естественно, что после того, как Надир одерживал «победу за победой», когда популярный на восточном Кавказе Сурхай-хан, а за ним Ахмед-хан перешли на его сторону и когда Дагестан в основном оказался почти покоренным, шах имел, казалось бы, основания не спешить с походом в Аварию. Именно поэтому явилось совершенно неожиданным для шаха сообщение вернувшегося из своих владений, пограничных с Аварией, Сурхай-хана, куда он был послан для вербовки воинов, о том, что местные жители, находясь под влиянием аварского хана, не подчинились Сурхай-хану. Разъяренный шах приказал войскам немедленно перебраться через казикумухский мост и направиться в Аварию».⁶²⁷

Создавшаяся ситуация настолько обеспокоила шаха, что он решил начать поход в Аварию, не обеспечив прочного тыла в Предгорном Дагестане. Подтверждение тому - неудачная осада крепости Калакорейш, от которой шаху пришлось отступить, взяв в аманаты 80 человек вместо затребованных 200. «Повелитель Востока, должно быть, не заметил этого подвоха, - иронизировал по этому поводу помощник Калушкина Василий Братищев, - или настолько был отягчен, что необходимо доволен оказался и таким ложным знаком покорности».⁶²⁸

Исходя из военно-политических соображений, продиктованных создавшейся ситуацией, 12 сентября 1741 г. Надир-шах начал поход, но с первых же шагов встретил упорное сопротивление. Не случайно в донесении от 16 сентября Калушкин подчеркнул, что «аварский де Усмей (нуцал Магомед-хан. - Н. С.), к которому и прочие де люди сообщились крепко

⁶²⁷ Тамай А.И. Указ. соч. С. 117.

⁶²⁸ Юдин П.А. Россия и Персия в конце 1742 г. (Из писем переводчика В. Братищева канцлеру князю А. Черкасскому) // Русский архив. Кн.1. Ч.3. С. 370.

вооружился и вход свою землю препятствует, уже персиянам от него нарочитой урон приключен». ⁶²⁹ Выражающееся в связи с этим Т. М. Айберовым сомнение в том, что десятилетний нуцал Магомед-хан не мог играть такой роли, вполне резонно, ⁶³⁰ но нельзя отрицать выполнения этих функций окружением хана и ослаблять их влияние в борьбе против Надир-шаха.

По другим сведениям, вместе с нуцалом Магомед-ханом активное противодействие врагу на подступах в Аварию оказывали сыновья Сурхая Муртузали и Магомед-хан, прибывшие в Хунзах после падения Кумуха и пленения своего отца. ⁶³¹ Уже в этих первых сражениях с горцами потери иранцев, по данным Калушкина, составили «по крайней мере более десяти тысяч». ⁶³²

Однако приостановить наступление громадной лавины вражеских войск они не смогли. Одолевая сопротивление разрозненных сил горцев, во главе 50-тысячного войска Надир-шах из Кумуха двинулся в Андалал. Дойдя до границ Андалала, шах разделил свое войско на несколько отрядов. Наиболее надежные опорные силы шаха (ставка, гвардия, личная охрана) расположились на склоне горы Турчидаг. «А на Турчидаге вместо цветов забелели полы каджарских шатров», ⁶³³ - говорится об этом в лакской песне.

Одновременно значительные силы вражеских войск заняли позиции напротив аулов Чох, Обох, Согратль, Мегеб, Шитли, Бухты и других Андалалского края, а также аулов Камахал, Тулисма, Ури, Уллучара, Мукар, Варанай и других Казикумухского ханства. ⁶³⁴ Подтверждение тому - дошедшие до нас сведения из аварской исторической песни:

629 АВПРИ, ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1741, д.4, л.315.

630 Айтберов Т. М. Надир-шах Афшар и дагестанцы в 1741 г. Махачкала, 2011. С. 12.

631 Гаджиев В.Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. С. 150, 151, 152.

632 АВПРИ, ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1741, д.4, л. 324.

633 Цит. по: Абакаров М. Легендарная битва. //Советский Дагестан, 1991. N 2. С. 30.

634 Там же. С. 29-31; Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980. С. 113-114.

*В доли Андалала двинулись дальше,
Чтоб дотла разрушить и эту землю,
Тесно меж Чалдой и Мухабом стало,
В правильном порядке шатры разбиты,
Кони на приколе полях обохских.* ⁶³⁵

С началом сражения в Андале, по планам Надир-шаха, должно было совпасть наступление на Аварию отрядов Лютф Али-хана, Гайдар-бека и Джалил-бека через Аймакинское ущелье. По тому же плану вместе с ними должен был наступать шамхал Хасбулат, чтобы реализовать главный замысел шаха - окружить горцев с двух сторон и завершить их разгром в генеральном сражении. ⁶³⁶ В свою очередь, шла усиленная подготовка к решительной борьбе с врагом всех дагестанских народов, которые посылали свои отряды на помощь горцам в Андалал. Со всех концов Аварии добровольцы (гидатлинцы, карахцы, чамалалы, багулалы, койсубулинцы и др.) массами вливались в боевые дружины, готовившиеся к бою с «Грозой Вселенной».

Кроме того, с тыла противника пробивались в Андалал лакцы, лезгины, даргинцы, кумыки, табасаранцы, кубачинцы, а также джарские ополченцы. Усиленно готовились к бою жители Мехтулинского бекства и Кайтагского уцмийства. «В ходе борьбы против захватнической армии шаха Надира, - отмечает А.И. Тамай, - среди дагестанцев росло сознание преимущества согласованных и объединенных усилий. - Особенно это стало заметно тогда, когда дагестанцы очутились перед смертельной опасностью. Наблюдались случаи, когда ранее враждовавшие общества, отбросив свои распри, заключали договоры и спешили в Андалал. Туда прибыл и аварский хан со своими отрядами». ⁶³⁷ Собиравшиеся со всех концов Дагестана в Андалал борцы за

635 Абакаров М. Указ. соч. С. 30.

636 Тамай А.И. К вопросу о провале Дагестанской кампании шаха Надира. С. 118.

637 Там же.

независимость объединялись вокруг своих предводителей, руководивших отдельными военными операциями. Даже уцмий Ахмед-хан, находившийся в тылу противника, тайно согласовывал с ним планы действий против Надира.⁶³⁸

Активную роль в единении народных масс сыграли не только выдающиеся полководцы - Муртузали Казикумухский, Ахмед-хан Дженгутаевский и др., но и авторитетные духовные деятели, что особенно выделяет Р. М. Магомедов: «Общая боль сплачивала людей, и горцы скоро поняли, что она грозит им всем. С посланиями о поддержке обратились ко всем народностям и джамаатам Дагестана андалалский кадий Пир-Магомед и авторитетный духовный деятель Ибрагим-Хаджи Гидатлинский. Так укреплялось и распространялось сознание того, что Надир-шах - враг не только Сурхая, но и всего Дагестана, а борьба против него - не только андалалцев, но и всех горцев. Это очень важный момент: масса людей показала на деле свою способность подняться выше интересов своего двора и села, глянуть дальше пределов своего джамаата, ощутить себя не только андалалцами, карахцами, гидатлинцами, акушинцами, лакцами, но, прежде всего, дагестанцами. История показала, что эта способность наших предков в XVIII в. оказалась спасительной».⁶³⁹

Яркую картину единения дагестанских народов накануне этой битвы передают народные сказания. «Как родники в низовьях превращаются в реки, как из ливня получается бурный поток, - говорится в лакском эпосе, - дагестанцы различных районов от злости к врагу, от кипучей мести в груди разлились потоком. Они клялись биться за родную землю до последней капли крови, не повернув спины к врагу, если даже реки начнут течь вверх. Либо смерть, либо победа, - решили питомцы гор».⁶⁴⁰

638 АВПРИ, ф. 77: Сношения России с Персией, 1741, д. 4, л. 304.

639 Магомедов Р. М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе... С. 138.

640 Лакский эпос // Хан Муртузали. Литература (Хрестоматия). Махачкала, 1947. С. 16-19.

Однако, готовясь к бою, горцы пытались образумить шаха, предотвратить кровопролитие, выиграть время для отпора врагу. От имени горских джамаатов известный ученый улема Ибрагим-Хаджи Гидатлинский обратился к шаху с письмом со словами: «Нас мало, но острый дагестанский клинок достанет тебя. Ты уходи!».⁶⁴¹ Но шах не внял голосу разума и отправил в Согратль своих послов с ответом: «Сдавайтесь! Если не сдадитесь, то через пять дней Надир спустится с гор и уничтожит вас».⁶⁴²

Таким образом, исчерпав возможности для предотвращения кровопролития, дагестанцы вынуждены были встать на смертный бой с грозным противником. Для обсуждения создавшегося положения и задач предстоящих сражений с участием авторитетных военачальников и духовных лиц созвали Военный Совет, определивший общий план разгрома противника.⁶⁴³ Что касается осуществления единого командования всеми вооруженными силами горцев, по этому вопросу существует двоякое мнение: одни авторы считают, что в аналогичной роли выступал Ахмед-хан Мехтулинский,⁶⁴⁴ другие - сын Сурхая Муртузали.⁶⁴⁵ По нашему мнению, осуществление оперативного руководства из одного центра столь разбросанными войсками было невозможно, хотя организующая и ведущая роль мобильного Андалалского ополчения не вызывает сомнений.

Местом главного сражения с врагом, отвечающим стратегическим замыслам горцев - лишить шаха возможности маневрировать крупными силами кавалерии и пехоты, - была

641 Абакаров М. Легендарная битва. С. 32-33.

642 Там же. С. 33.

643 АВПРИ, ф. 77: Сношения России с Персией, п. 77/1, 1741, д. 7, л. 219 об. - 220; Шами, Шакир, Субхи и Иззи. Тарих. С. 220, 234; Тамай А.И. Указ. соч. С. 118, 120.

644 АВПРИ, ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1741, д. 4, л. 212, 256 об., 258 об.; Тамай А.И. Указ. соч. С. 118-119.

645 Мусаев С. А. Курбанов А. Д., Каяев А. И. Гази-Кумух. Эпоха Сурхай-хана I. С. 419, 427, 436. Berkok I. Tarichte Kafkasya. S.358; Gökçe S. Kafkasya siaseti. S. 34 и др.

определена наклонная плоскость Хициб, представляющая террасу, отделенную от Согратля рекой и крутыми склонами горного хребта. Для достижения этой цели была выработана эффективная тактика: сначала угнать шахских коней, лишит мобильности его кавалерии, после чего, не дожидаясь наступления врага, самим неожиданно напасть на его лагерь.

Выполняя этот замысел, ночью 22 сентября горцы незаметно подобрались к шахскому лагерю, угнали значительную часть боевых коней, что фактически вывело из строя кавалерию. Очнувшиеся рано утром иранцы ничего сделать уже не смогли. Развернулось сражение на обширной территории от Аймакинского ущелья до Согратля, в котором с обеих сторон были задействованы значительные силы.

Битва началась нападением горцев на 20-тысячный отряд Лютф Али-хана в Аймакинском ущелье, который был почти целиком истреблен, хотя командующему удалось спастись с поля боя с несколькими сотнями воинов. Такой же участи подвергся 10-тысячный отряд Гайдар-бека, от которого после разгрома осталось 500 человек. Почти целиком был уничтожен и 5-тысячный отряд Джалил-бека, который также спасся бегством в сопровождении 600 воинов. Весь обоз этого отряда - 19 пушек и много боеприпасов - оказался в руках победителей.⁶⁴⁶

Эта победа, одержанная в Аякакинском ущелье под руководством Ахмед-хана Мехтулинского, имела неоценимое значение. Она знаменательна тем, что стала результатом консолидированных усилий аварцев и кумыков, даргинцев, кайтагцев и других народов, веками проживающих в братстве и согласии в дни радости и тяжелых испытаний. Фактически она стала проявлением общедагестанского менталитета, послужившего мощным фактором для дальнейшей борьбы против владычества Надир-шаха.

646 Тамай А.И. Указ. соч. С. 119.

Такие же сражения с шахскими войсками происходили во многих местах. Крупная победа горцев над отрядами Ага-хана, Мухаммед Яр-хана и Джалил-хана была одержана в местности Койлюдере. В сражении с горцами был убит Джалил-хан, остальные шахские военачальники спаслись бегством, увлекая за собой оставшихся воинов. Победители захватили в плен более 1000 человек, много пушек, боеприпасов и других трофеев. В последующих сражениях кайтагцы и кумыки захватили огромную сумму шахских денег, присланных ему из Индии и предназначенную для раздачи жалованья войску.

Решающие битвы, не имевшие аналога в горах Дагестана, в которых были уничтожены отборные иранские войска, произошли на территории Андалала. Военные действия начались в двадцатых числах сентября нападением шахских войск на аулы Согратль, Мегеб, Обох и Чох, где они встретили подготовленный отпор. «Громом огласились горные долины, - повествует об этом лакский эпос. - Казалось, небо валится на землю. То не гром гремел, низвергал ливень, а герои-горцы метали пули на вражескую рать, обрушиваясь на них свинцом. Крепко держа длинные пики, мчась на быстроногих скакунах и развевая по ветру андийские бурки, как орлы, двинулись на врага отряды горцев... Разгорелась кровавая битва, как будто небо сражалось с землей».⁶⁴⁷

Не менее патетически картину битвы передает турецкий историк Шерифетдин Эрел: «Смотрящие смерти прямо в глаза дагестанцы ... стояли, как гранитные скалы. От грома этой битвы рушились седые горы. Потери с обеих сторон были велики. Особенно ожесточенный характер битва носила у аулов Мегеб, Обох, Согратль. В селах Андалала в боях с врагами сражались не только мужчины, но и женщины».⁶⁴⁸

Используя природные условия родной земли, дагестанцы уничтожали врагов повсюду, захватывали в плен, обращали

647 Лакский эпос//Хан Муртузали. С. 19-20.

648 Erel Ş. Dağıstan ve dağıstanlılar. S. 105-106.

в бегство. Воины шаха встречали смерть на каждом шагу. «Положение экспедиционной армии Надира, находившейся в незнакомой местности, в окружении враждебного населения, - заключает А. Тамай, - становилось все более тяжелым. Шахские отряды один за другим терпели поражение... На территории Андалал шах Надир одержал победу лишь в одном ауле... потеряв при этом две тысячи воинов».⁶⁴⁹

Решающее сражение на территории Андалала продолжалось пять дней. Закаленные в боях опытные военачальники, воспользовавшись ослаблением отборной силы шахских войск, повели своих воинов в наступление на врага. Активную поддержку тем, кто бился с врагом на полях сражений, оказывало все население. Героизм защитников родной земли стал массовым явлением. Особенно отличился в боях с противником сын Сурхая Муртузали, вызвавший восхищение самого шаха. По словам турецкого историка Ш. Эрела, наблюдавший за ходом сражения Надир, увидев в гуще боя всадника на белом коне, спросил у Сурхая: «Кто этот храбрец на белом коне?» - на что Сурхай спокойно ответил: «Это мой сын» (Муртузали. - Н. С.). Изумленный шах произвольно признался: «Я был бы рад, чтобы Дагестан и Грузия стали твоими, а у меня был хотя бы один такой сын».⁶⁵⁰

Выдающееся значение для победы дагестанцев над полчищами шаха имели сражения у аулов Чох, Согратль и Кумух. Вначале защитники Чоха очутились в трудном положении из-за отсутствия пополнения. Но при помощи прибывшего подкрепления под командованием Магомед-хана из Согратля, где дагестанцы нанесли тяжелое поражение шахским войскам в местности Хициб,⁶⁵¹ была одержана победа и в сражении под Чохом. «По лугам Хициба, чистым от века, потекли потоки вражеской крови»,⁶⁵² - так сохранила память об этом аварская

649 Тамай А.И. Указ. соч. С. 120.

650 Erel Ş. *Dağıstan ve dağıstanlılar*. S. 106.

651 Абакаров М. Указ. соч. С. 33.

652 Там же.

историческая песня. «Из-за отсутствия пополнения, - говорится в аварской легенде о битве под Чохом, - стали слабеть у горцев позиции. Надир в диком восторге предвкушал победу. Но вдруг он увидел, что к последним бойцам подоспели свежие силы. Это были их сестры, жены, матери и дочери, переодетые в мужские одежды. Они рука об руку со своими родными сломили силу напора врага. Вражеские войска разбежались беспорядочно, как испуганное стадо: позорно побежали закованные в железо афганцы, понеслись быстрее ланей силачи - мазандаранцы, покатались за ними курды, лазы, туркмены. Шах Надир не верил своим глазам и никак не мог распознать, злые духи или кто еще другой пришел на помощь дагестанцам. Он узнал, кто они, когда вслед позорно бегущим его войскам понесся радостный и звонкий хохот победивших горянок».⁶⁵³

Исход этих сражений фактически означал провал Дагестанской кампании шаха Надира. По словам Калужкина, Надир-шах осознал эту истину после сражения недалеко от Согратля в местности Хициб, где он потерял значительную часть своей «непобедимой» армии. По его же словам, поражение под Чохом вынудило шаха к скорейшему отступлению во избежание полной катастрофы. Такие же признания мы находим у других авторов, в том числе наших современников. «В это время, - признает иранский историк Аббас Экбаль, - хотя некоторые лезгинские пачальники подчинились, - но большинство жителей Дагестана отправились в неприступные горы, со всех сторон стали нападать на войска Надира и нанесли ему большой урон».⁶⁵⁴

Осознав нависшую угрозу над оставшимися войсками, 28 сентября 1741 г. Надир-шах начал отступление, похожее больше на бегство, чем на организованный отход боеспособной

653 Цит. по: Тамай А.И. К вопросу о провале Дагестанской кампании шаха Надира. С. 120; См. также: Отрывки из исторических песен народов Дагестана // Комсомолец Дагестана, 15 марта 1991, N 10. С. 5.

654 Экбаль А. *Тарих-е мофессол-е Иран аз эстила-йе могул та энгиразе Каджари-йе*. Тегран, 1360/1961. С. 320.

армии. Горцы преследовали воинов шаха, потерявшего в бою казну и свою корону. В руки победителей попали огромные богатства, награбленные шахом в Индии, в том числе множество драгоценных камней и 40 тысяч монет самого высококачественного золота.⁶⁵⁵ Особенные бедствия потерпели бегущие в панике иранцы в одном узком ущелье, где дагестанцы едва не захватили в плен самого шаха и его гарем. Отступавшие воины шаха подвергались нападениям со стороны жителей покоренных аулов, через которые они проходили.⁶⁵⁶

Разгром полчищ Надир-шаха вдохновил на борьбу новые силы, в том числе и тех, кто вынужден был покориться шаху под давлением тяжелых обстоятельств. Под влиянием одержанных побед находившийся в плену уцмий Ахмед-хан тайно готовился к борьбе «с враждебным расположением сердца и жаждою мщения».⁶⁵⁷ Дагестанские аулы один за другим поднимали восстания. Вернувшись «из разведки с гор» в конце сентября, Солтан Имамвердиев доложил в Кизляр: «Усмей от шаха отложился также и прочия владения ... У шаха в подданстве остались токмо три деревни: Тарки, Казаныш да Кара-Будаки».⁶⁵⁸

Но уцмий не только отложился от шаха, а принял скрытое участие в разгроме отступающей иранской армии. Прибывший от Калущкина в Кизляр Муртузали Картов сообщил, что сопровождавший по заданию шаха 30-тысячный корпус в Дербент уцмий тайно предупредил своих сторонников, которые по его сигналу в урочище Капчугай, «напав на то войско всех побили, токмо ушло в Дербент человек со ста и то нагие».⁶⁵⁹ Нападавшие захватили обоз, много ценных вещей, личный шатер шаха и часть его гарема. Удрученный этим шах заявил, что дотла разорит дагестанскую землю, а кайтагцев обратит в своих рабов.⁶⁶⁰

655 Erel Ş. *Dagistan ve dagistanlılar*. S. 106.

656 Тамай А. И. Указ. соч. С. 121.

657 АВПРИ, ф. 77: Сношение России с Персией, оп. 77/1, 1741, д. 4, л. 325.

658 Там же, 325 об. - 326.

659 Там же.

660 История Дагестана. Т. 1. С. 367.

В ноябре 1741 г. с остатками разбитой армии шах вернулся в Дербент, где были подведены итоги неудачного похода. При этом, как наблюдал Калущкин, министры и полководцы шаха, боясь его гнева, «многое утаили и сами утрату своих багажей умалили».⁶⁶¹ Даже при таких подсчетах, согласно официальным рапортам, только при отступлении с гор шах потерял убитыми, ранеными и пленными 11 345 человек. Но потери иранцев намного превосходили эти цифры, ибо из более чем 100-тысячной армии, по данным Калущкина, боеспособных воинов оставалось 25-27 тыс. человек. Кроме того, противник потерял более 33 000 лошадей и вьючных животных, 79 пушек, большую часть боеприпасов и холодного оружия.⁶⁶² Согласно одной из легенд, значительную часть добычи горцы разделили между собой в местечке Кехлер вблизи Согратля.

Таким образом, несмотря на колоссальные усилия, и этот поход Надир-шаха в Дагестан окончился провалом. Хотя отдельные дагестанские владетели покорились шаху и продолжали сотрудничать с ним, народы Дагестана нанесли завоевателям сокрушительный удар. Эта победа над численно превосходящими силами шаха, опьяненной славой «непобедимого» полководца, «Грозы Вселенной», имела не только местное, но и международное значение. Подтверждение тому - свидетельства очевидцев и современников событий, а также исследователей различных стран и направлений, рассматривающих это событие как переломное в ходе освободительной борьбы горцев, подорвавшее военно-политическую мощь Ирана.

Так, по мнению Калущкина, воочию наблюдавшего андалалские сражения в разных местах, поход для шаха обернулся «бездельной потерей войск».⁶⁶³ Полагая, что общие потери иранских войск за время похода составили около 40 тысяч человек,

661 АВПРИ, ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1741, д. 4, л. 353.

662 Там же, л. 354.

663 Там же, л. 329.

он пришел к выводу, что «нигде не слыхано потери стольких людей, богатств и оружия». ⁶⁶⁴ Его помощник Братищев, касаясь той же темы, пришел к заключению, что в упомянутых сражениях шах был «несчастно разбит». ⁶⁶⁵ Даже личный секретарь Надир-шаха Мирза Мехди-хан, написавший свой труд в виде пансирика «Грозе Вселенной», вынужден был признать, что Андалалская земля стала для шаха «областью несчастий», где его воины достались «в добычу врагам». ⁶⁶⁶ Современник событий Джонс Ханвей, не раз побывавший на побережье Каспия по торговым делам и близко общавшийся с самим шахом, также признает: «Этот могущественный завоеватель оказался в таком жалком состоянии, что остатки его войска, доведенного до 10 тысяч, должны были дезертировать или погибнуть». ⁶⁶⁷ Повторяя ту же мысль, современный иранский историк Сардадвар утверждает: «Этот великий полководец не знал до сих пор прецедента, чтобы противник мог бы с ним так расправиться». ⁶⁶⁸ По меткому определению академика А.Н. Новосельцева: «Звезда Надира закатилась в горах Дагестана». ⁶⁶⁹

Сказанное означает, что разгром «непобедимых» полчищ Надир-шаха в горах Дагестана имел не только местное, но и международное значение, стал основной для развития новой фазы международных отношений в регионе. Пожалуй, наиболее точные оценки влияния этого фактора на развитие ситуации на обширном евразийском пространстве дали известные дагестанские историки Р. М. Магомедов и В. Г. Гаджиев.

⁶⁶⁴ Там же, л. 314.

⁶⁶⁵ Братищев В. Известия о происходивших между шахом Надиром и его старшим сыном печальных происшествиях в 1741-1742 гг. СПб. 1763. С. 35.

⁶⁶⁶ Цит. по: Тамай А.И. Указ. соч. С. 121.

⁶⁶⁷ Nanway J. A Historical Account of the British Trade Over the Caspian Sea. London. Fol 2. P. 409.

⁶⁶⁸ Сардадвар А. Т. Тарих-е незами ва сийаси-йе дован-е Надершах-е Афшар. С. 740.

⁶⁶⁹ Новосельцев А.П. Освободительная борьба народов Закавказья в XVIII в. // Вопросы истории, 1972, N 5. С. 117.

Так, касаясь сути этой проблемы, Р. М. Магомедов особый акцент делает на геополитические последствия поражения Надир-шаха в Дагестане. «Боевые действия в начале 1741г. - подчеркивает Р. М. Магомедов, - имели важные последствия, выходящие далеко за пределы Дагестана. Историческая наука оценивает их как одну из самых славных побед народов Дагестана и начало конца державы Надир-шаха. Таким образом, нисколько не преувеличивая, можно отметить, что победа дагестанских горцев в 1741 г. отразилась на ходе мировой истории, непосредственно повлияв на судьбу Иранской державы и политику двух ее соседей - Турции и России.» ⁶⁷⁰

Не менее масштабно это событие рассматривает и В. Г. Гаджиев. «Еще с большей радостью весть о поражении Надир-шаха в горах Дагестана, - отмечает этот автор, - была встречена многострадальными народами и, особенно, азербайджанским народом, который бок о бок с горцами Дагестана с 1706 г. вел самоотверженную борьбу против господства Ирана на Кавказе. Торжествовали грузины, которые в период нашествия Надира на Дагестан поднялись под предводительством Г. Амилохвари на вооруженную борьбу против кизилбашей и тем самым отвлекли часть шахских войск на себя, оказав этим известную помощь борющимся горцам. Ликовали народы Северо-Восточного Кавказа: победа горцев Дагестана избавила их в буквальном смысле слова от неминуемого нашествия кизилбашей. С облегчением вздохнули и другие народы Кавказа. Как и следовало ожидать, с нескрываемой радостью весть о поражении Надира встретило правительство Оттоманской Порты». ⁶⁷¹

Не случайно весть о поражении Надир-шаха в Дагестане отозвалась эхом в Стамбуле и Петербурге, надеявшихся воспользоваться ослаблением Ирана и укрепить в Дагестане собственные позиции. Касаясь последствий поражения

⁶⁷⁰ Магомедов Р. М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе... С. 137.

⁶⁷¹ Гаджиев В. Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане... С. 172.

Надир-шаха и реакции петербургского кабинета на это событие, французский посол де ля Шатерди доносил в Париж: «Поражение было тем более значительно, что Кули-хан (Надир-шах. - Н. С.) дал заманить себя в ловушку и попал в ущелье, где скрытые с двух сторон войска произвели ужасную резню над большей частью его армии... Даже политические соображения не в состоянии были заставить удержаться от радости, выразившейся здесь».⁶⁷²

По свидетельству турецких историков Эрела и Гекдже, поражение Надир-шаха в Стамбуле встретили «с огромной радостью»⁶⁷³, «с восторгом»,⁶⁷⁴ как важный фактор, отодвинувший угрозу нападения Ирана на Турцию. По словам английского историка Р. Олсона, горцы отправили в Стамбул и Трабзон захваченных в плен «несколько надировских батальонов», чтобы доказать свою способность создать самостоятельный Кавказский фронт и продемонстрировать публике пленников на специальных мероприятиях, посвященных торжествам по этому поводу.⁶⁷⁵ Не остались в стороне от этих событий Лондон и Париж, придававшие важное значение Прикаспийско-Кавказскому региону в своей восточной политике. Свидетельство тому - поощрение Надир-шаха Англией и Францией на продолжение агрессивной политики в Дагестане и захват российских земель до Астрахани.⁶⁷⁶

Однако Надир-шах не смог воспользоваться рекомендациями западных держав. Военно-политическое состояние армии шаха упало до критической черты. В битвах на полях Андалала были перемолоты отборные иранские войска, уничтожен цвет иранской армии, развеян миф о «непобедимости» «Грозы

672 Сб. РИО. Т. 96. СПб., 1896. С. 579.

673 Erel Ю. *Dağıstan ve dağıstanlılar*. S. 107.

674 Gökçe С. *Kafkasya ve Osmanlı İmparatorluğunun Kafkasya Siaseti*. S. 34.

675 Olson R. *The Siege Mosul and Ottoman - Persian 1718-1743*. Bloomington, 1975. P. 119.

676 Сб. РИО. Т. 96. СПб., 1896. С. 365-366.

Вселенной». Не случайно после поражения министры и полководцы шаха не могли успокоить своего повелителя. «Довольно шаху и той раны, - считал Калушкин, - которую они силою рапортов своих его в живое уязвили».⁶⁷⁷ Чувствуя шаткость своего положения, шах уже не решался на крупные военные операции, тем более, что при одной такой попытке против табасаранцев и лезгин он получил такой отпор, что «едва ли сохранил аппетит ко вторичному покушению».⁶⁷⁸

Подтверждение тому - донесения Калушкина, отправленные в конце ноября - начале декабря 1741 г. Так, 30 ноября 1741 г. он пишет: «Шах персицкой поныне стоит в 15-ти верстах от Дербента лагерем претерпевая крайнюю во всем нужду, от которой непрестанно в войске его много помирает... больных ныне при нем всего тысяч с двадцать и в такое мнение у дагестанцев пришед, что они его не боятся ибо в версте от лагеря лежащую лезгинскую деревню сокрушить не может».⁶⁷⁹ Через день, 1 декабря, он снова доносил: «Шах еще на том же месте, о котором в другой моей реляции помянуто, стоит т.е. в ретрашементе без всяких действ, только что напрасно войско морит голодом и холодом».⁶⁸⁰

Тяжелые потери, понесенные иранскими войсками в ходе летне-осенней кампании 1741 г., показали, что попытка покорить Дагестан в ходе одной крупномасштабной операции потерпела провал. Военно-политическая обстановка, сложившаяся в Дагестане после поражения Надир-шаха в Андалале, убедила его в том, что продолжение усилий покорить этот край фронтальным наступлением против непокорных дагестанцев чревато новой катастрофой. Осознание этого фактора вынудило шаха перейти к новой тактике - тактике порабощения народов Дагестана путем ведения затяжной войны, подкупа

677 АВПРИ, ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1741, д. 4, л. 352.

678 Там же.

679 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1742, д. 3, л. 20 с об.

680 Там же, л. 21 об.

местной феодальной знати, изоляции их от внешнего мира, особенно от России, к которой в условиях истребительной войны продолжали обращаться в поисках поддержки многие владельцы и старшины горного края.

§ 4. «Иран хараб». Освободительная борьба народов Дагестана - важный фактор подрыва военно-политической мощи державы Надир-шаха

Потерпев поражение в открытых боях с народами Дагестана, шах приступил к реализации новой тактики, надеясь таким способом добиться прежних глобальных целей. Стремясь создать базу для накопления новых сил и оградить оставшиеся войска от постоянных нападений повстанцев, он возвел недалеко от Дербента в кадиевском владении укрепленный лагерь, получивший позже название «Иран хараб» («Гибель, разорение Ирана»).⁶⁸¹ Но захватчики и здесь не находили покоя, как и в других местах, подвергались налетам подвижных кавалерийских отрядов горцев. Например, как сообщил Калушкин в донесении от 8 октября 1741 г., «табасаранцы стоявшего от Дербента в пятнадцати верстах персического командира Рустанбека, при котором было восемь тысяч войска, из транжаменты вон выбили так, что он едва из рук тех горских людей вырваться и в крайней торопливости с нарочитым уроном за реку уйти мог».⁶⁸²

В этих условиях для реализации новой тактики предпринимались различные меры. Прежде всего, стараясь ослабить освободительную борьбу народов Дагестана против своего владычества, шах старался столкнуть их с Россией путем склонения на свою сторону местных владельцев. С этой целью в конце 1741 г. через шамхала Хасбулата он обратился к северным кумыкским князьям с таким предложением: «Что де в прошлых летах до шах Аббаса и после его как тавлинцы так и

681 Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа. Ч. 1. С. 123

682 АВПРИ, ф. 77: Сношение России с Персией, оп. 77/1, 1741, д. 4, л. 349 об.

кумыки находились де под персическою протекцией, а ныне де находятся под опекою у гяуров (неверных, т.е. русских. - Н. С.) и дети их в крепких аманатах, а жалования де от них себе никакова не получают, того ради дабы были склонны под руку шахова величества и ежели де будут князья к тому склонны, то и детей их из аманатов выручу и жалованья буду производить как и шамхалу».⁶⁸³

С такой же миссией в горы были направлены Эльдар и Мехди с предписанием приложить «крайнее старание», чтобы уговорить горцев прекратить борьбу и переселиться в Кубинскую провинцию. Им также предлагалось склонить горских владельцев и старшин на сторону шаха с подтверждением этого акта письменным заверением и клятвой на Коране. Со своей стороны шах обещал наградить их такими привилегиями, какими сами иранцы никогда не пользовались. Однако Калушкин, выражая сомнение в успехе этой политики, предупреждал Петербург, что «те чинимые его величеством (шахом. - Н. С.) приласкания никоим образом действительны быть не могут, чтоб лезгинцы такими пустыми баснями себя к переселению в персические места усыпить допустили».⁶⁸⁴

Действительно, как и предсказывал Калушкин, в ответ на предложение шаха уцмий Ахмед-хан прислал письмо «в осмелятельных терминах: что хотя шах его Усмея докучно к себе призывает, токмо он как древними своими летами, так и болезнью принужден от того извиняться... и заключает с поносительными словами: что его величество в самой подлости произошел так, что ни малого в нем знака, согласующегося с обыкновением природных монархов не находится и потому отдает на волю шаха, пускай что хочет против его предпримет, а он к своей обороне достаточные меры употребит».⁶⁸⁵

683 Там же, л. 397 с об.

684 АВПРИ, ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1741, д. 4, л. 390 об. - 391.

685 Там же, л. 392.

В аналогичном тоне, издеваясь над незнатностью происхождения шаха, ответил аварский нуцал Магомед-хан. «Ты упрекаешь меня в том, - писал он шаху, - что я не явился к тебе на поклон. Я воздержался от этого потому, что ожидал твоего прибытия к себе, чтобы принять и проводить тебя по нашему дикому горскому обычаю. Я слышал, что между тобою и нашими пастухами произошла драка (сражение в Андалале. - Н. С.). Уверю тебя, что наши добрые воины не участвовали в этом и я не мог бы допустить этого, ибо драться с пастушьим сыном подобает лишь пастухам (по некоторым данным, отец шаха был пастухом. - Н. С.). Именно поэтому, увидев, что в руках наших пастухов огромное количество персидских баб, пленных верблюдов, мулл, лошадей и драгоценностей, наши добрые воины обвиняют меня в том, что им ничего не досталось. Для чего ты пришел к нам в горы и оставил здесь столько богатства? Не мы же имели дело с твоим братом (Ибрагим-ханом. - Н. С.), его убили джарцы (в 1738 г. - Н. С.). Он был человек такой же бешеный, как ты, и потерял свою голову в горах. Я советую тебе, иди скорее назад в Иран и больше не приходи к нам, а то мы пошлем тебя в пекло (ад. - Н. С.), чтобы ты мог там найти своего брата».⁶⁸⁶

Столь же безрезультатно завершились переговоры Хасбулата с владетелями Аксая, Эндирея и Костека. Попытка подкупа владетелей и старшин Дагестана потерпела очередной провал. На истребительную войну захватчиков народы Дагестана ответили героической освободительной борьбой. Кольцо вокруг вражеского лагеря сжималось с каждым днем. В ставке шаха не проходило тревожное ожидание беды. В январе 1742 г. горцы отбили провиант, доставляемый шахским войскам Хасбулатом, а затем напали на шахский лагерь, «отчего его величество, - доносил Калушкин, -ужасно трепетал».⁶⁸⁷

⁶⁸⁶ Цит. по: Тамай А. И. К вопросу о провале Дагестанской кампании шаха Надира. С. 122.

⁶⁸⁷ АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1741, д. 4, ч. 2, л. 392.

От самого шамхала Хасбулата отложились многие подданные, недовольные его покорностью шаху, угрожая за это открытой расправой. Перепуганный шамхал обратился к шаху с просьбой прислать подкрепление в Тарки или разрешить ему переселиться с семьей в персидский лагерь. В своем обращении к шаху он подчеркивал, что «лезгинцы учинили между собой клятвенное обещание, а Усмей со всем горским собранием, которое в немалом состоянии исчисляется, совет положили: что они лезгинцы на восстановление с шахом примирения могут склониться только издалека, и для того надобно его величеству из границ (Дагестана. - Н. С.) выезжать в Ширванскую сторону или на Муганскую степь, а здесь в Дагестании оставил бы в аманаты знатного хана, наивяще одного из племянников».⁶⁸⁸

Иранские войска находились в постоянной тревоге, болезни и голод уводили в могилу многих людей, неубранные трупы валялись на улицах Дербента. Шах обвел свой лагерь высоким земляным валом, а из-за опасения внезапного налета повстанцев перевез в Дербент семью, гарем и ценности. Но эти меры не могли обеспечить полной безопасности, пока сохранялось единство горцев и оставались с народом наиболее последовательные борцы за независимость, отличившиеся в предыдущих боях с противником.

Не случайно в феврале 1742 г. шах снова попытался расколоть силы дагестанцев, достигнуть соглашения с наиболее податливыми на угрозу и «ласки» владетелями и старшинами, прибегая нередко к прямому обману. Подтверждение тому - официальные заверения шаха о том, что он крепко сдружился с Портой, которая шлет ему войска на помощь, и по согласованию с ней назначил Сурхая «начальником всего Ширвана и Дагестана и в Дербенте жить оставил, дав ему и другим начальным людям многие вольности».⁶⁸⁹ Однако по посту-

⁶⁸⁸ Там же, 1742, д. 4, л. 104.

⁶⁸⁹ АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1741, д. 5, ч. 2, л. 546.

пившим из Стамбула сведениям выяснилось, что «все хитрости и смятения происходит от самого шаха для успения в его намерениях... получения себе в руки двух сынов Сурхай хана ... дабы поверили вышереченные Сурхаевы дети и из гор вышед, в руки войск его попали». ⁶⁹⁰

Позиция дагестанских владетелей интересовала не только Надира, но и правителей Османской империи. Для зондирования почвы относительно дальнейших намерений шаха в январе 1742 г. в иранский лагерь прибыли османские послы Маниф-эфенди и Назыф Мустафа-эфенди с заверением о верности Порты договору 1736 г. ⁶⁹¹ В то же время через своих осведомителей они дали знать дагестанским владетелям, что султану весьма приятно, «что они, дагестанцы, шаха мало боятся и ... более он сам от них побежден, нежели они от него». ⁶⁹²

От османских послов стало известно, что из Стамбула в Дагестан намерена выехать специальная делегация, в состав которой включен дагестанец Магомед-эфенди, для вручения наград и представления чинов местным владетелям, особенно отличившимся в разгроме Надир-шаха в Аварии. По словам османских послов, волей Стамбула сын Сурхая Магомед-хан признавался ханом Казикумуха с вручением ему драгоценного кинжала, сусликовой шубы и 50 тысяч куруш, его отцу Сурхай-хану предназначались шуба и 2 тысячи куруш, уцмию Ахмед-хану - драгоценный кинжал и 50 тысяч куруш, аварскому правителю Магомед-нуцалу и его приближенным Кевек-беку и Гаджи Курбану-эфенди предназначались богатые подарки. Однако наивысших почестей - звания шамхала Дагестана удостоивался мехтулинский владетель Ахмед-хан, наносивший

⁶⁹⁰ Там же, д. 4, ч. 2, л. 335.

⁶⁹¹ Hekmat M. A. Essay sur l'histoire des relations politiques irano-ottomanes 1722 à 1747. P. 326.

⁶⁹² АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1742, д. 5, ч. 1, л. 14.

неоднократные тяжелые потери врагу и гнавший отдельные отступавшие иранские части за пределы Дагестана. ⁶⁹³

По-видимому, эти намерения турецкого двора не остались тайной для шаха, который возобновил неудачные попытки привлечь на свою сторону владетелей и старшин Дагестана. «Между тем, - доносил Калушкин 18 февраля 1742 г., - не перестает (шах. - Н. С.) всякие вымышляемые к ласканию горских владельцев Усмея, меньшева Сурхаева сына и начальных аварских и иных деревень старшин средства употреблять которыми как видно не может намеренное свое желание достигнуть, ибо лезгинцы (дагестанцы. - Н. С.)... до последней капли крови крепко за себя стоять общим согласием связаны, и сверх того клятвою к дружной обороне себя утвердили, к чему и шемхала привлекать не оставляют». ⁶⁹⁴ Надо полагать, что это давление на шамхала не прошло бесследно. Как сообщал Калушкин месяцем раньше, шах стал сомневаться в верности своего вассала Хасбулата, начал питать к нему недоверие, а личный секретарь шаха Мирза Мехди-хан отзывался о нем «с вящим уничтожением». ⁶⁹⁵

В условиях нового подъема освободительной борьбы народов Дагестана положение оккупационной иранской армии продолжало ухудшаться. В конце 1741 - начале 1742 г. Калушкин неоднократно доносил, что шахское войско претерпевает «крайнюю во всем нужду ... в версте от лагеря лежащую деревню он сокрушить не может», «у него (шаха. - Н. С.) с лезгинцами развязалось тяжелое дело ... от которого Персия стонать не перестает». ⁶⁹⁶ Особенно тяжелое положение сложилось в Дербенте и в его окрестностях, в том числе в шахском лагере, который стали называть «Иран хараб» («Гибель, разорение

⁶⁹³ Erel Ş. Dağıstan ve dağıstanlılar. S. 107.

⁶⁹⁴ АВПРИ, ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1742, д. 4, л. 130.

⁶⁹⁵ Там же, л. 62.

⁶⁹⁶ РГВИА, ф. 20: Секретная часть экспедиции военной коллегии, оп. 1/47, ед. хр. 129, л. 114.

Ирана»). «В лагере шаховом такой недостаток имеется, - отмечал Калушкин, - что все генеральной голод претерпевают, не меньше того и здесь в Дербенте в пище крайне оскудение продолжается, ибо много людей от голода померло, и везде по улицам и паче в нижнем городе и за городом мертвые тела валяются, также и дорога отсюда до Шемахи оными устлана, между которыми и большая часть раненых, может быть те, которых шах от слабости за увечием ран оставил и отпустил к дому».⁶⁹⁷

Естественно, что чем больше ослабевала шахская власть, владетели и старшины Дагестана более активно добивались покровительства России, надеясь на ее поддержку для окончательного свержения иранского владычества. Об этом свидетельствуют многочисленные обращения самих горцев в Кизляр и донесения российских представителей при шахе И.И. Калушкина и В.В. Братищева. Так, обращаясь к кизлярскому коменданту И. В. Засецкому 17 января 1742 г., анцухский старшина Галега подчеркивал, что шах предложил жителям аула вступить в персидское подданство, обещая денежную казну, на что они ответили: «Мы тебя государем не почитаем и казны от тебя не берем», а присланное войско разбило и обратили в бегство. «И впредь имеем намерение с ним дратца, ежели сам не отступит, пока наша мочь будет, и померем в чем утвердились мы все присягою, и ежели вы нас любите и хочите видеть у государя в подданстве, - внушал Галега полковнику Засецкому, - то с известием просим к нам прислать человека, также просим сделать милость приказать нашим людям купить свинцу».⁶⁹⁸

Тогда же Астраханская губернская канцелярия сообщила в Петербург, что шах обратился с таким же предложением к акушинскому кадию, предлагая акушинцам выступить вместе против России. Но кадий предупредил акушинских старшин, что «шах хочет идти на русских и подговаривает с собою их, на

697 Цит. по: Алиев Ф.М. Антииранские выступления. С. 166.

698 АВПРИ, ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1742, д. 10, л. 11 с об.

что де по совету тех старшин писал он (кадий. - Н. С.) и шаху в такой силе: ежели он пойдет на русских, то они, совокупясь с русскими, пойдут на него, а ежели на них, то русские с ними потому ж пойдут».⁶⁹⁹

В создавшихся условиях шах предпринимал новые опрометчивые шаги, рассчитанные на привлечение горских владетелей на свою сторону и конфронтацию их с Россией. С этой целью в марте 1742 г. он отправил повторно в горы Эльдара с письмом следующего содержания: «Мы де одной с вами веры и для того бы с ним шахом они помирились и он де шах их будет жаловать, токмо дали б ему войска десять тысяч, с которым он пойдет на гяуров».⁷⁰⁰ Но горцы не приняли это предложение и велели Эльдару «объявить шаху, что они жалованья его не требуют и войска не дают так же и мириться с ним, ежели с того места (Дагестана. - Н. С.) не отступить в свою область, не станут».⁷⁰¹

Из поездки в горы Эльдар вернулся безрезультатно, едва избежав расправы со стороны возмущенных горцев. Мало того, прибывшие в Губден горские старшины обратились к шамхалу Хасбулату с требованием, чтобы «он шаха возвратил в свою область каким-нибудь возможным способом, а ежели не возвратит и в согласии с ним будет, а им будет от турка или от России помощное войско, тогда он шамхал от них и под камнем скрытца не может».⁷⁰²

Пользуясь постепенно складывающимся перевесом сил в свою сторону, владетели и старшины Дагестана стали переходить от словесных угроз к конкретным действиям. Так, весной 1742 г., объединившись с кайтагцами, акушинцами и кумыками, уцмий Ахмед-хан активизировал военные действия против иранцев. Как сообщили в марте прибывшие из Кизляра в Дербент Алиш Килиякаев, Баттал Чимаматов и Чубар

699 Там же, л. 22.

700 Там же, л. 46.

701 Там же.

702 Там же.

Абакаров, «акушинцев, тавлинцев и кумыков собралось под командой уцмия тысяч с семь к тому день от дня горские тавлинцы на помощь к нему идут и хотят с шахом поступать войною». ⁷⁰³

В конце марта с немалыми силами шах попытался привести в покорность уцмия и его сторонников, но был отбит со значительными потерями. Разгневанный шах заявил, что не вернется в Персию, пока не приведет в покорность уцмия Ахмед-хана, а сам обратился к войскам с воззванием: «Кто того Усмея живого приведет или голову привезет, обещает за то дать тысяч рублей денег». ⁷⁰⁴ Одновременно шах предпринял новые усилия для утверждения своей власти в Дагестане. В шахский лагерь «Иран хараб» свозились запасы провианта из многих районов Ирана. Наместникам шаха в провинциях было дано указание собрать 9 млн. рублей и укомплектовать 25-тысячный отборный корпус для карательных операций против горцев. ⁷⁰⁵ Им же предлагалось быть наготове, чтобы отправить в Дагестан дополнительные войска.

Несмотря на переживаемые Ираном бедствия, беспощадный аппарат власти приводил в действие шахские указы. Прибывшие в конце апреля из Дербента в Кизляр Захар Григорьев и Умар Ажанаев подтвердили, что в Дербент прибывают свежие войска из Ирана. Сами они насчитали около 20 тысяч, но при них шел разговор о прибытии в Дагестан дополнительно 70-тысячного войска под командованием племянника шаха Али Кули-хана. Они же были очевидцами, как шах с новыми силами выступил против горцев, принуждая их всеми мерами идти в свое подданство, но они «ему шаху сказали, - докладывали они в Кизляр, - что лучше нам идти в подданство к российским, а нежели де к тебе». ⁷⁰⁶

⁷⁰³ Там же, л. 62.

⁷⁰⁴ АВПРИ, ф. 77: Сношение России с Персией, оп. 77/1, 1742, д. 10, л. 61 с об.

⁷⁰⁵ Соловьев С.М. История России. Кн. XI. Т. 22. С. 88.

⁷⁰⁶ АВПРИ, ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1742, д. 10, л. 80.

В начале мая 1742 г. возвратившиеся «из разведывания» Муртузали Картов и Алиш Султанов доложили, что из Муганской степи в направлении шахского лагеря движется 40-тысячное войско узбеков и иранцев, а из Хорасана выступил 12-тысячный отряд афшаров, но шах к тому времени потерпел поражение от горцев и отступил в «Иран хараб». В ярости он обрушился на жителей Предгорья (Казанище, Карабудахкент, Эрпели, Губден, Параул и других аулов), приказав Хасбулату переселить их с семьями к морю, а на их место заселить вновь прибывающих своих воинов. По этой причине, утверждали очевидцы, «оные жители ныне весьма все находятся в сомнении и говорят, ежели б де нас всемилодивейшая государыня приняла в подданство к себе, то б де мы все готовы перейти на ту сторону Койсы и Сулаку для поселения на житье». ⁷⁰⁷

Стараясь удержать шамхала от переселения своих подданных к морю, акушинцы и кумыки выступили с угрозой, что поступят с ним, «яко с неприятелем», разорят его резиденцию, как только шах отступит от Дербента. «И видимо он (шамхал. - Н. С.) от шаха затем и отстать не хочет, - убеждал кизлярского коменданта костековский князь Алиш Хамзин, - а те тавлинцы и прочие горские, а наипаче тарковские жители желают, ежели хотя б мало от стороны российской помощи им дано будет, то все желают быть с российской стороны». ⁷⁰⁸

Приведенные примеры показывают, что в тяжелой борьбе против иранского владычества народы Дагестана все чаще искали покровительства России. Убедительные данные об этом содержатся в обращениях местных владетелей в Петербург через Кизляр и донесениях туда же российских резидентов, аккредитованных при Надир-шахе. Так, обращаясь вторично с аналогичной просьбой в Кизляр в мае 1742 г., мехтулинский владетель Ахмед-хан просил «донести Ея Императорскому Величеству чтоб мы по прежнему были приняты в подданство

⁷⁰⁷ Там же, л. 84 об.

⁷⁰⁸ Там же, л. 100.

российское и в покое нам жить и ежели принять нас соизволите или нет, прикажите нас уведомить и когда в подданство не соизволите принять, то б мы уже не надеялись, но искали бы о своей голове другого случая, а мы хотя какую нужду не терпели, только к шаху в подданство не пойдём». ⁷⁰⁹

Подобные примеры имели не единичный, а массовый характер. Они свидетельствовали о том, что в ориентации народов Дагестана в сторону России происходил новый качественный сдвиг. Подтверждение тому - продолжающие поступать в Кизляр многочисленные обращения о совместной борьбе против иранских завоевателей. «Все горские люди нетерпеливо желают с Российской стороны наступления на шаха, - извещал Братищев свое правительство, - при котором случае, придет в наивысшее ободрение и надежду, последний камень из всей Дагестании против персиян подвигнуть готовы, как о том заявили и в Кизляре Унцукульские и другие старшины и присланный от Усмиева зятя Ахмед-хана нарочный». ⁷¹⁰

Особенно настойчиво с такими просьбами в Кизляр обращались дербентцы и жители близлежащих населенных пунктов, подвергавшиеся постоянному террору со стороны иранских завоевателей. Непосредственный очевидец тяжелых последствий политики Надир-шаха в Дагестане В. Братищев писал: «Дербентцы, другие мещане и деревенские обыватели будучи от тирана к искоренению подвержены, денно и ночью просят у Бога избавления и за особливую благодать признавать готовы, ежели бы Российской власти подчинены были: одним словом редко... от мало до велика такой человек найтись может, который бы к Российскому подданству склонности не имел». ⁷¹¹

Героическая борьба народов Дагестана подрывала базу иранского владычества и заметно ослабляла военно-феодальную державу Надир-шаха. Совпадая со стратегическими

⁷⁰⁹ Там же, л. 113.

⁷¹⁰ Цит. по: Юдин А. И. Россия и Персия в конце 1742 г. С. 383.

⁷¹¹ Там же. С. 385.

целями царского правительства на Кавказе, она встретила взаимопонимание со стороны Петербурга и потому стала важным фактором сближения российских политиков и дагестанских владетелей. Позитивному развитию этого процесса способствовала обширная информация, поступающая от российских резидентов из персидского лагеря, в которой настойчиво подчеркивалась мысль о твердой решимости народов Дагестана отстаивать свою независимость и самим перейти в наступление ⁷¹². Надо полагать, что непримиримая борьба народных масс против иранского владычества оказывала решающее влияние на позиции дагестанских владетелей и старшин, продолжавших активно добиваться покровительства и помощи со стороны петербургского кабинета.

Вместе с тем в донесениях российских резидентов указывалось на возросшую опасность со стороны Ирана южным границам России. С начала 40-х годов эта опасность стала реальной, ибо Надир-шах, подстрекаемый Англией, Францией и Швецией, продолжая опустошать кавказские земли до Сулака, стал предъявлять претензии и на засулакские владения России вплоть до Астрахани. Однако российское правительство, опасаясь разрыва мира с Ираном и антироссийского альянса шаха с турецким султаном, не предприняло решительных мер против агрессивных устремлений иранских завоевателей, ограничиваясь предписанием усилить оборону Кизляра, укрепить Терскую линию наличными силами и т.п.

Заметный поворот в политике России наступил после разгрома полчищ Надир-шаха в горах Дагестана в 1741 г. С этого времени Дагестан приобрел более важное значение в политике России относительно Ирана и Турции, чем это имело место до тех пор. В дальнейшем российское правительство стало активно удерживать Надира от продолжения войны в Дагестане, внушая ему мысль, что ослабление Ирана из-за

⁷¹² АВПРИ. ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1742, д. 10, л. 11 об., 22, 61, 100.

войны с горцами было бы выгодно Османской империи. Через аккредитованных при шахе российских резидентов И. И. Калужкина и Василия Братищева шаху стали внушать, что Дагестанская кампания может иметь для Ирана пагубные последствия.⁷¹³

Учитывая сложившуюся ситуацию, российское правительство действовало осторожно, поощряя горцев в борьбе против Ирана, снабжая провиантом, тайно обнадеживая через дипломатические каналы, хотя кавказская военная администрация, повседневно общавшаяся с местным населением, была готова действовать более решительно. Так, в феврале 1742 г., когда шах поручил шамхалу Хасбулату привести в покорность засулакских кумыков, в Кизляре, Астрахани и Царицыне были приняты предупредительные меры, войска приведены в боевую готовность. Тогда же, в связи с нападением шаха на Бойнак, кизлярский комендант И.В. Засецкий решил по своей инициативе послать на помощь бойнакцам отряд казаков под командой майора Александра Щедякова.

Однако представители вышестоящей российской администрации запретили коменданту сделать это, чтобы избежать ссоры с шахом из-за вмешательства в дела подвластной ему территории. В то же время коменданту поручалось обнадежить тайно аксаевских, костековских и эндиреевских кумыков об оказании им помощи для защиты от неприятеля. «А находящимся в близости персидских границ подданным владельцам, мурзам и прочим, - гласил указ Астраханской губернской канцелярии, - объявить, что они в случае нападения на них будут охранены российскими войсками, а бес причины бы и они с персиянам отнюдь ни в какие ссоры не вступили, для лучшей же безопасности, ежели они пожелают жен и детей их пропустить через Терек на кизлярскую сторону».⁷¹⁴

⁷¹³ Соловьев С. М. История России. Кн. 11, т. 22. С. 197; Годдуси М.Х. Надер-намэ. С. 264.

⁷¹⁴ АВПРИ, ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1742, д. 10, л. 29 об.

В то же время, под прикрытием дипломатических переговоров, втихомолку предпринимались меры для усиления Кизляра новыми силами. Так, 25 марта 1742 г. командующий Царицынской линией генерал-майор А. И. Тараканов ставил в известность кизлярского коменданта, что к нему отправляются с Дона 2000 казаков под видом ремонта крепости, а на деле для предотвращения внезапного нападения иранцев на Засулакскую область. «А шаховым неприятелям яко то лезгинцам, тавлинцам и прочим только в самом секрете (дабы до шаха не дошло), - предупреждал Тараканов, - объявить, что оное войско прибыло для того (их защиты. - Н. С.), понеже персидское войско от границ Е.И. В. не в дальнем состоит расстоянии, но егда же и еще приблизятся будет, то и многое число регулярного войска в скорых числах к Кизляру быть могут которые не в дальнем расстоянии в готовности находятся, дабы через то противу шаха в лучшее одобрение придти могли».⁷¹⁵

Но петербургское правительство действовало более осторожно, не желая вызвать недовольство иранского двора. В указе императрицы Коллегии иностранных дел от 20 апреля 1742 г. относительно засулакских кумыков предлагалось: в пограничных спорах с шахом о них не упоминать, «однако ж тех деревень жителям о том отнюдь не сказывать, а держать сие в высшем секрете, но при всяких случаях пристойным образом по прежнему ласкать и от протекции Е.И. В. не отлучать, но под оной искусным образом стараться содержать».⁷¹⁶

Наряду с этим принимались более решительные меры, направленные на предотвращение вторжения иранских войск в Засулакскую область. В августе 1742 г., когда Надир-шах проник через Сулак на территорию Чечни и пытался навести мосты у местечка Бораган, он вынужден был отступить ввиду официального протеста российской стороны и готовности

⁷¹⁵ Там же, л. 102.

⁷¹⁶ Там же, л. 102 с об.; РГВИА, ф. 410: Материалы по истории народов СССР - коллекции, оп. 1, ед. хр. 106, л. 784.

царских войск «дать Персиянам отпор».⁷¹⁷ Для подкрепления этих мер гребенские казаки поголовно встали на защиту Терской линии. По реке Сулак учредили форпосты, в Эндирее и Костеке выставили воинские части из 2 тысяч драгун, подчиненных кизлярскому коменданту В.Е. Оболенскому.

Кроме того, для усиления Кизляра в крепость направили генерал-майора Тараканова с 3-тысячным войском. Через резидента Братищева шах официально был предупрежден, чтобы не переходил реку Сулак, ибо граница шахских владений на севере проходит по этой реке. В результате принятых мер нашествие иранских войск в Засулакскую область было предотвращено. Современные иранские историки признают, что одним из решающих факторов, удержавших шаха от нападения на Северную Кумыкию и притеречные районы Чечни, явилось его опасение ответных мер со стороны России.⁷¹⁸

Политика правительства Елизаветы Петровны по отношению к местным владельцам и старшинам ободряюще действовала на население края, содействовала дальнейшему расширению и укреплению российского влияния. По признанию иранского историка Экбала, покровительство России Дагестану «поощряло лезгин (дагестанцев. - Н. С.) в борьбе против иранцев».⁷¹⁹

Не случайно летом 1742 г. даже наиболее послушный шаху шамхал Хасбулат стал отходить от него и обратился в Кизляр с просьбой «принять под протекцию Российскую».⁷²⁰ По другим сведениям, воспользовавшись экспедицией шаха в Засулакскую область, Хасбулат бежал от него и в письме к кабардинскому князю Гази-беку Черкасскому так мотивировал свой поступок:

717 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Персией, оп. 89/1, 1742, д. 6, ч. 1, л. 162-163.

718 Годдуси М.Х. Надер-намэ. С. 268-270; Сардавар А.Т. Тарих-е не-зами ва сийаси-е дован-е Надершах. С. 748-750.

719 Экбаль Аббас. Тарих-е мофессол-е Иран аз эстиле-йе могул та энгераз-е Каджари-йе. С. 320.

720 Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа. Ч. 1. С. 228.

следует шаха «впредь не бояться, понеже он последователям своим уже не доверяет и разъезжает с некоторыми только наиболее вернейшими людьми. Дагестанское войско все шаховы пути заперло... отважнейшие из дагестанцев отбили шаховой армии столько лошадей и мулов продают их между себя по два и по три левка... Слышно, что шах в великом беспокойстве, и ежели найдет проезд, то назад (в Иран. - Н. С.) возвратится».⁷²¹

В первой половине 1742 г. с просьбой о покровительстве и помощи в Кизляр обратились 14 наиболее известных и влиятельных владельцев и старшин Дагестана, в том числе уцмий Ахмед-хан, аварский нуцал Магомед-хан и отдельные горские старшины, заверяя в том, что «ежели он (шах. - Н. С.) пойдет на русских, то они, совокупясь с русскими, пойдут на него».⁷²² С середины 1742 г. с аналогичными просьбами в Кизляр повторно обратились многие горские владельцы и предводители девяти союзов сельских общин, в том числе таких влиятельных, как Андийский и Джарский, утверждая, что «ныне мы ухватились Е. И. В. за золотые полы, и другой, кроме Е. И. В., помощи, не имеем и по нашей верноподданнической должности служить готовы».⁷²³

Приведенные сведения достаточно подтверждают, что к середине 1742 г. во внешнеполитической ориентации владельцев и старшин Дагестана произошел качественный сдвиг в сторону России. Однако на пути их дальнейшего сближения нужно было преодолеть не только противодействие шахского двора и Порты, но и западных держав - Англии, Франции и Швеции, поощрявших захватнические устремления иранских и османских правящих кругов в отношении Дагестана и российских земель от Сулака до Астрахани. Свидетельство тому

721 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1742, д. 6, ч. 1, л. 162-164.

722 Там же, ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1742, д. 10, л. 22, 61.

723 РГВИА, ф. 20: Секретная часть экспедиции военной коллегии, оп. 1/47, ед. хр. 12, л. 10; ед. хр. 29, л. 208.

- письмо французского резидента в Петербурге де ля Шетарди своему коллеге в Стамбуле графу Кастеллану от 2 сентября 1741 г. с акцентом на то, что внутреннее состояние Российской империи открывает «свободный путь для татарских вторжений», а «общие религиозные интересы могли бы объединить турок и персов так, что, исходя из этого принципа, они обратили бы свои взоры на возвращение под власть последних, магметанского государства... Астрахань, которую я под этим разумею, могла бы привлечь к себе внимание и честолюбие шаха Надира.»⁷²⁴ Уместно отметить, что план совместного выступления Ирана и Турции против России был выдвинут накануне нашествия Надира на Аварию, что должно было послужить (в случае его реализации) осуществлению гегемонистских замыслов шаха на Кавказе.

Вскоре Англия от дипломатической поддержки шаха перешла к оказанию военной помощи Ирану. Для этой цели был использован английский агент Российской торговой компании капитан Джон Эльтон, установивший личный контакт с шахом в июле 1743 г.⁷²⁵ По рекомендации из Лондона он поступил к нему на службу с годовым жалованьем 6000 рублей и за оказанные услуги удостоился впоследствии звания адмирала иранского флота.⁷²⁶ В то время как российское правительство отказало Надиру в просьбе предоставить ему 10 транспортных судов, часть которых предполагалось использовать в операциях против дагестанских повстанцев, Эльтон взялся за строительство 30 военных кораблей, обучение иранского персонала военному делу, за подвоз боеприпасов и провианта, суточная норма которого на 50 000 человек составляла 250 тонн. Вместе

724 Сб. РИО. Т. 96. СПб., 1896. С. 177-178, 365-366.

725 Юнусова Л.И. Политика Англии в бассейне Каспийского моря в 30-40-х годах XVIII в. в английской историографии //Историография Ирана нового и новейшего времени. М., 1989. С. 254-255.

726 Абдурахманов А. А. Азербайджан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана в первой половине XVIII в. С. 78-79.

с английским купцом Гремом он перевез на своих судах 980 пудов олова для шахской артиллерии, а с капитаном Вудфордом выбрал место для высадки иранского десанта, так как сообщение по суше было блокировано дагестанскими повстанцами.⁷²⁷ Кроме того, по словам Локкарта, «Надир использовал британские корабли для перевозки риса из Персии в Дагестан. Так он прорвал блокаду для перевозки риса своим войскам».⁷²⁸ Военно-политическая поддержка, оказанная Англией Надир-шаху, стала одной из причин, способствовавших сохранению иранского владычества в Дагестане.

В создавшихся условиях позитивное влияние на освободительную борьбу народов Дагестана оказывала политика российского правительства, выступавшего против гегемонистских устремлений Надир-шаха на Кавказе. «Но услуга, оказанная дагестанским горцам в это время, - отмечает О.П. Маркова, - была взаимной».⁷²⁹ Своей героической борьбой народы Дагестана обескровили иранскую армию, сковывали вновь подходящие силы. Не случайно вице-канцлер М.И. Воронцов впоследствии отмечал, что между Ираном и Россией была бы война, если бы горцы Дагестана не остановили зарвавшихся захватчиков.⁷³⁰

На этом фоне иначе выглядела политика Османской империи, правители которой продолжали заверять дагестанцев как единоверных суннитов в своей готовности поддержать их борьбу против «еретиков» - шиитов, но на деле ограничивались отправкой к ним султанских курьеров с грамотами и подарками протурецки настроенным феодалам. Подтверждение тому - заявление отчаявшихся получить реальную помощь от Порты дагестанских посланников весной 1742 г. в Стамбуле о

727 Сардадвар А.Т. Тарих-е незами ва сийаси-йе дован-е Надер-шах-е Афшар. С. 743.

728 Lockart I. Nadir Shah. P. 205.

729 Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. С. 126.

730 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1742, д. 5, ч. 1, л. 16.

том, что они «принуждены будут, турецкой протекции отрешись, еретическую персидскую принять».⁷³¹ Однако даже эта угроза не оказала воздействия на османских министров, оставшихся равнодушными к просьбам горцев о помощи. Как доносил Неплюев 19 мая 1742 г., великий визирь отклонил обращение дагестанцев, «рассуждая, что сии дагестанские угрозы Порте никакой важности суть, понеже ни пребыванием в протекции прибыли нет, ни от отложения от оной вреда».⁷³² Такая политика турецкого двора была на руку иранским завоевателям.

§ 5. Провал завоевательной политики Надир-шаха в Дагестане. Крах «Грозы Вселенной»

Важную роль в провале Дагестанской кампании шаха Надир, наряду с разгромом иранских полчищ в андалалских сражениях 1741 г., сыграли многочисленные победы, одержанные дагестанскими народами в боях с захватчиками в 1742 г. - начале 1743 г. Несмотря на огромные потери предыдущих лет, пользуясь поддержкой западных держав, в частности Англии, в течение 1742 г. Надир-шах предпринял ряд новых попыток покорить дагестанцев и их соседей. Так, в мае 1742 г. во главе 30-тысячного войска он трижды наступал на Табасаран, но вынужден был отходить назад с большими потерями.

В том же году во главе усиленной армии шах двинулся на север и, достигнув района Тарки, разделил ее на две части. Один отряд под его предводительством двинулся снова в Аварию, другой направился для покорения засулакских кумыков. Но, поскольку последняя акция шаха противоречила русско-иранскому договору 1735 г., признававшему Засулакскую часть Дагестана под управлением Российской короны, второму отряду пришлось отказаться от своего намерения из-за опасения

⁷³¹ Там же.

⁷³² Там же, л. 16.

столкновения с Россией.⁷³³ Потерпев поражение на подступах в Аварию, вернулся и первый отряд, за что было расстреляно несколько командиров, удушены 1 тысячник и 4 сотника.⁷³⁴

Наиболее значительными событиями 1742 г. следует считать провал повторных нашествий Надир-шаха на Аварию в сентябре и на Кайтаг и Табасаран в ноябре того же года. Если попытки иранского правителя покорить Табасаран и вторгнуться в Аварию закончились провалом и на этот раз, то сражение за Кайтаг, особенно овладение крепостью Калакорейш (хотя и завершившееся падением этой крепости), стало одной из ярких страниц освободительной борьбы народов Дагестана.

Интересные сведения об этом приводит иранский историк А.Т. Сардадвар. После предварительной констатации факта, что исследователи недостаточно освещают «войну Надир с лезгинами (дагестанцами. - Н. С.) в 1742 г.», которая фактически обернулась для шаха новым поражением, он пишет, что, выделив 20-тысячное войско для похода на Кайтаг, Надир-шах надеялся на легкую победу. Исходя из этого предположения, подтянув свежие силы, 2 сентября 1742 г. он двинулся в сторону Акуши, поручив отряду туркменских воинов наступать на Калакорейш, где находился «его враг номер один - уцмий Ахмед-хан».⁷³⁵

Однако кайтагцы, предупрежденные о предстоящем походе шаха своими сторонниками из иранского лагеря, заранее заняли горные ущелья, чтобы достойно встретить противника. Получив информацию об этом через своих лазутчиков, шах велел командующему отрядом туркменских воинов заблаговременно занять возвышенность на подступах к Калакорейшу. Но выполнить эту задачу туркмены не смогли. Попав в ловушку в узком ущелье, этот отряд подвергся разгрому, за что Надир

⁷³³ Тамай А.И. К вопросу о провале Дагестанской кампании шаха Надир. С. 124.

⁷³⁴ АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1742, д. 5, ч. 2, л. 636.

⁷³⁵ Сардадвар А.Т. Указ. соч. С. 751.

собственноручно убил несколько офицеров, а других велел казнить без суда.⁷³⁶ Утешением для шаха послужило лишь то, что гонец доставил известие об окружении Калакорейша отрядами абдалинцев под командованием Абдали Гани-хана. Поставив в пример другим действия этого отряда, шах поручил абдалинцам блокировать эту крепость, а сам с трехтысячной афшарской кавалерией решил двигаться в сторону Аварии.

Однако вступить в Аварию на сей раз шаху не пришлось. По словам Сардадвара, уцмий Ахмед-хан, лелеявший мечту собственноручно покончить с шахом в личном поединке, во главе закаленных воинов вышел из крепости и преградил ему путь в сторону Аварии. Разъяренный шах также решил убить Ахмед-хана, но не смог отыскать его среди кайтагских воинов. Началась ожесточенная битва, во время которой шах услышал обращенный к себе на турецком языке голос уцмий: «Теда, гьардасан, Афшар-оглу? Чих так-так дауша!» («Где ты, сын афшара? Давай сразимся один на один!»).⁷³⁷ Надир не дрогнул и тоже ответил ему по-турецки: «Къайна атам! Мен бурдам гьазир гьастам» («Тесть мой, я здесь, я всегда готов»)⁷³⁸

После обмена этими словами уцмий и шах, закаленные во многих боях, устремились друг на друга: Ахмед-хан - сверху, Надир-шах - снизу. В ходе поединка на длинных копьях, как свидетельствует автор, 76-летний уцмий явно стал одолевать 54-летнего шаха, ввиду чего телохранители «Грозы Вселенной», опасаясь за жизнь своего повелителя («в нарушение своих древних традиций: не вмешиваться тогда, когда сражаются два полководца. - Н. С.), устремились на помощь Надиру, иначе исход поединка мог быть иным... Когда лезгины почти окружили Надира, он понял, что его войско потерпело поражение. Видя это, афшарцы стали отступать и спасли его».⁷³⁹

⁷³⁶ Там же, с. 752.

⁷³⁷ Сардадвар А.Т. Тарих-е незами ва сийаси-йе дован-е Надер-шах-е Афшар. С. 752.

⁷³⁸ Там же. С. 756.

⁷³⁹ Там же. С. 757.

К исходу этой битвы прибыл гонец от Абдали Гани-хана с известием о том, что, если он получит подмогу, то завтра же абдалинцы овладеют Калакорейшем. Это известие ободрило шаха, который для спасения своей репутации заявил: «Мы отказались от завоевания Аварии, чтобы захватить эту крепость (Калакорейш. - Н. С.)».⁷⁴⁰ Посланника Гани-хана он заверил, что без промедления прибудет сам для взятия этой крепости.

Но до прибытия шаха в Калакорейш туда возвратился уцмий Ахмед-хан, лично возглавивший оборону крепости. С появлением шаха на следующий день иранские войска, значительно превосходившие по численности защитников крепости, попытались овладеть ею штурмом, но навстречу врагу вышли осажденные воины во главе с уцмием, который снова вызвал шаха на поединок. Под видом принятия этого вызова Надир совершил молниеносное нападение на них, заставил отступить в крепость, и по стопам отступающих абдалинцы ворвались в Калакорейш. Рукопашный бой длился три часа. Разъяренные воины шаха устроили кровавую резню. «Такого истребления защитников не было за 2 700 лет истории Азии и Европы! - восклицает автор. - Крепость пала, но семьи лезгин (кайтагцев. - Н. С.), чтобы не попасть в плен, кончали жизнь самоубийством. Лезгинские женщины сами убивали своих детей, а затем бросались в пропасть. Иранцы не смогли взять в плен даже одного человека».⁷⁴¹ Раненый уцмий со своими приближенными бежал в Аварию. После падения Калакорейша шах заявил, что важнейшая крепость в Дагестане в его руках и нет надобности идти в Аварию. Однако, по мнению Сардадвара, он «боялся потерять еще больше войск и решил вернуться в «Иран хараб»».⁷⁴²

⁷⁴⁰ Сардадвар А. Т. Тарих-е незами ва сийаси-йе дован-е Надер-шах-е Афшар. С. 757.

⁷⁴¹ Там же. С. 758-759.

⁷⁴² Там же. С. 759.

Поредевшие части иранской армии повернули к Дербенту и стали скапливаться в иранском лагере. Приведя их в порядок новым пополнением, в конце 1742 г. шах предпринял несколько карательных экспедиций в Табасаран, Кайтаг, на даргинские и аварские общества, но снова понес большие потери. Убедившись в очередной раз в невозможности покорить Дагестан силой, он пытался сохранить свою призрачную власть хотя бы номинальным признанием ее со стороны местных владетелей за соответствующее вознаграждение. По верному наблюдению Братищева, шах надеялся «дачею денег и кафтанами уладить дело с лезгианами (дагестанцами. - Н. С.)». ⁷⁴³

С этой целью в разные концы Дагестана с деньгами и подарками засылались многочисленные агенты. Достаточно сказать, что только в адрес Сурхай-хана, находившегося тогда в Аварии, для подкупа местной феодальной знати было выделено 40 тыс. рублей. ⁷⁴⁴ Но дагестанцы не поддались на эту приманку и с прежним упорством продолжали борьбу, о чем свидетельствует следующий случай. Однажды Сурхай, протщупывая настроение сына Магомед-хана, задался вопросом: не собирается ли он прекратить борьбу против иранцев? В ответ оскорбленный сын, обнажив кинжал, пригрозил отцу, что «единое напоминание» об этом «старости его вредит», а затем категорически заявил, что «никогда шаху послушание принести мысли не имеет». ⁷⁴⁵

Народы Дагестана с каждым днем наращивали удары по местам дислокации вражеских войск. Как и прежде, они все чаще нападали на «Иран хараб», громили обозы, мешали доставке провианта в шахский лагерь. Оказавшись под угрозой блокады своего лагеря на путях со стороны Ирана, шах пытался покупать провиант у кумыков, ногайцев и калмыков, но они

⁷⁴³ Юдин А.П. Россия и Персия в конце 1742 г. С. 380.

⁷⁴⁴ АВПРИ, ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1742, д. 5, ч. 1, л. 80.

⁷⁴⁵ Там же, л. 299-300.

отказывались от снабжения шахской армии и сами нападали на иранские отряды. К тому же российское правительство, чтобы затруднить положение иранской армии, специальным указом запретило ввозить продовольствие и лошадей в иранские порты Каспийского моря. ⁷⁴⁶ Политика русского двора, оказывавшего негласную поддержку владетелям и старшинам Дагестана материальными и морально-политическими средствами для свержения иранского владычества, способствовала усилению пророссийской ориентации местного населения. ⁷⁴⁷

Подтверждение тому - массовое обращение владетелей и старшин за покровительством к России по мере ослабления иранского владычества. Как доносил 15 января 1743 г. генерал-майор Тараканов, владетели и старшины, живущие «от Малой Кабарды в длину по горам до Сурхаева владения на четырехстах, а поперек до Грузии на трехсот верстах», обратились к нему письменно «присягою утвердя о принятии всех их в верное и вечное Е. И. В. подданство». ⁷⁴⁸

В ответ, как обычно со стороны шаха, последовали жестокие репрессивные меры. В назидание другим шах решил «проучить» многих, но особенно тех, кто более активно выступал за покровительство России - северных кумыков. В начале февраля 1743 г. с 12-тысячным корпусом, 35-ю орудиями и 15-ю мортирами он внезапно пересек Сулак, разорил Эндирей, Костек и Аксай и двинулся к Тереку. Российское командование в Кизляре приняло срочные меры для защиты кумыков и сохранения их на своей стороне. К кумыкским, чеченским и кабардинским владетелям были направлены специальные прокламации, призывавшие их не поддаваться на угрозы иранского

⁷⁴⁶ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа. Ч.1. С. 212.

⁷⁴⁷ Гаджиев В. Е. Вхождение Дагестана в состав России // Дагестан в составе России: исторические корни дружбы народов России и Дагестана. Махачкала, 1989. С. 25.

⁷⁴⁸ РГВИА, ф. 20: Секретная часть экспедиции военной коллегии, оп. 1/47, ед. хр. 242, л. 6.

шаха. Авангардные русские отряды двинулись на выручку жителям Аксая, Костека и Эндирея. Гребенские казаки усилили форпосты, расположенные на левом берегу Терека от Червленого городка до Каспийского моря.⁷⁴⁹ Меры, предпринятые российской стороной, оказали отрезвляющее воздействие на зарвавшегося завоевателя. Оставив за собой разоренные села и груды пепла, шах поспешно отошел к Дербенту.

Оставшиеся без продовольствия иранские войска терпели страшные бедствия. В иранской армии началось массовое дезертирство. Длительные войны и огромные расходы, поглощавшие людские силы страны и материальные средства государственной казны, вызывали недовольство внутренней и внешней политикой Надир-шаха. В таких условиях поддержка Россией освободительной борьбы народов Дагестана, взявших курс на взаимодействие с ней в борьбе против общей опасности, вынудила правящие круги Ирана, прежде всего окружение самого шаха, пересмотреть свои замыслы. Не случайно в донесениях В.В. Братищева из ставки шаха в конце 1742 г. - начале 1743 г. не раз подчеркивалось, что министры шаха, узнав о том, что «в российских границах взяты достаточные к обороне меры ... его величество от таких намерений (вторжения. - Н. С.) секретно отвращают... почему его величество склоняется нападению на российские порубежные места (Дагестан. - Н. С.) забвению предать».⁷⁵⁰

Определяющим фактором для принятия такого решения послужили неоднократные поражения Надир-шаха в Дагестане и начавшиеся антииранские восстания в Ширване, охватившие территорию от берегов Каспийского моря до Гянджи.⁷⁵¹ Убедившись в том, что продолжение войны в Дагестане

749 Потто В. А. Два века Терского казачества (1557-1801). Т. 2. Владикавказ, 1912. С. 57-58.

750 РГВИА, ф. 20: Секретная часть экспедиции военной коллегии, оп. 1/47, ед. хр. 242, л. 2.

751 Алиев Ф.М. Антииранские выступления. С. 137.

не принесет ничего иного, кроме новых затруднений и роста недовольства в самом Иране, Надир-шах вынужден был отступить из Дагестана под предлогом продолжения войны с Турцией. Однако подлинную суть этого решения шаха правильно выразил румынский историк Николай Йорга, который особо подчеркнул: «Когда шах напал на лезгин (народы. - Н. С.) Дагестана, они успешно защищались и решили обратиться за помощью к российской императрице, так что в начале 1743 г. Надир-шах вынужден был оттянуть свои войска из диких кавказских ушей».⁷⁵²

Сказанное подтверждается и тем, что, объявив войну Ирану 4 апреля 1742 г., османские правящие круги не оказали содействия народам Дагестана в их борьбе против Надир-шаха. Они ограничились лишь тем, что с целью ослабления Надир-шаха турецкие власти стали рассылать воззвания в поддержку выдвинутых ими на кавказскую политическую сцену самозванцев под предлогом защиты мнимых прав «законных» наследников Сефевидов.

Так, одному из них, известному в источниках под именем Сефи-Мирзы и подготовленному к своей роли сераскером Ахмед-пашой Хамал-оглу, были вручены письма султана Махмуда I владетелям и старшинам Кайтага, Аварии, Казикумуха, Табасарана, Дербента, Ширвана, Джары и Талы с призывом оказать содействие «наследному принцу» сефевидского престола в выполнении возложенной на него миссии.⁷⁵³ В личном послании уцмию Ахмед-хану, прельщая его титулом дагестанского шамхала, султан предлагал действовать совместно с сыном Сурхая Магомед-ханом, обещая прислать в помощь 10-тысячный корпус крымских татар.⁷⁵⁴ При этом Махмуд I заверял:

752 Jorga N. Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. 4. Qotha, 1911. S. 445.

753 Хроника войн Джара... С. 38; Пигулевская Н. В. и др. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1958. С. 324-325.

754 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1743, д. 5, л. 387, 591, 605, 606, д. 6, ч. 1, л. 55.

«По милости божьей, когда упомянутый принц утвердится на похищенном престоле своих предков, тогда он уступит бывшие прежде сего в составе нашего государства области Шемахинскую, Ширванскую, Гянджинскую, Тифлисскую и Эриванскую, и герои и храбрецы Дагестанские получают в пользование весьма достаточные провинции». ⁷⁵⁵ Сефи-Мирза был отправлен в Карс, а вместе с ним 20-тысячное войско и эмиссар Юсуф-паша с большой суммой денег для дагестанских владетелей. ⁷⁵⁶

Однако планам Порты не суждено было сбыться. Отступившая из Дагестана в начале февраля 1743 г. армия шаха приняла участие в сражении с османами в Закавказье. Наступление войск Надир-шаха на Карс и осада им Мосула вынудили султана отозвать своего агента, но не остановили османскую верхушку от попыток реализовать подобные планы в дальнейшем. Тактика, избранная Портой, не способствовала усилению ее влияния в Дагестане. Более эффективными выглядели действия царского правительства, продолжавшего оказывать материальную и иную поддержку местным владетелям и старшинам. ⁷⁵⁷

Пример тому - продолжавшие поступать обращения от них в Петербург и Кизляр с просьбой принять в подданство и под покровительство России. Так, с аналогичными просьбами к российским властям в марте 1743 г. обратились «владельцы Кайтага, Аварии, Дженгутая и горские старшины», заверяя в желании «стать вечными и верными подданными России». ⁷⁵⁸ В августе того же года удмий Ахмед-хан и другие владетели повторно заявили, что «желают и просят российской протекции». ⁷⁵⁹ Обобщая поступившие за год обращения в Кизляр, 30 декабря 1743 г. А.И. Тараканов доносил в Петербург,

⁷⁵⁵ АКАК. Т. 2, 1869. С. 1081-1082.

⁷⁵⁶ Olson R. The Siege of Mosul. P. 186-187.

⁷⁵⁷ Русско-дагестанские отношения в XVIII - начале XIX в. Сборник документов. Махачкала, 1988. С. 72-73.

⁷⁵⁸ РГАДА. Разряд 15: Госархив - дипломатический отдел, д. 65, л. 3-4.

⁷⁵⁹ АВПРИ, ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1743, д. 4, л. 348.

что «горские сдва не все владельцы и правители... все согласно ко отпору шахову готовности и о принятии их в высочайшее Е. И. В. подданство ... просят». ⁷⁶⁰

Однако на пути дальнейшего развития российско-дагестанских отношений возникли новые преграды. Позитивное развитие этих отношений обеспокоило правящие круги Османской империи, опасавшихся усиления влияния России в этом регионе. Не случайно 1744 г. прошел под знаком активизации усилий Порты, направленных на склонение на свою сторону наиболее влиятельных владетелей и старшин Дагестана. Но добиться этой цели Стамбулу не удалось. Выдвижение на сцену новых самозванцев, призванных ослабить влияние Надир-шаха и упрочить позиции османских правителей, не дали положительных результатов. Несмотря на противодействие восточных держав, объективный ход событий работал в пользу расширения дагестанско-российских отношений.

Такая ситуация для народов Дагестана оказалась крайне важной накануне последнего нашествия Надир-шаха Афшара. В конце 1744 - начале 1745 гг. по Дагестану прокатилась новая волна антииранских выступлений. Восставшие наносили одно поражение за другим размещенным здесь шахским гарнизонам и подступившим к Дербенту войскам Гани-хана. ⁷⁶¹ Это восстание, как отмечается в одной из работ, «представляло собой высшую точку развития освободительного движения на севере Азербайджана и Дагестане, так как... наносило удар по одному из сильнейших оплотов власти иранского шаха в этих странах - по дербентскому гарнизону» ⁷⁶². Обеспокоенный Надир выступил из Барды и с 30-тысячным войском к концу декабря 1744 г. подошел к Дербенту.

⁷⁶⁰ РГВИА, ф. 20: Секретная часть экспедиции военной коллегии, оп. 1/47, ед. хр. 242, л. 1; ф. 410: Материалы по истории народов СССР - коллекции оп. б/н, ед. хр. 106, л. 414, 416.

⁷⁶¹ История Дагестана. Т. 1. С. 372-373.

⁷⁶² История Азербайджана. Т.1. Баку, 1958. С. 328.

С приходом шаха во главе этих сил к этой крепости ситуация изменилась в пользу Ирана. Обуславливалось это тем, что Россия продолжала официально сохранять нейтралитет, а султан Махмуд отказался от посылки крымских татар в самый разгар антииранских восстаний. Тем не менее Порты продолжала заверять дагестанских владетелей в готовности «дать немалое число из собственных войск», когда дагестанцы «с немалыми силами» вторгнутся в Грузию, где вместе с османами «легко могут шаха повредить». Российский резидент в Стамбуле А.А. Вешняков, вскрывая сущность этого курса султанского правительства, указывал, что «султан на дагестанцев мало полагается, а паче опасается, что такой поход России будет столь же подозрителен, как и прежний».⁷⁶³

В создавшейся ситуации в Стамбуле решили оказать предпочтение мехтулинскому владетелю Ахмед-хану, сыгравшему важную роль в Аймакинском и в Андалалских сражениях три года назад. Специальным фирманом султана Махмуда в конце 1744 г. он был признан шамхалом Дагестана⁷⁶⁴ с присвоением чина Силахшора⁷⁶⁵ (генерального инспектора турецкой армии. - Н. С.), но с тем условием, что в подходящий момент он примет участие в восстановлении на престоле «законного» отпрыска Сефевидской династии. Одновременно для подкупа других представителей местной знати была выделена значительная сумма денег, в том числе: 100 «мешков» (1 «мешок» = 500 куруш) - сыну Сурхая Магомед-хану, 6 - Сурхаю, 20 - старшинам Джары и Талы, 6 - Мухаммед-беку сыну Али-бека и 8 «мешков» - Малладжу.⁷⁶⁶ Кроме них, уцмию Ахмед-хану - 2 тысячи куруш, аварскому нуцалу Магомед-хану и его родственникам - богатые подарки.⁷⁶⁷

763 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1744, д.6, ч. 1, л. 55.

764 Березин И.И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Ч. 1. Казань, 1850. С. 82.

765 Бакиханов А.-К.А. Гюлистан-и Ирам. С. 150.

766 Хроника войн Джара. С. 40-41.

767 Erel Ş. Dağıstan ve dağıstanlılar. S. 107.

Однако, не получая реальной помощи от Порты, горские владетели и старшины не откликнулись на ее посулы. Высланные им деньги были перехвачены иранским командующим в Гяндже Хаджи-ханом, а отправленные в сторону Ширвана турецкие войска разгромлены на реке Арагви грузинским царем Ираклием. «Итак вся безрассудно возложенная надежда на дагестанцев ныне с чувствительным уроном исчезла, - сообщили Вешнякову османские министры, - и зачинщик сего дела, зомовой Ибрагим Ага ...яко изменник Порте Ерзерумским пашею Хамал-Оглу казнен за то, что ложно уверял Порту, будто генерально дагестанцы со усердием готовы были на желания Ея склониться, и животы свои за оную положить, но вопреки того оные Порте добра не желают и только деньги и подарки, бездумно им представляемые, выманивают, а после ей же насмеваются».⁷⁶⁸

Уместно отметить, что такая политика Порты в отношении Дагестана не стала препятствием на пути очередного нашествия Надир-шаха. Последний (четвертый) поход Надира, предпринятый в плоскостные районы, угрожал не только дагестанцам, но и южным границам России. Предупреждая своевременно об этой опасности, В.В. Братищев предлагал предпринять «при Кизляре крепчайшие осторожные меры и содержать эндириевских и аксаевских владельцев в порядочном состоянии».⁷⁶⁹ Между тем неоднократные обращения кизлярского коменданта В.Е. Оболенского к астраханскому губернатору В.Н. Татищеву о необходимости прислать новые подкрепления остались без последствий. Малочисленность кизлярского гарнизона сковывала действия местного командования, что определило непоследовательность внешнеполитической ориентации отдельных владетелей и старшин.

768 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/2, 1744, д.5, л.271 об., 172.

769 РГВИА, ф. 20: Секретная часть экспедиции военной коллегии, оп. 1/47, ед. хр. 242, л. 13.

Пользуясь этим, Надир-шах предпринял ряд военных и дипломатических акций, стараясь прервать процесс укрепления пророссийской ориентации населения Дагестана и вынудить горцев подчиниться себе. Несмотря на зимнюю пору, 6 января 1745 г. со значительными силами он выступил из Дербента. В течение нескольких дней аулы Карабудахкент, Губден, Отемьш и Бойнак были разрушены, их жители уничтожены или репрессированы, а 100 тыс. голов скота доставлено в иранский лагерь, чему «шах персидский стал очень рад». ⁷⁷⁰ Окрыленный этим успехом, шах задумал повторить карательную экспедицию на Сулак, Табасаран, Куру и Кайтаг, чтобы «разорить все, что только было возможно и что уцелело от предшествующих его походов». ⁷⁷¹ Но, как и следовало ожидать, в обстановке подъема освободительной борьбы и дальнейшего сближения Дагестана с Россией эти попытки были обречены на провал. Укрепившись в заранее подготовленных местах, горцы нанесли захватчикам очередное поражение. Попытки подкупа местных владетелей и провоцирования их против России имели тот же финал.

Оказавшись в политической изоляции, шах пытался укрепить свои позиции сменой своих ставленников. Из-за подозрений в тайной измене он лишил шамхальского титула Хасбулата, утвердив на его место Эльдара, но тот оказался политическим банкротом ввиду недовольства своих подданных и стал искать возможность перейти под покровительство России. «Но сей (Эльдар. - Н. С.) подвержен был опасности, - пишет о нем Лерх, - ибо говорили, что лишь только персияне отсюда удалятся, то он будет татарами (кумыками. - Н. С.) убит; чего ради, оставив Тарку, поехал он к нам». ⁷⁷² Не дало ожидаемого

⁷⁷⁰ Там же, ед. хр. 272, л. 27-293; Астрадади М.М. Джанхонгоша-с Надири. С. 405.

⁷⁷¹ Комаров В.А. Материалы по истории Дагестана // ССКГ. Вып. 2. Тифлис, 1864. С. 13.

⁷⁷² Лерх И. Я. Продолжение известия о втором путешествии. Ч. 50. С. 87.

эффекта и назначение уцмием Кайтага кубинского владетеля Гусейн Али-хана. Касаясь бесперспективности этого назначения, Лерх подчеркивает, что прежний уцмий Ахмед-хан, которому исполнилось около 80 лет, «находился в беспрестанных спорах» с шахским ставленником и изгнал бы его немедленно, «когда бы только персияне оттуда удалились, потому что он гораздо его сильнее». ⁷⁷³

Одновременно шах пытался продлить свое пребывание в Дагестане путем укрепления Дербента, куда он перенес ставку в январе 1745 г., но фактически вынужден был признать банкротство своей политики и возрастающее влияние политики Петербурга. Так, обращаясь однажды к захваченным в плен горским старшинами, он заявил: «Бездельники вы, когда я к вам в Дагестанию прибуду, тогда вы мне верными себя показываете, почитаете меня хуже бабы, разве вы не видите андреевцев и аксаевцев, что живут они у российской Государыни в подданстве, однако верности своей не нарушают и почитают ее, а вам разве кроме моего владения разорить некого, а ежели жилище разорять а оттого себе добычи и славу получать, то пойдите де на мое место и разорайте... Кабарду и Калмык» ⁷⁷⁴ (подданных России. - Н. С.).

Таким образом, несмотря на все старания, Надиру и на сей раз не удалось ни покорить народы Дагестана, ни восстановить их против России. Наоборот, желая избавиться от иранского гнета, они охотно переходили под ее покровительство. Касаясь настроения жителей Дагестана и других областей Кавказа, оказавшихся под ярмом иранского владычества, В.В. Братищев особо подчеркивал: «Здешний народ всякого звания с вожделенною радостью пришествия российских сил ожидает в уповании, яко б тем способом от тиранских надыровых рук

⁷⁷³ Там же. С. 83.

⁷⁷⁴ РГВИА, ф. 20: Секретная часть экспедиции военной коллегии, оп. 1/47, ед. хр. 242, л. 73-74.

единожды избавиться».⁷⁷⁵ Пограничные российские власти также доносили, что «усиление российских войск в Кизляре даст возможность склонить горские народы к России».⁷⁷⁶

Учитывая значение Дагестана в своей восточной политике и стремление его народов избавиться от иранского гнета, с начала 1745 г. царское правительство осуществило ряд мер для усиления здесь своего влияния. Взамен безынициативного астраханского губернатора В.Н. Татищева сюда был направлен опытный в обращении с горскими народами князь В.В. Долгорукий с устным предписанием привести их в подданство России. Для дипломатического давления на шаха в Дербент отправился искусный в восточных делах дипломат М.М. Голицын. Для усиления российского командования в феврале 1745 г. в качестве командующего войсками в Кизляр был возвращен опытный во взаимоотношениях с кавказскими горцами сподвижник Петра I генерал-майор Д.Ф. Еропкин⁷⁷⁷. В создавшихся условиях правительство сочло целесообразным вновь «ввести в жилище андреевския и аксайския войска тайно». С этой целью из Астрахани в Кизляр были переведены 6 драгунских полков, 2 пехотных полка и 1 драгунская рота.⁷⁷⁸

Влияние России усиливалось и тем, что часть российских войск, находившихся в Кизляре, вместе с гребенскими и терскими казаками была расквартирована по р. Койсу для наблюдения за передвижением иранской армии. Шаги, предпринятые Петербургом, способствовали стабилизации положения и позитивно сказались на настроении местного населения, укрепляя его готовность к борьбе против шахских карателей.

⁷⁷⁵ Цит. по: Арунова М.Р. Ашрафян К.З. Государство Надир-шаха Афшара. С. 24.

⁷⁷⁶ РГВИА, ф 20: Секретная часть экспедиции военной коллегии, оп. 1/47, ед. хр. 242, л. 12.

⁷⁷⁷ Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII-начале XIX вв. От Константинопольского договора до Гюлистанского контракта: 1700-1774 г. Махачкала, 2012. С. 148.

⁷⁷⁸ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа. Ч.1. С. 232.

Это же способствовало тому, что четвертый поход Надир-шаха, как и предыдущие три похода (1734, 1735, 1741 г.), закончился полным провалом. «Многочисленные кровавые походы в Дагестан шаха Надира для наказания непокорных владетелей и горцев, - писал Неверовский, - только на время смиряли хищных лезгин. - Когда же в 1741 г. шах Надир в походе своем на Аварию потерпел поражение при Чохе, в Андалалском обществе, и принужден был отступить в Кази-Кумух, тогда власть персиян на Кавказе была сильно потрясена, и страх, внушенный Надиром, начал исчезать. Во время последнего похода Надира в 1744 г. уже немного владетелей являлись к шаху с покорностью».⁷⁷⁹

В марте 1745 г., не добившись своих целей и на этот раз, потеряв большую часть вновь укомплектованной армии, Надир-шах отступил в глубь Ирана, надеясь взять реванш в продолжении войны с Османской империей.⁷⁸⁰ «Победитель Великого Могола, - пишет Соловьев, - не мог ничего сделать лезгинцам и с радостью должен был схватиться за предлог окончить тяжкую и бесславную борьбу, начавши новую войну, более легкую и выгодную».⁷⁸¹

Военные действия между ними возобновились летом того же года и завершились новым поражением османских войск под Ереваном в августе 1746 г. В ходе очередного конфликта обе стороны были крайне обескровлены и искали мирного исхода на взаимно приемлемых условиях. Такой основой для них послужил подписанный 4 сентября 1746 г. мирный договор, который возвратил соперников к границам Касре-Ширинского соглашения 1639 г.

Этот договор, признававший формально независимость Северо-Восточного Кавказа от договаривающихся сторон, допускал на деле немало возможностей для вмешательства их во внутреннюю жизнь народов региона. В частности, в IV пункте

⁷⁷⁹ Неверовский А.А. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. С. 13.

⁷⁸⁰ Астрабади М.М. Джанхонгоша-е Надири. С. 406.

⁷⁸¹ Соловьев С. М. История России. Кн. XI. Т. 22. С. 386.

трактата оговаривалось, что «народ лезгинской и другие находящиеся в тех краях вольными имеют остаться ... в их правление и дела не вступаться, а буде против Блистательной Порты или против персического государства какое их неприятельское намерение откроется, то по сношению обеих сторон вольно по вине их наказать».⁷⁸²

Эта возможность совместных действий воспринималась некоторыми современниками как свидетельство антиросийских настроений иранских и османских правителей, непосредственно затрагивающих интересы и безопасность народов региона, в том числе и Дагестана. Так, 4 декабря 1746 г. канцелярия Донского войска на основе сведений, полученных от посланных в Крым и Азов лазутчиков, сообщила о том, что «турецкий султан с шахом персическим мир заключили и подлинным намерением между собой утвердились: шаху идти будущей весною к Астрахани, а султану турецкому отправить для взятия Азова к тамошним местам войски».⁷⁸³ Для решения этой задачи шах рассчитывал использовать в своих интересах агрессивный настрой крымского хана Селим-Гирея II, надеясь столкнуть его с Россией. «Прибыли от персидского шаха к хану крымскому послы, - доносил 27 апреля 1747 г. кизлярский комендант А.П. Девиц, - чтоб он, хан, своим войском шел вспоможение персическому шаху для разорения российских народов». От себя генерал особо добавил, что «оня известия заподлинные».⁷⁸⁴

Приведенные свидетельства подтверждают, что шах не отказался от притязаний на кавказские земли, особенно на Дагестан, даже тогда, когда его империя оказалась на грани распада. Более того, по сообщениям осведомителей из Дербента

782 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1746, д. 9, л. 29 с об.

783 Там же, д. 2, л. 12; ЦГАРД, ф. 379: Канцелярия коменданта г. Кизляр. Оп. 1, д. 14, л. 22б.

784 РГВИА, ф. 20: Секретная часть экспедиции военной коллегии, оп. 1/47, ед. хр. 281, л. 30.

и Эндери, в апреле 1746 г. шах вызвал в Исфахан шамхала Эльдара, подверг его пыткам и, когда тот пришел в себя, приказал с 30-тысячным войском идти в Дагестан, разорить всех дагестанских владетелей, арестовать и отправить под конвоем к нему Хасбулата или его «убить и голову прислать». Эльдар, выразивший сомнение в возможности выполнить этот приказ, снова был закован в цепи и брошен в темницу. «Я де зарекался в Дагестан ходить, - заявил шах перепуганному Эльдару через трое суток, - а ныне де ... сего мая неотменно буду в Дагестанию и везде дагестанских жителей в конец разорю и дома их сожгу».⁷⁸⁵

Однако исполнить эту угрозу Надир-шах не мог: провалившаяся Дагестанская кампания, особенно в Аварии и Лакии, свидетельствовала о несбыточности этих надежд. Положение усугублялось тем, что ввиду провала этой кампании шах не смог справиться и с острыми внутренними проблемами в своем государстве, оказавшемся на грани развала. Длительная и упорная освободительная борьба народов Дагестана, как и других народов Кавказа, поглотившая огромные людские и материальные ресурсы империи Надир-шаха, сыграла свою роль в крушении этой монархии.

По мере усиления сепаратистских тенденций и внутреннего распада империи Надир лишился социальной опоры своей власти, что вынуждало шире использовать методы устрашения и террора. Не случайно последние годы правления шаха современники называют подлинным кошмаром. Истязания, убийства и казни невинных людей, конфискация имущества для покрытия огромных расходов на постоянные войны приняли чудовищные размеры. «Самым жестоким наказанием являлось то, - свидетельствует очевидец, - когда привязывают за ноги к дереву, кладут на спину и до тех пор бьют

785 ЦГАРД, ф. 379: Канцелярия коменданта г. Кизляр, оп. 1, д. 112, л. 6 об., 7, 13 об., 19 об.; Русско-дагестанские отношения в XVIII - начале XIX в. М., 1988. С. 80.

двумя палками по подошве ног, пока видны станут голые ноги. Сие наказание употребляют они вместо пытки, чтобы людей привести к признанию; а наипаче производили оную персияне при нынешних утеснениях, для доставления шаху денег, который по всей Персии разослал большую часть афганцев ради собирания наложенной подати, что он делал уже до трех раз: ибо шах думал чрез сие привести их всех в обуздание, чтобы не имея денег не могли они производить возмущение». ⁷⁸⁶

Последствия этой политики оказались трагическими не только для народов, подвергшихся нашествиям Надир-шаха, но и для самого Ирана. И.Я. Лерх и его спутники, проезжавшие по Дагестану, Азербайджану и Гилян у в 1746-1747 гг., видели «множество невспаханых полей и впусе лежащих деревень, чему причиною был шахов поход на Дербент», ⁷⁸⁷ видели «много нищих, как молодых, так и стариков..., у которых или были выколоты глаза или обрезаны уши и нос». ⁷⁸⁸

Для устрашения непокорных по велению шаха в 15 верстах от места слияния Аракса и Куры была выстроена конусообразная башня, в которую замуровали 192 человеческие головы так, чтобы «лица их снаружи были видны». ⁷⁸⁹ По свидетельству современного иранского историка Табризи, таким способом шах пытался спасти агонизирующий режим, собрать с каждой области и провинции от 15 тыс. до 100 тыс. туманов. ⁷⁹⁰ Однако эти попытки оказались эфемерными и выглядели нереальными в глазах современников. «Даже если бы листья на деревьях были золотыми, - цитирует он Мирзу Мехди-хана, - то и тогда не хватило бы их для уплаты налогов». ⁷⁹¹ По мнению автора, такая политика Надира вы-

786 Лерх И. Я. Продолжение известия о втором путешествии. Ч. 53. С. 32.

787 Там же. С. 47.

788 Там же. Ч. 53. С. 30.

789 Там же. С. 32.

790 Tabrisi P. R. Iran unter Karim Han (1752-1757). Gottingen, 1970. S. 5.

791 Там же.

звала недовольство не только простых людей, но и лиц из его окружения, которые «воспылали к нему ненавистью». ⁷⁹² Против шаха стала выступать ранее преданная ему феодально-кочевая знать. В результате заговора придворных Надир-шах был убит в ночь с 20 на 21 июня 1747 г. ⁷⁹³

Так завоевательная политика «Грозы Вселенной» потерпела окончательный крах, положивший конец притязаниям иранских феодалов на Дагестан до воцарения Каджарской династии в конце XVIII в. Угроза Дагестану с их стороны временно отпала ввиду распада державы Надир-шаха и начавшейся длительной кровавой борьбы за власть между его наследниками. Но это не означало, что народы Дагестана избавились от опасности установления иноземного господства. Воспользовавшись начавшейся в Иране династической борьбой, Порта попыталась вернуть себе утраченные позиции. С этой целью она проводила военные демонстрации, засылая к горцам своих агентов, которые должны были убедить местных правителей принять османское подданство и выступить против России. ⁷⁹⁴

Свои меры предпринял и петербургский двор, не желавший допустить усиления влияния османов на Кавказе. Как только была получена весть о смерти Надир-шаха, канцлер А.П. Бестужев-Рюмин предложил императрице Елизавете Петровне созвать Государственный Совет для обсуждения создавшегося положения, выражая опасение, как бы «Оттоманская Порта, пользуясь слабостью Персии, не овладела ею и не сделалась для России опасным соседом». ⁷⁹⁵

После предварительного обсуждения «персидских дел» в Коллегии иностранных дел и рекомендаций высших государственных сановников, принимавших участие в походе Петра I и в разграничении на Кавказе, 27 августа 1747

792 Там же.

793 Мухаммад-Казим. Наме-йи Алмара-йи Надири. Т.3. С. 199а-200а.

794 Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе. С. 81.

795 Цит. по: Соловьев С. М. История России. Кн. XI. Т. 22. С.497.

Государственный Совет постановил: «1) удостовериться в смерти шаха Надира; 2) пригласить горских дагестанских владельцев ко вступлению в русское подданство ... 3) в Астрахани держать наготове достаточное число морских судов, на которых в случае нужды перевозить войско и провиант, отправить туда готовые суда из Казани и построить новые... 4) отправить нынешней же осенью как можно скорее к гилинским берегам 1 000 четвертей пшеничной муки для продажи тамошним жителям на деньги или для мены на шелк».⁷⁹⁶ Удостоверившись в смерти Надир-шаха, 6 октября Государственный Совет вторично подтвердил необходимость активизации действий в Дагестане и прикаспийских областях.

Эти меры оказались своевременными и отвечали особенностям сложившейся ситуации. В начале июля 1747 г. со значительной суммой денег и фирманами султана Махмуда I на Кавказе появился Юсуф-паша. По пути в Дагестан часть казны была захвачена грузинским царем Ираклием, но все же Юсуф-паше удалось доставить грамоты султана и оставшиеся деньги горским владельцам. Согласно этим фирманам, за Ахмед-ханом Мехтулинским сохранялось звание шамхала с чином Силахшора и вручением 200 мешков денег. Кайтагскому уцмию Ахмед-хану жаловался титул трехбунчужного паши, его сыну Магомед-хану - двухбунчужного паши. Каждому из табасаранских владельцев - майсуму и кадию были присвоены такие же титулы и вручено по 200 туманов. Магомед-беку Цахурскому присваивался титул султана Элисуевского со званием двухбунчужного паши и «выделением некоторой суммы денег».⁷⁹⁷

За присылкой грамот и денег последовали другие акции. Отправив в Закавказье дополнительное войско, Порта пыталась воспользоваться тем, что летом 1747 г. сначала

⁷⁹⁶ Там же. С. 497-498.

⁷⁹⁷ Бакиханов А.-К.А. О походах шах-Надира в Дагестан // Кавказ, 1846. №18. С. 72.

в Ардебиле, а затем в Тебризе появился новый претендент на иранский престол, именуемый в источниках как Сам-Мирза III. Как сообщил в августе прибывший после «разведывания» из Кубы и Дербента кизлярец Юсуф Насимов, этот самозванец обратился с воззванием ко всем владельцам Дагестана и Азербайджана, чтобы «владельцы и подлого народа старшины и кои утеснение и разорение от Надир-шаха претерпевали, те бы ныне немедленно к нему... присезжали, токмо де к нему, новому шаху, никто не поехал».⁷⁹⁸

Действительно, дагестанские и другие кавказские владельцы, наученные предшествующим опытом, не оказали поддержки возвращенному в Стамбуле самозванцу Сам-Мирзе. По приказу племянника Надир-шаха Али Кули-хана, занявшего престол 6 июля 1747 г. под тронным именем Адиль-шаха, новоявленный претендент был разбит недалеко от Еревана двоюродным братом Надир-шаха Амир Арслан-ханом. Разгневанный султан Махмуд приказал схватить и отправить в ссылку незадачливого авантюриста.⁷⁹⁹ Очередная попытка Порты установить свое верховенство на Кавказе с помощью самозванца не увенчалась успехом.

Тем временем российская сторона продолжала усиливать влияние среди местного населения, добиваясь приверженности владельцев и старшин различными способами, особенно политикой «ласкания» (материальное вознаграждение, присвоение чинов, званий, титулов и т.п.), которая давала наиболее эффективные результаты. Так, в апреле 1747 г. вмешательством кизлярского коменданта было предотвращено намерение аксаевских, костековских и эндириевских владельцев напасть на Хасбулата под страхом наказания «высочайшим Е. И. В. гневом». В июле того же года аксаевские владельцы официально известили кизлярского коменданта, что

⁷⁹⁸ АВПРИ, ф. 77: Сношения России с Персией, оп. 77/1, 1747, д. 2, л. 262-264 с об.

⁷⁹⁹ Там же, л. 274.

они отказались от нападения на Хасбулата потому, что «мы в противность Е.И. В. чинить не будем».⁸⁰⁰

Более интенсивно ориентация на Россию владетелей и старшин Дагестана определяется после гибели Надир-шаха и неудачных попыток Порты возвести на иранский престол своих ставленников. Не случайно в январе 1748 г., принимая присягу на верность Елизавете Петровне, уцмий Кайтага Ахмед-хан, кумыкские князья Хасбулат и Эльдар, владетели Табасарана майсум Муртузали и кадий Муртузали, дербентский правитель Гусейн-хан заявили, что «турецкому султану и персицкому шаху мы служить не желаем ... ибо мы положили намерение Е. И. В. верно служить».⁸⁰¹ Вопреки неоднократным обращениям претендентов, боровшихся за иранский престол после смерти Надир-шаха - Адиль-шаха и свергнувшего его в сентябре 1748 г. Ибрагим-Мирзы к владетелям Кази-Кумуха, Кайтага, Дербента, Табасарана, Тарки и Бойнака с призывом выступить на их стороне и обнадеживанием «милостью и награждением жалованья», «многим числом денег и халатами», дагестанские владетели не поддались на подобные посулы.⁸⁰²

Подтвердив в декабре того же года принятую ранее присягу, уцмий Ахмед-хан, сын Сурхая Магомед-хан, табасаранский кадий Муртузали, дербентский хан Магомед-Гусейн, кумыкские князья Хасбулат, Эльдар и Мехди обратились с просьбой в Кизляр прислать трехтысячное войско, обещая квартиры и полное провиантское обеспечение.

Проводивший с ними переговоры подполковник Александр Шедяков указывал, что его приняли за предвестника прихода русских войск. «Все дагестанские владельцы, - докладывал он в Кизляр, - радуются и думают, что несомненно российские

800 ЦГАРД, ф. 379: Канцелярия коменданта г. Кизляр, оп. 1, ед. хр. 159, л. 125 об.: ед. хр. 160, л. 2.

801 Там же, ф. 339: Походная канцелярия генерал-лейтенанта А. П. Девицы, оп. 1, ед. хр. 3, л. 3-3 об., 5-5 об., 7, 7 об.

802 Там же, ед. хр. 5, л. 2 с об., 72; д. 3 ф, л.1 с об., 19 с об., 21.

войска в Персию по-прежнему (как при походе Петра I. - Н. С.) вступят». Со своей стороны уцмий Кайтага и дербентский хан обращали внимание на то, что ввиду междоусобиц в Иране османские войска легко могут захватить Дербент и овладеть Дагестаном, «а наше желание то, да б Дербент достался в руки российской государыне, а не другим государям».⁸⁰³

Пользуясь благоприятной обстановкой, петербургский кабинет продолжал усиливать роль Кизляра и кизлярской администрации в решении очередных задач, вытекающих из конкретно сложившейся ситуации на местах. В указах правительства генералу Девицу, отправленных в конце 40-х - начале 50-х гг., неоднократно подчеркивалась необходимость бдительно следить за происками эмиссаров Порты, чтобы османы не захватили тамошних земель, «не преклонили бы» горских владетелей на свою сторону, иметь добрые отношения с ними, призывая к сохранению российского подданства, заботясь о том, чтобы они были «неозлобительным содержанием их довольны». В личном указе императрицы генералу Девицу от 22 августа 1750 г. предписывалось проявить особое усердие «в приласкании тамошних горских владельцев к здешней (русской. - Н. С.) стороне... обходиться с ними со всякою приятностью и ласкою».⁸⁰⁴

В подобных напоминаниях был несомненный резон, ибо правящие круги Османской империи продолжали вмешиваться в жизнь кавказских народов. На этот раз они попытались использовать междоусобную борьбу грузинских царевичей. Оказывая поддержку своему стороннику сыну Константина Абдулла-беку, претендовавшему на кахетинский трон, который был занят сыном Теймураза Ираклием, Порта обратилась к дагестанским владетелям, призывая их выступить на стороне своего приверженца. На самом же деле, участвуя

803 Там же, ед хр. 3, л. 15; д. 3а, л. 10 об., 12.

804 РГВИА, ф. 20: Секретная часть экспедиции военной коллегии, оп. 1/47, ед. хр. 321, л. 309.

в противоборстве грузинских царевичей, она замышляла убийство Ираклия руками дагестанских феодалов.⁸⁰⁵

Но дагестанские владетели не приняли участия в этих замыслах Порты. Оставшийся без поддержки султана Махмуда I Абдулла-бек был разбит Ираклием и бежал с поля боя, понеся большие потери.⁸⁰⁶ Пользуясь достигнутым успехом, энергичный Ираклий II в течение 1748-1749 гг. объединил под своей властью часть Грузии и Армении и продолжал наступать на Азербайджан и Дагестан. В октябре 1749 г. он выступил против соперничавших между собой дагестанских владетелей, которых в «жестоком сражении разбил и принудил немалую часть земли себе уступить».⁸⁰⁷

Военные успехи Ираклия серьезно обеспокоили Порту. В Стамбуле ходили слухи даже о том, что он захватил Исфахан и намерен выступить против Османской империи. В конце декабря 1749 г. в султанском окружении стало известно, что Ираклий «по выгнании персиян из Тифлиса и совершенном избавлении своего отечества от персидского ига победил и покори лезгов, овладел Шемахинскою и Ширванскою провинциями, завоевал крепость Ереван и пошел со своим грузинским войском Тевриз доставать».⁸⁰⁸

Оказавшись в трудном положении, часть дагестанских владетелей, неоднократно отклонявших домогательства иранских властей, обратилась к султану Махмуду I с просьбой оградить их от набегов шахского вассала - кахетинского царя. «Порта ответствовала, - сообщал в начале августа 1750 г. константинопольский патриарх резиденту А.И. Неплюеву, - что буде грузинцы по шахову указу на них восстали, то она не мешается, а ежели инока, то возымеет старание помощь им дать».⁸⁰⁹

805 ЦГАРД, ф. 340: Канцелярия генерал-лейтенанта В.Я. Левашова, оп. 1. ед. хр. 5, л. 14 об. - 16 об.; ед. хр. 7, л. 11, 18 об., 19.

806 РГ ВИА, ф. ВУА, оп. б/н., ед. хр. 1/482, л. 195.

807 АВПРИ, ф. 89: Сношения России с Турцией, оп. 89/1, 1749, д. 3, л. 263.

808 Там же, 1750, д. 2, л. 31 об.

809 Там же, оп. 89/1, 1750, д. 3, л. 159 об. - 160.

Но никакой поддержки дагестанским владетелям, несмотря на неоднократные заверения, султанское правительство не оказало. Отправленные повторно в Стамбул дагестанские послы вернулись безрезультатно. «Двое лезгов, присланные сюда к Порте один после другого из Дагестана, - доносил тогда же А. И. Неплюев, - по осведомлении о том бедственном состоянии, в каком Порта находится, с поспешением в Дагестан без довольства поехали».⁸¹⁰

В отличие от Османской империи Россия, укрепившая к тому времени свои позиции в Европе, смогла более решительно действовать и на Кавказе. Это отразилось в ряде дипломатических актов, которые должны были предотвратить вмешательство Стамбула в дела Дагестана и других кавказских земель. Выступления Петербурга в роли покровителя народов Дагестана способствовали усилению влияния России, качественному сдвигу в расширении и укреплении российско-дагестанских отношений.

Анализ военно-политических событий, происходивших на территории Дагестана в 30-40-х гг. XVIII в., показывает, что этот период стал важным этапом на пути консолидации дагестанских народов в борьбе против завоевательных устремлений Надир-шаха Афшара. В ходе этой борьбы, отстаивая свои права на самостоятельное экономическое, политическое и духовное развитие, они проявили глубокое понимание нависшей опасности, необходимости тесного единства, взаимной выручки и поддержки для разгрома многократно количественно и качественно превосходящих сил противника.

Однако исход этой борьбы зависел не только от героизма, патриотизма и самоотверженности борцов за независимость родной земли, но и от позиций противостоящих Ирану, но соперничавших между собой держав - Османской империи и царской России. Отказ царского двора и султанского

810 Там же, л. 293.

правительства от активной политики в этом регионе, обусловленный специфическим характером их взаимоотношений с Ираном, облегчил осуществление завоевательных походов иранских феодалов. Этой же цели служила поддержка, оказанная Надир-шаху западными державами, в частности Англией, активно способствовавшей усилению военной мощи Ирана.

Однако покорить Дагестан, несмотря на поддержку западных держав, Надир-шаху не удалось. Попытка Парижа и Лондона организовать совместное выступление Ирана и Турции против России потерпела провал. На пути иранской агрессии на Север встали народы Дагестана, нанеся захватчикам сокрушительное поражение. Героическая борьба народов Дагестана, подрывавшая военно-политическую мощь Ирана, обрекла на провал гегемонистские замыслы Надир-шаха на Кавказе.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В многовековой истории народов Дагестана освободительная борьба против иноземных завоевателей занимает особое место как по содержанию протекавших в то время процессов, так и по их результативности, оказавших решающее влияние на развитие важнейших событий не только на Кавказе, но и далеко за его пределами в обширном евразийском пространстве. Сказанное подтверждается анализом многочисленных материалов, использованных источников и литературы, позволяющих сделать следующие выводы:

Дагестан, расположенный между Европой и Азией, Черным морем и Каспием, на главных коммуникациях, ведущих в Закавказье, на Ближний и Средний Восток, издавна привлекал внимание разных стран и народов, особенно правителей соседних держав – шахского Ирана, султанской Турции и царской России. Главное внимание при этом они уделяли Дербентскому проходу, как «Главному Кавказскому коридору», связывавшему Юго-Восточную Европу с Передней (и через Каспий) и Средней Азией.

По существу «Каспийский путь» выступал для них в роли постоянного «яблока раздора», овладение которым могло обеспечить гегемонию на Кавказе, расширить их владения в различных направлениях. Ирано-турецкие войны, шедшие с начала XVI в., завершились Касре-Ширинским договором 1639 г., по которому Дагестан, Азербайджан, Восточная Армения и Восточная Грузия попали под власть сефевидского Ирана, а Западная Грузия и Западная Армения отошли к Османской империи. С тех пор до свержения власти Сефевидов в 1722 г. в Плоскостном Дагестане установилось владычество иранских шахов, сочетавшее экономический и социальный гнет завоевателей с религиозным гонением шиитов против суннитов.

Успехи России в Кавказском направлении оказались скромнее, ограничившись овладением Астраханью в 1556 г.

Новая фаза активности кавказской политики России и Турции наступила в связи с мощными антииранскими восстаниями 1707-1721 гг. в Дагестане и Ширване, приведшими к свержению иранского владычества, ускорившими Каспийский поход Петра I и вмешательство Англии и Франции в кавказские дела с антироссийских позиций «восточного барьера». Значение Дагестана и прикаспийских областей в политике противоборствующих сторон еще более возросло, став объектом пристального внимания со стороны Петербурга и Стамбула, стремившихся захватить инициативу и овладеть этими важными в их стратегических и экономических замыслах территориями.

Обстановка на Кавказе благоприятствовала реализации экспансионистских замыслов османских и российских правителей. По мере усиления антииранских восстаний и ослабления власти Сефевидской династии большинство кавказских владетелей, в том числе и дагестанских правителей, стали отходить от Ирана и пошли на сближение с Россией. В то же время другая их часть заняла колеблющуюся позицию, добиваясь поддержки сначала со стороны Петербурга, а затем Стамбула. Учитывая этот важнейший внешнеполитический фактор, противоборствовавшие стороны стали выступать в роли их покровителей: российский кабинет - христианских народов Закавказья, султанское правительство - суннитов Дагестана.

Эта коллизия в кавказской политике соперничавших держав стала проявляться более активно после подписания Петербургского договора 1723 г. и Константинопольского трактата 1724 г., оказавших определенное влияние на выбор внешнеполитической ориентации местными владетелями и старшинами. Подтверждение тому - деятельность правительств и дипломатических ведомств Стамбула и Петербурга в период

разграничения на Кавказе, стремительного восхождения Надир-шаха к власти, накануне и во время его первых нашествий на Ширван и Дагестан.

Однако, маскируя истинные цели своих правительств, представители российской и османской администрации были вынуждены проводить более умеренную политику, стремясь заручиться поддержкой определенных политических сил и местных феодальных правителей. Под прикрытием политики покровительства им удавалось найти опору среди части кавказских и дагестанских правителей, а также торгово-ремесленных кругов, заинтересованных в расширении торговли и обмена с Россией и Османской империей. Эти круги надеялись, что переход под власть Порты или российского правительства принесет им больше выгоды, чем деспотический режим иранских шахов, который они испытали в предшествующий период.

Вместе с тем уже в это время правящие круги упомянутых стран не раз демонстрировали захватническую сущность своей политики, хотя она и прикрывалась благими намерениями. Российское правительство, как и Порты, неоднократно отклоняло обращения о подданстве местных владетелей, чтобы сохранить предлог для проведения экспансионистской политики. После смерти Петра I петербургский кабинет организовал ряд карательных экспедиций против строптивых горских владетелей, в частности шамхала Адиль-Гирея, завершившихся лишением их владений, титулов и политических прав. Такая же политика османскими и российскими властями проводилась в отношении старшин союза Кюре и жителей других территорий, не желавших подпасть под иноземное владычество.

В то же время в годы российско-османского разграничения и нашествий крымских правителей на Дагестан представители обеих сторон под видом «покровительства» и «помощи»

активно склоняли на свою сторону местных владетелей и старшин, сочетая приемы политики «ласкания» и применения силы, когда это диктовалось их интересами. С этой же целью проводилось переселение жителей из одной зоны оккупации в другую, чтобы создать опору в лице компактно расположенного единовременного населения.

Двойственность, непоследовательность, противоречивость османской и российской политики на Кавказе ослабляли их позиции, создавая разнотенность во внешнеполитической ориентации владетелей и старшин, толкая одних в объятия Петербурга, других - в сторону Стамбула, третьих - на сближение с вновь восходящей звездой на иранском небосклоне - Надир-Кули-ханом, активно добываясь перевеса сил на Востоке в пользу Ирана и территориальных уступок со стороны России и Османской империи.

Ввиду указанных причин территориальные приобретения османских и российских правителей на Кавказе оказались непрочными. С начала 30-х гг. военно-политическая обстановка на Кавказе сложилась в пользу Ирана. По Рештскому договору 1732 г. петербургский кабинет обязался вернуть Надиру прикаспийские территории вплоть до места слияния Аракса и Куры. Попытки Порты противодействовать аналогичным требованиям со стороны Надира потерпели провал. В кровопролитных боях 1731-1733 гг. турецкие войска были разгромлены. По Багдадскому договору 1733 г. Порты обязалась очистить оккупированные иранские провинции, в том числе часть территорий Дагестана и Ширвана, считавшихся под властью Сурхай-хана Казикумухского.

Багдадский договор был использован Надиром как прецедент для предъявления новых требований к Петербургу о возвращении оставшихся под его властью бывших иранских владений на Кавказе. Однако ни одна из сторон, подписавших

упомянутые договоры с Ираном, не собиралась выполнять их до конца. Под прикрытием дипломатических переговоров Петербург и Стамбул старались найти новые возможности для сохранения в этом регионе своего влияния и ослабления позиций другой стороны.

Конкретным выражением новой конфликтной ситуации в регионе стали походы крымских ханов через Северный Кавказ и Дагестан в Закавказье в 1733 и 1735 гг. и нашествия Надир Кули-хана на Ширван и Дагестан в 1734 и 1735 гг. С тех пор территория Дагестана превратилась в арену острой борьбы между Россией и Османской империей, с одной стороны, и между Ираном и Турцией - с другой. Не улучшил, а, наоборот, ухудшил положение и Гянджинский договор 1735 г., вынудивший Петербург вывести свои войска за реку Сулак. Так были устранены серьезные препятствия, стоявшие на пути иранской агрессии на Дагестан.

Анализ обширной дипломатической документации и исторической литературы на разных языках показывает, что середина 30-х - первая половина 40-х гг. XVIII в. составили особую главу в истории Дагестана. Она началась освободительной борьбой народов Дагестана против эпизодических нашествий Надир Кули-хана в 1734 - 1735 гг., но затем - с 1741 г. - переросла в героическую эпопею, направленную против систематических, целенаправленных, широкомасштабных, преследующих далеко идущие стратегические цели, завоевательных походов «Грозы Вселенной» - Надир-шаха Афшара.

По своим масштабам, количеству участников, накалу борьбы, особенно региональным и международным последствиям она не имеет аналогов в истории освободительной борьбы народов Востока в рассматриваемый период. Не случайно героизм и упорство защитников родной земли, всенародный, массовый характер борьбы, блистательные победы,

одержанные ими над грозным противником, восхитили современников и продолжают вызывать активный интерес многих последующих поколений. Важным итогом политического прозрения народов Дагестана в ходе этой борьбы стало осознание необходимости совместных, сплоченных действий для защиты родного края, своей жизни, языка, религии и культуры, уничтожения и изгнания ненавистных завоевателей ради сохранения национальной самобытности и будущего своих потомков.

Как указывалось выше, героическая борьба народов Дагестана обескровила иранскую армию, фактически преградила ее агрессию на Север. Она вышла за рамки узкоместного значения и приобрела международный характер. Не случайно за ней заинтересованно следили не только из столиц соперничавших держав - Петербурга и Стамбула, но и западных стран - Парижа и Лондона, оказывавших Надир-шаху активную поддержку в его агрессивной политике. Донесения османских и российских послов с полей сражений и английских и французских послов из Петербурга и Стамбула своим правительствам - наглядное тому подтверждение.

Неоднозначное воздействие на ход завоевательной политики Надир-шаха в Дагестане оказывала позиция соперниц Ирана по борьбе за гегемонию на Кавказе - России и Османской империи. Хотя ирано-турецкие войны, происходившие в это время за пределами Дагестана, оказывали косвенное воздействие на политику шаха и его окружения, они не могли иметь решающего влияния на исход кровопролитных сражений, развернувшихся на полях Дагестана. В основном же Порта ограничивалась декларацией политики покровительства, выражавшейся в виде жалованных грамот, присвоения титулов, вручения денежных наград и других подарков активным участникам антииранской борьбы, а также выдвижением

на кавказскую политическую арену различных самозванцев под видом защиты своих сторонников и мнимых прав «законных» наследников Сефевидов.

На этом фоне более эффективной оказалась политика петербургского кабинета, поддерживавшего негласно освободительную борьбу народов Дагестана материальными и политико-дипломатическими средствами ради достижения собственных целей. Более существенную роль сыграло укрепление Кизляра, сооружение форпостов по Сулакской границе, расположение подвижных кавалерийских отрядов в аулах Северной Кумыкии, предупреждения шаха о погубности для Ирана продолжения завоевательной политики в Дагестане и т.п. Освободительная борьба народов Дагестана, подрывавшая военно-политическую мощь Ирана, совпадая со стратегическими целями кавказской политики царизма на данном этапе - не допустить господства иранских и османских феодалов, стала важным фактором расширения и укрепления российско-дагестанских отношений.

На наш взгляд, как свидетельствуют многочисленные источники, в мобилизации сил для отпора врагу, организации и руководстве освободительной борьбой дагестанских народов, разгроме сил могущественного противника и достижении победы над «непобедимой» армией Надир-шаха позитивную роль сыграло участие в многочисленных боях, особенно в решающих сражениях, виднейших дагестанских владетелей, духовных деятелей и старшин. Их готовность сражаться за родную землю, боевой опыт и военное искусство, умение проводить боевые операции в горных условиях вдохновляли на борьбу народные массы, вселяли веру в конечную победу над врагом.

Среди наиболее активных участников и руководителей национально-освободительной борьбы ярко выделяются колоритные

фигуры сына Сурхая Муртузали-хана Казикумухского, правителя Мехтулинского владения Ахмед-хана Дженгутаевского, авторитетного духовного деятеля Ибрагима-Хаджи Урадинского, активно проявившего себя на решающем этапе борьбы кайтагского удмия Ахмед-хана, известного табасаранского поэта Мирзы Калукского, народных героев – Маллаччи Унцукульского, Нур-Магомеда Согратлинского, Галеги Анцухского, Гаджи-Мусы Хочобского, Модилава Чохского, Амирцилава Ругуджинского, Чопалава и Давуд-бека из близкого окружения малолетнего хунзахского хана Магомед-нуцала и многих других.

Однако, как свидетельствуют многочисленные источники, народные сказания, предания и легенды, решающую роль в разгроме многочисленных сил противника сыграли не владельцы и их дружины, а народные массы Дагестана. Вместе с тем мы должны признать, что определенную помощь им в этой борьбе оказали другие народы Кавказа. Участие в освободительной борьбе дагестанцев добровольческих дружин из Азербайджана под предводительством Ибрагима-Дивана и Магомед-Халила, грузинских отрядов под командованием эристава Шенша и князя Гиви Амилахвари, чеченских ополчений во главе со старшинами Дайтиевым и Грузиловым – отдельные эпизоды совместного отражения нашествий Надир-шаха Афшара. Не предавая забвению заслуг одних народов и не выпячивая подвигов других, надо признать, что историческая победа над «Грозой Вселенной» стала общим достоянием всех народов, подвергавшихся истреблению иранскими завоевателями.

Но значение вклада, внесенного народами Дагестана в победу над врагом в кровопролитных боях 1741-1745 гг., занимает доминирующее положение и выходит за рамки истории страны. Память о тех, кто пал в этих боях, обязывает нас бережно хранить и приумножать славные традиции любви к Родине,

героизма и дружбы народов, проявленные нашими предками в те грозные годы.

Именно поэтому – для сохранения памяти о героических подвигах наших славных предков и воспитания молодежи в их примере в духе патриотизма и дружбы народов – в первом издании этой книги автором выражалось сокровенное желание о необходимости возвести памятные сооружения в местах решающих сражений (Согратль, Чох, Обох, Мегеб, Кумух, Турчи, Хурхи, Ури и других) со следующей надписью: «Эй, путник, остановись. Остановись и прочти: Здесь в сентябре 1741 г. наши героические предки разгромили войска «непобедимого» Надир-шаха. Прочти и передай потомкам».⁸¹¹

Однако действительность, как это порою случается в жизни, намного превзошла ожидания автора, придав этой работе небывалую высоту, масштабность и духовную оплодотворенность. Обусловлено это тем, что – и это особенно отрадно отметить – руководство республики проводило и проводит постоянную, целенаправленную работу в этом направлении, воплощая ее в зримых, конкретных делах. Подтверждение тому – открытие 12 августа 2004 г. у подножия Турчидага на поле Хициб мемориального комплекса «Ватан» в память о блистательной победе народов Дагестана над Надир-шахом.

Выступление Председателя Госсовета РД М. М. Магомедова «Бессмертен подвиг дагестанских народов» на открытии этого памятника стало заметным стимулом для реализации конкретной программы в этой области. Основы и перспективы для дальнейшего усиления такой работы с учетом нынешних реалий заложены в материалах III Съезда народов Дагестана, особенно в докладе Президента РД М. М. Магомедова «Дагестан за мир, единство и развитие».

811 Сотаев Н. А. Крах «Грозы Вселенной». Махачкала, 2000. С. 209.

В этой связи уместно отметить, что, придавая важное значение идее обеспечения единства народов Дагестана, он особо подчеркнул: «Дагестанцы, воспитанные на такой идее, совершали великие исторические подвиги. Так было, когда наши народы общими усилиями громили войска грозных, жестоких завоевателей Тамерлана и Надир-шаха. Так было и в годы Великой Отечественной войны, и в новейшей истории, когда в 1999 году мы дали решительный отпор международным террористам...

Все это и есть общedaгестанский дух, который должен быть возрожден и заслуживает особого отношения и признания, потому что это великое духовное достояние всех наших народов.

В связи с этим, уважаемые делегаты, считаю целесообразным учредить республиканский праздник – День единства народов Дагестана. Этот праздник должен служить сохранению лучших традиций Страны гор».⁸¹²

Как известно, таким ежегодным праздничным днем решением III Съезда народов Дагестана и указом Президента РД М. М. Магомедова от 6 июля 2011 г. определено 15 сентября. Весьма символично, что накануне первого торжественного праздника по этому случаю 14 сентября 2011 г. в сел. Кумух состоялось открытие второго памятника, посвященного победе над Надир-шахом. Мемориал, в центре которого – фигура Муртузали-хана Казикумухского, – яркий символ единения и многовековой дружбы дагестанских народов.

Весьма знаменательно и то, что, открывая этот памятник, Президент Дагестана еще раз подчеркнул: «Единство дагестанцев – это наше главное историческое достижение и главное богатство. Пока мы едины – нам не страшны никакие испытания. Нам по плечу любые трудности и те, которые есть в жизни

⁸¹² Съезд народов Дагестана 15 декабря 2010 г. Махачкала, 2011. С. 53-54.

нашей страны. Мы никогда не должны забывать о том, что Дагестан – это самая лучшая, сильная, динамичная часть великой страны, нашей Родины – Российской Федерации. Только в единстве с Россией, в большой семье российских народов мы видим свое будущее».⁸¹³

Такие же уроки можно извлечь из трудов видных дагестанских историков – Р. М. Магомедова и В. Г. Гаджиева, содержащих концептуальные оценки значения разгрома Надир-шаха для укрепления единства народов и их взаимоотношений с Россией. Сказанное прежде всего относится к новейшей работе основателя и создателя дагестанской исторической науки Р. М. Магомедова с таким послесловием: «Осень 1999 г. показала, что в случае серьезного кризиса только Россия действительно обеспечит необходимый баланс сил – военных, политических, экономических. Однако напоминаю нашим согражданам: даже Аллах помогает лишь тем, кто готов помочь себе сам. Без нашей внутренней воли к сохранению единства нам не поможет никто... Если нам суждено уцелеть на страницах истории в цепи поколений наших потомков, то только вместе, а порознь наши народы не имеют будущего».⁸¹⁴

Думается, что завещание учителя и наставника всех наших историков Р. М. Магомедова, метко названное академиком Г. Г. Гамзатовым «Манифестом единства Дагестана»⁸¹⁵, особенно созвучно с конкретными реалиями сегодняшнего дня. Наша задача – интенсивная повседневная работа по воплощению в жизнь вышеобозначенных принципиальных рекомендаций и суждений. В этом смысле широкая просветительская работа через средства массовой информации

⁸¹³ В Кумухе открыт памятник, символизирующий единство дагестанских народов//Пресс-служба Президента РД.

⁸¹⁴ Магомедов Р. М. Единство народов - великое благо Дагестана. Махачкала, 2001. С. 76.

⁸¹⁵ Там же. С. 4.

(телевидение, интернет, печать), выступления с лекциями, докладами и беседами перед населением республики на эту тему – гражданский долг всех тех, кто склоняет голову перед памятью о великом подвиге наших предков, сокрушивших полчища «Грозы Вселенной».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Словно тучи в день осенний
Надвигаются иранцы.
Как на дне морском песчинок,
Сосчитать их невозможно.
Слышен рокот, словно волны
Разлились живого моря,
Разлились - вот-вот затопят
Наши горы, наши гнезда!
Блещут ратные доспехи,
Копий вырос лес дремучий.
То идут на нас афганцы,
С ними курды и трухменцы,
Посредине выступают
Силачи-мазандаранцы.
Это шахова пехота
Все с лица земли стирает!
Перед нею врассыпную,
Но готовые для битвы
Идут стройные красавцы –
То стрелки Азербайджана.
Весь Иран на нас поднялся,
Реют шаховы знамена!
Столько их, что даже мулла
Не сочтет с утра до ночи.
Все равнины на предгорьях
Затопили орды злые.
Во главе их «всепобедный»
Шах Надир – «Гроза Вселенной».
С ним Шахман, изменник подлый,
От которого и дети,
Сыновья, его любимцы,

Отказались навеки,
Изгнан был Шахман презренный.
На родимые аулы
Ради мести за обиду
Он привел теперь иранцев.
Пусть проклято будет чрево,
Что его в себе носило!
Пусть сосцы прокляты будут,
Что изменника вскормили!
Пусть его презренной кровью
И кинжал не обагрится!
Пусть умрет он, как собака,
Проклинаемый в аулах!
Надвигаются иранцы.
Вот пред ними наши горы.
Топот ног людских и конских
Заглушает рев потоков.
Ой, беда, родные горы!
Как бы с места вас иранцы
Не подвинули, чтоб в море
Побросать вас вместе с нами!
Вот пришли, пришли и стали.
Шах Надир с Шахманом подлым
Из долины смотрят зорко
На утесы, на вершины.
Говорит Надир Шахману:
– На подоблачных высотах,
Где орлы одни летают,
Вижу я людей каких-то.
Верно, страх передо мною,
Пред моей великой силой,
Нет которой равной в мире,
Их загнал на эти кручи!

Отвечал изменник шаху,
Потупляя долу очи:
– Нет, не страх туда загнал их
Пред твоей великой силой!
Страх сердцам их неизвестен,
Битва - радость им и счастье.
Берегись, повелитель:
Там ты видишь андалалцев,
То гнездо над облаками
Не орлам приютом служит,
Чох – аул-то андалалский.
Берегись, «Гроза Вселенной»!
Шах Надир, «Гроза Вселенной»,
Услыхав ответ Шахмана,
Засмеялся, словно шутку
Он веселую услышал:
– Не спеши, – в ответ промолвил,
– Разве есть на белом свете,
Кто противиться мне мог бы,
Повелителю Вселенной?
Сокрошу я андалалцев
Так, что память их исчезнет!
И, сказав такое слово,
Он послал спросить в аулы:
«Что за мыши эти лезут
На моих котов иранских?»
И владыке полумира
Отвечали андалалцы:
– Погляди, шиит презренный,
На своих ты куропаток,
Что осмелились подняться
На орлов из Лезгистана!
И тогда вскипела битва,

Загремели наши ружья,
Засверкали наши шашки,
Пролилися реки крови.
Лезут на горы иранцы,
Нет числа их ратной силе,
Но пред ними оживают
Камни, скалы и утесы.
Из-за них бойцам навстречу
Смерть холодная несется,
Но их столько, что и смерти
Подбирать их не под силу.
Добрались до нас. Стеною
Стали мы живой пред ними,
И схватились грудь с грудью
Мы с иранскими бойцами.
Солнце вышло, и на солнце
Сталь каленая сверкает.
И заржавели кинжалы
От иранской подлой крови.
На горах другие горы
Поднялись высоко к небу –
– То тела бойцов Надира,
Павших в битве пред Согратлем.
Полдень знойный, андалалцы
Не отодвинулись ни шагу
И стоят средь грозной сечи
Пред иранскими бойцами,
Что по воле шах Надира
На смерть идут неотступно,
Как гранитные утесы
Пред морским прибоем в бурю.
Но и капля долбит камень!
Лишь один Аллах всемогущ,

А людским ничтожным силам
Им положены пределы!
Андалалцы все на месте,
Взад не двинулись ни шагу,
Все остались, но немного
На горах, средь них стоящих,
Большинство легло, как ветром
В ниве сбитые колосья.
В дикой радости иранцы
Заревели, словно звери!
Верх за ними остается!
Погибают андалалцы.
Ждать им помощи откуда?
Разве только от Аллаха!
Но и тот разгневан, верно,
А не то такой победы
Он отверженцам-шиитам
Никогда не даровал бы!
Шах Надир уже ликует.
Конь под ним арабской крови,
Разукрашенный, как в сказке,
Удила грызет свирепо.
А Шахман главой поникнул:
Знать, ему под броню в сердце
Заползла змея совесть,
Заползла и душу точит.
Говорит Надир, надменно
На изменника взгляд кинув:
– Поглядим-ка мы на дерзких,
Что противиться нам смели!
Тронул он коня и скачет.
Визирь скачет вслед за шахом,
И блестящая вся свита

Потянулася за ними.
Вдруг – о ужас! – Что такое?
Потемнел Надир. Он видит,
Что бойцам последним помощь
Из аула подоспела,
Видит, будто в пять раз больше
Стало сразу андалалцев.
И опять бой затихавший
Загорелся с силой яркой.
Что за воины такие?
Место им не в жаркой сечи,
Не отточенной шашкой
Наносить им людям раны.
Нет! Не шашкой. Поцелуем
Им разить сердца людские
И в гаремах им любовью
Услаждать бы жизнь на свете!
То не мужи, что для битвы
Родились и с колыбели
Приучались с врагами
В жаркой схватке биться насмерть.
Андалальские то девы,
Жены, матери и вдовы
В бой кровавый поспешили.
Умереть они готовы
С теми, кто был дорог сердцу,
Только смерть бы подороже
Обошлась врагам свирепым!
Блещут шашки и кинжалы
В их руках, что лишь недавно
В праздник светлый и веселый
Бубны звонкие держали.
И не песня - клич свирепый

С уст срывается их нежных,
Будто смерть сама несется,
Предводительствуя ими.
Сонм ли гурий, злые духи
Появились столь неожиданно?
Распознать того не могут
Пораженные иранцы.
Опустились их руки,
Робость их сердца объяла,
Вместе с нею смертный ужас
Помрачил их слабый разум.
Миг еще - они шатнулись,
Миг еще - и в беспорядке
Побежали вспять от Чоха
Все бойцы Надира-шаха.
Шах Надир глядит на битву
И глазам своим не верит:
Как напуганное стадо,
Орды катят от Согратля,
Побежали вспять афганцы,
Что закованы в железо,
Понеслись азербайджанцы
С наших гор быстрее ланей.
Силачи-мазандаранцы
Покатились за ними,
Курды, лазы и трухменцы
С диким гиканьем помчались.
Удержать их невозможно,
Даже шаховых велений
Беглецы в испуге диком
На пути своем не слышат.
Вслед им смех несется женский,
Смех и радостный, и звонкий.

Всемогущему Аллаху
Похвала гремит немолчно.
Со стыдом от андалалцев
Шах ушел в Иран свой бедный.
Был слабейшими руками
Посрамлен «Гроза Вселенной».

*(Из Эпоса народов Дагестана.
СПБ., 1910)*

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

ага - начальник, старшина, хозяин, почетный титул, составная часть многих должностей и званий, преимущественно воинских;

акче (аспра) - турецкая серебряная монета, основная денежная единица в Османской империи;

ахун - мусульманский ученый - богослов;

байрак - знамя;

беглербек (беглербей) - официальный титул правителя эялетов в Иране и Османской империи (см. также: вали);

бек - титул кумыкских князей предгорного Дагестана;

бий - титул кумыкских засулакских владетелей;

богази (тур) - глотка, горловина, в тексте - ущелье;

бунчуг - древко с золотым шаром и пучком конских волос на конце, знак власти у турецких пашей в XII - XVIII вв.;

вали - правитель эялета (см. также: беглербек);

великий визирь (везир-и азем, или садразам) - глава султанского правительства (Порты) и главнокомандующий армией;

газават (джихад) - священная война мусульман против неверных;

гяур (кяфир) - неверный, презрительная кличка всех иноверцев;

дефтер эмини - глава финансовой канцелярии, финансовый инспектор (дефтердар);

джамаат - сельская община;

диван - расширенное заседание султанского правительства (Порты) с участием высших сановников для обсуждения наиболее важных вопросов внутренней и внешней политики;

кади (кадий) - мусульманский судья, рассматривавший гражданские и уголовные дела на основе шариата;

кадий - духовный и светский правитель верхнего Табасарана, Акуша-Дарго;

каймакам - заместитель великого визиря или другого правителя;

калга - титул первого наследника крымского хана, второе лицо в государстве;

капыджибаши (глава привратников) - титул дворцового служащего, выполняющего обязанности фельдъегеря и порученца по важным делам;

кизилбаши - тюркские племена Азербайджана и Малой Азии (афшар, каджар и др.), получившие прозвище «кизилбашей» (тюркск. - красные) от носимой ими шапки с 12 пурпурными полосками в честь 12 шиитских имамов;

куруш, гуруш (от слав, грош) - турецкая серебряная монета;

магал - округ, квартал;

майсум, максум - титул правителя нижнего Табасарана;

ман - мера веса, колебавшаяся в XVIII в. от 3 до 13 кг;

минбаши - тысячник;

могол - титул императора Индии;

муфтий - духовное лицо в мусульманской иерархии, имеющее право давать фетву;

Навуходоносор II (Набукулдуриусор II) - вавилонский царь (604-562 г. до н. э.), дважды захвативший (в 597 и 586 гг.); Иерусалим и переселивший значительную часть его жителей в Вавилонию;

надири - монета, составлявшая 0,2 тумана;

наиб - титул коменданта крепости Дербент;

нукер - советник, приближенный, доверенное лицо дагестанских владетелей;

нуцал - титул правителя Аварии;

падишах - монарх, государь, официальный титул османских султанов;

паша - титул высших военных и гражданских сановников в Османской империи;

рейс-эфенди - один из заместителей великого визиря, управляющий канцелярией Порты и ведавший вопросами внешних сношений;

сераскер - командующий в турецкой армии;

сердар - командующий в иранской армии;

силахшор - генеральный инспектор турецкой армии;

султан - титул наместника иранского шаха в Дербенте, титул владетеля Элису (Цахура) в Дагестане;

сунниты - последователи ортодоксального («правоверного») направления в исламе, признающие не только Коран, но и Сунну;

тагар - мера зерна, составлявшая 5 мешков;

тончи-баши - командующий артиллерией в турецкой армии;

трехбунчужный (трехзнаменный) паша - высший титул в Османской империи, равный званию великого визиря;

туман (тумен) - иранская единица, равная 1 червонцу (10 руб.);

уздень - мелкий феодал, вассал мелкого правителя;

улемы - высшая группа мусульманского духовенства, получившая специальное богословское образование;

уцмий - титул правителя Кайтага;

ферман, фирман - указ султана, шаха;

фетва - письменное заключение по различным религиозным вопросам, вынесенное на основе шариата;

халиф - титул правителя, претендовавшего на роль главы мусульманского мира, присвоенный османскими султанами;

хан - титул правителя Крыма, Аварии, Казикумуха, некоторых азербайджанских владений;

харвар - мера зерна, составлявшая 25 пудов;

хатт-и шериф (хат-и хумаюн) - указ, письмо, исходившее лично от турецкого султана;

чувал - мешок, содержащий от 30 до 70 кг зерна;

шамхал - титул правителя Тарковского владения;
шейх-уль-ислам - глава османских улемов и высший авторитет в вопросах богословия и религиозного права;
шииты - последователи второго по количеству приверженцев направления в исламе (шиизм), признающие законными 12 имамов из числа прямых потомков Али;
эристави - титул наследственных правителей крупных областей в средневековой Грузии;
зялет - провинция, наиболее крупная военно-административная единица в Османской империи;
эфенди - господин, форма обращения ко всем певвоенным образованным и влиятельным лицам в Османской империи.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

1. Архивные материалы

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ)
ф. 77: «Сношения России с Персией», оп. 77/1, - 1723, д. 1; 1725, д. 9; 1727, д. 3; 1730, д. 8, 22; 1731, д. 8, 15, 22, 32; 1732, д. 5; 1733, д. 7; 1734, д. 5, 7 - ч. 1-2, 9; 1735, д. 12; 1741, д. 4, 7; 1742, д. 10; 1743, д. 4; 1744, д. 5, 6 - ч. 1; 1746, д. 2, 9.

ф. 89: «Сношения России с Турцией», оп. 89/1- 1721, д. 7, 8 - ч. 1; 1722, д. 5 - ч. 1, 16; 1723, д. 5 - ч. 2, 8; 1724, д. 6 - ч. 1.-2; 1725, д. 5 - т. 1, 6; 1727, д. 6 - т. 2, 15; 1728, д. 8; 1729, д. 4, 5, 6 - т. 2; 1730, д. 5, 6, 22; 1731, д. 7, 11; 1732, б. 7, 8, 9, 11, 12; 173, б. 5, 6, 7, 10, 15, 33; 1734, б. 4, 7; 1735, б. 6, 8; 1736, д. 3, 6; 1741, д. 4, 10, 12; 1742, д. 3, 4 - ч. 2, 5 - ч. 1-2, 6 - ч. 1, 10; 1743, д. 5; 1747, д. 2; 1749, д. 3; 1750, д. 2, 3.

ф. 103: «Азиатские дела», оп. 103-1724-1735, д. 3.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА) – разр. 15 «Госархив - дипломатический отдел», д. 65.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА):

ф. 20: «Секретная часть экспедиции военной коллегии», оп. 1/47 – ед. хр. 19, 29, 199, 219, 242, 272, 281, 381.

ф. 410: «Материалы по истории народов СССР - коллекции», оп. б/н, ед. хр. 10, оп. 1, ед. хр. 106.

Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД):

ф. 18: «Дербентский комендант», оп. 1, ед. хр. 168.

ф. 339: «Походная канцелярия ген.-лейт. А. П. Девица», оп. 1, ед. хр. 3, 56, д. 3 а.

ф. 340: «Канцелярия ген.-лейт. В. Я. Левашова», оп. 1, ед. хр. 5, 7.

ф. 379: «Канцелярия коменданта г. Кизляр», оп. 1, д. 14, 17, 29, 69, 212, ед. хр. 159, 160.

Центральный государственный исторический архив Грузии (ЦГИАГ):

ф. 1452: «Коллекция персидских документов», оп. 1, ед. хр. 15, 16, 17, 18, 24, 25, 30.

ф. 1453: «Коллекция турецких документов», оп. 1, д. 21, 22, 23.

II. Материалы рукописных фондов

Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН:

ф. 1, оп. 1, д. 291: «Материалы по истории Дагестана XVII-XVIII вв.».

2. Институт рукописных документов АН Грузии:

ROS 136: «Грамоты персидских шахов к катоколикосам и царям грузинским».

ROS 181: «Замечания против списка подполковника Скалона».

III. Опубликованные материалы

Айтберов Т. М., Шихсаидов А. Р. Четыре памятные записи о борьбе против Надира Афшара // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980.

Айтберов Т. М. ЦӀоралгӀул аварзул рагъазул тарих. Махачкала, 1986.

Армянская анонимная хроника. 1722-1736 гг. Изд. 2-е. Баку, 1988.

Астрабади М. М. Джанхонгоша-е Надири. Техран, 1344 (перс. яз.).

Базен Ф. Намэ-йе табиб-е Надер-шах. Техран, 1380 (перс. яз.).

Братищев В. Известия о происходивших между шахом Надиром и его старшим сыном печальных происшествиях в 1741-1742 гг. СПб., 1763.

Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. В 3-х ч. Ч. 1. СПб., 1869.

Бутков П. Г. Выдержки из «Проекта о персидской экспедиции в виде писем», 1796 г. // История, география и этнография Дагестана в XVIII-XIX вв. М., 1958.

Бутков П. Г. Сведения о силах, числе душ и деревень в Дагестане, 1796 г. // История, география и этнография Дагестана в XVIII-XIX вв. М., 1958.

Гербер И. Г. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курою народах и землях и об их состоянии в 1728 г. // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., 1790.

Гербер И. Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря в 1728 г. // История, география и этнография Дагестана в XVIII-XIX вв. М., 1958.

Документальная история образования многонационального государства Российского. Кн. I: Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX вв. М., 1998.

Донесения английских посланников и резидентов при русском дворе с 1728 по 1743 год // Сборник императорского русского исторического общества (Сб. РИО). Т. 66. - СПб., 1889. Т. 76. - СПб., 1891. Т. 99. СПб., 1897.

Донесения французских послов и резидентов при русском дворе с 1732 по 1741 год // Сб. РИО. Т. 81. СПб., 1892. Т. 96. СПб., 1896.

Дренякин И. Т. Краткое исчисление по всем именованным владениям, сколько имеет каждый владелец деревнями дворов и во оных душ мужского пола.. и сколько получает доходов и может выставить войска, 1796 г. // История, география и этнография Дагестана в XVIII-XIX вв. М., 1958.

Еропкин Д. Ф. Реестр горским владельцам в 1732 г. // История, география и этнография Дагестана в XVIII-XIX вв. М., 1958.

Известия о двух возмущениях, случившихся в Константинополе в 1730 и 1731 годах при низложении Ахмета III и возведении на престол Магомета V. Пер. с франц. СПб., 1730.

Каяев А. С. Разгром Надир-шаха в Дагестане // Наш Дагестан, 1991, №2.

[Лерх И. Я.] Выписка из путешествия Иоганна Лерха, продолжавшегося от 1733 по 1735 год из Москвы до Астрахани,

ЛИТЕРАТУРА

а оттуда по странам, лежащим на западном берегу Каспийского моря // Новые ежемесячные сочинения. Ч. 43. СПб., 1790.

[Лерх И. Я.] Известие о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию от 1745 по 1747 год // Новые ежемесячные сочинения. Ч. 50. СПб., 1790.

Мухаммад-Казим. Намэ-йи Аламара-йи Надири. Т. 1-3. М., 1960-1963 (перс. яз.).

Новая история Ирана. Хрестоматия. М., 1988.

Русско-дагестанские отношения XVII-первой четверти XVIII в. Документы и материалы. Махачкала, 1958.

Русско-дагестанские отношения в XVIII - начале XIX в. Сборник документов, Махачкала, 1988.

Сами, Шакир, Субхи и Иззи/Тарих. Стамбул, 1198 (турецк. яз.).

Съезд народов Дагестана, 15 декабря 2010 г. Махачкала, 2011.

Отрывки из исторических песен народов Дагестана // Комсомолец Дагестана. 15.03.1991.

Unat R.F. Osmanlı seferleri ve sefaretnameleri. Ankara. 1958 (турецк. яз.).

Персидские исторические документы в книгохранилищах Грузии. Кн. I. Вып. 4. Тбилиси, 1974.

Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного Совета (1726-1730) // Сб. РИО. Т. 55. СПб., 1886.

Хан Муртузали. (Лакский эпос)//Хрестоматия. Махачкала, 1947.

Хроника войн Джара в XVIII столетии. Баку, 1931.

Юдин А. П. Россия и Персия в конце 1742 г. Из писем переводчика В. Брагищева канцлеру князю А. Черкасскому// Русский архив. Кн. I. Ч. 3., 1889.

Юзефович Т. Д. Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб., 1869.

Абакаров М. Легендарная битва // Советский Дагестан. N 2, 1991.
Абашилов А. Подвиг народа в тени истории. Андалалцы // Зов предков. N 1, 1991.

Абдуллаев Г. Б. Азербайджан в XVIII веке и его взаимоотношения с Россией. Баку, 1965.

Абдурахманов А. А. Азербайджан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана в первой половине XVIII века. Баку, 1964.

Азимли Д. М. Надир-шах Афшар –полководец, воин, правитель. // Кавказ и Ближний Восток: от Каспийского похода Петра I до распада державы Надир-шаха. Материалы Международной научной конференции, проведенной в рамках «Года Российской истории». Махачкала, 2012.

Алиев Ф. М. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII века. Баку, 1975.

Алиев Б. Г., Умаханов М.-С. К. Союзы сельских общин в борьбе за независимость Дагестана в XVII - первой половине XVIII в. // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху Средневековья. Махачкала, 1986.

Алиев Б. Г., Умаханов М.-С. К. Историческая география Дагестана в XVI-начале XIX в. Махачкала. Кн. I-1999, Кн. II – 2001.

Айтберов Т. М. Надир-шах Афшар и дагестанцы в 1741 г. Махачкала, 2011.

Айтберов Т. М., Каяев И. А. К толкованию событий на Восточном Кавказе (о третьем походе Надир-шаха на Дагестан). Махачкала, 2011.

Алкадари Г. Э. Асари Дагестан. Исторические сведения о Дагестане. Махачкала, 1994.

Арунова М. Р., Ашрафян К. З. Государство Надир-шаха Афшара. Очерки общественных отношений Ирана в 30-40-х гг. XVIII века. М., 1958.

Ахмед Джевдет-паша. Описание событий в Грузии и Черкесии по отношению к Оттоманской империи от 1192 по 1202 г.х. (1775-1784 г.х.)// Русский архив. Кн. I, 1889.

Бакиханов А.-К.А. Гюлистан-и Ирам. Из истории Дагестана и Ширвана с древнейших времен до 1813 г. Баку, 1991.

Бакиханов А.-К.А. О походах шах Надир в Дагестан // Кавказ. Т. 1. Тифлис, 1846.

Бартольд В. В. Иран. Исторический обзор // Соч. Т. 7. М., 1971.

Berkok I. Tarichte Kafkasya. Istanbul, 1958 (турецк. яз.).

Брезин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью, в 2-х ч. Ч. 1. Казань, 1850.

Броневский С. Новейшие географические и статистические известия о Кавказе. В 2-х ч. Ч. 1. М. 1823.

Бутурлин Д. П. Военная история походов россиян в XVIII столетии. Ч. 1-2 СПб., 1819-1823.

Гаджиева С. Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование М., 1961.

Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965.

Гаджиев В. Г. Сочинение И.Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекою Курюю находящихся» как источник по истории народов Кавказа. М., 1979.

Гаджиев В. Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала, 1996.

Гасанов М. Р. История Дагестана с древности до конца XVIII в. Махачкала, 1997.

Гезалова Нияр. Вопросы истории Азербайджана XVIII века (на основе сведений англоязычных источников и историографии). Баку, 2010.

Gökçe S. Kafkasya ve Osmanlı İmparatorluğunun Kafkasya siyaseti. Istanbul, 1979 (турецк. яз.).

Годдуси М. Х. Надир-намэ. Хорасан (Мешхед), 1399 (перс. яз.).

Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. В 6 т. Т. 1-2, СПб., 1971, 1886.

Erel Ş. Dağıstan ve dağistanlılar. Istanbul, 1961 (турецк. яз.).

Cevdet A. P. Tarih-i Cevdet Cilt. I. Istanbul, 1966 (турецк. яз.).

Зевакин Е. С. Прикаспийские провинции в эпоху русской оккупации. Баку, 1927.

Зубаиров М. Легендарный Сурхай-хан // Дагестанская правда, 23-24.01.1991.

История о персидском шахе Тахмас Кули-хане. Пер. с франц. Решетовым С. СПб., 1790.

История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века (Пигулевская Н.В. и др.). ЛГУ, 1958.

История Азербайджана. В 2 т. Т. 1. Баку, 1958.

История Дагестана. В 4 т. Т. 1. Махачкала, 1967.

История России с древнейших времен до конца XVIII в. (Под ред. Рыбакова Б. А.). М., 1975.

История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века (Отв. ред. Пиотровский Б. Б.). М., 1988.

История Дагестана с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Т. 1: История Дагестана с древнейших времен до XX в. М., 2004.

Искажая факты и историю // Тенглик, 21, 25.02.1994.

Казанбиев Алибек. О походах Надир-шаха в Дагестан//Новое дело, 2011, 30 сентября. №38.

Козлова А. Н. Страница освободительной борьбы народов Дагестана // Страны и народы Востока. Вып. 18. М., 1976.

Козлова А. Н. «Намэ-йи Аламара-йи Надири» Мухаммад-Казима о первом этапе похода Надир-шаха на Табасаран // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху Средневековья. Махачкала, 1976.

Козубский Е. И. История города Дербента. Темирхан-Шура, 1906.

Креатаци А. Е. История войн 1721-1736 гг. Ереван, 1939.

Курбанов М.-З. Ю. Борьба чирагцев против войск Надир-шаха (по историко-этнографическим материалам). // Кавказ и Ближний Восток: от Каспийского похода Петра I до распада державы Надир-шаха. Материалы Международной научной конференции, проведенной в рамках «Года Российской истории». Махачкала, 2012.

Магомедов Н. А. Положение Дербента в условиях борьбы народов Дагестана против захватнической политики Надир-шаха в 30-х гг. XVIII в. // Там же.

Мустафазаде Т. Т. Борьба Надир-шаха Афшара за возвращение кавказских владений Сефевидов и его первый Кавказский поход. // Там же. С. 204-212.

Нифталиев Н. Надир-шах Афшар и Дагестан. // Там же. С. 212-219.

Левиатов В. Н. Очерки из истории Азербайджана в XVIII веке. Баку, 1948.

Lockart L. Nadir Shah. A critical study based mainly upon contemporary sources. London, 1938.

Локкарт Л. Надир-шах. Критическое исследование на основе первоисточников. (Лондон-1938). Пер. с англ. Н. Гезаловой. Баку, 2004.

Магомедов Р. М. Битва близ аула Чох. Махачкала, 1940.

Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический

строй Дагестана в XVIII - начале XIX вв. Махачкала, 1957.

Магомедов Р.М. История Дагестана с древнейших времен до конца XIX в. Махачкала, 1968.

Магомедов Р. М. Легенды и факты. Из записных книжек историка. Махачкала, 1970.

Магомедов Р. М. Исторические этюды. Махачкала, 1975.

Магомедов Р. М. История Дагестана. Ч. 1. Махачкала, 1985.

Магомедов Р. М. Россия и Дагестан. Махачкала, 1987.

Магомедов Р. М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала, 1999.

Магомедов Р. М. Единство народов – великое благо Дагестана. Махачкала, 2001.

Магомедов Р. М. Вековые ценности Дагестана. Махачкала, 2005.

Магомедов Г. А. Борьба горцев Дагестана с иранскими полчищами и разгром войск Надир-шаха в лагере «Иран хараб» // Вестник ИИАЭ ДНЦ РАН, 2010. №3 (23).

Маркова О. П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М., 1966.

Маршаев Р. Г., Бутаев Б. Б. История лакцев. Махачкала, 1991.

Мейер М. С. Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М., 1991.

Минорский В. Тарихче-йе Надершах Техран, 1313. (на перс. яз.).

Мирзамагомедов Г. М. К истории борьбы дагестанцев против Надир-шаха. (По дагестанским арабоязычным источникам) // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху Средневековья. Махачкала, 1986.

Мохтодар Г. Х. Наардхое бозорг-е Надершах. Техран, 1380 (перс. яз.).

Мурадов Н. Кто победил Надир-шаха // Молодежь Дагестана. 17.04.1998.

Мусаев С. А., Курбанов А. Д., Каяев И. А. Гази-Кумух. Эпоха Сурхай-хана I. Махачкала, 2011.

Мусаев Махач. О Надир-шахе в Дагестане в англоязычной биографической литературе // Новое дело, 2011. №3, 4. 2 сентября.

Мусаев Махач. Последний завоеватель Востока: О Надир-шахе в Дагестане в англоязычной биографической литературе. «Ахульго». Махачкала, 2013. №1 (13).

Неверовский А. А. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов в Закавказье. СПб., 1848.

Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Очерки истории Южного Дагестана с древнейших времен до конца XIX века. Махачкала, 1964.

Ризванов Р. И. В походы ходили вместе // Дагестанская правда, 24.04.1991.

Сардадвар А. Т. Тарих-е незами ва сийаси-йе доване Надершах-е Афшар Техран, 1395 (на перс. яз.).

Симонович Ф. Ф. Описание Табасарана, 1796 // История, география и этнография Дагестана в XVIII-XIX вв. М., 1958.

Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX вв. М., 1958.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. X. Т.: 19, 20. Кн. 11. Т. 21. М., 1963.

Сотавов Н. А. К вопросу о политике Ирана и Турции в Дагестане в 40-х гг. XVIII века // Вопросы истории и этнографии Дагестана // Сборн. научн. сообщ. ДГУ. Вып. 2. Махачкала, 1972.

Сотавов Н. А. К вопросу о кавказской политике Ирана и Турции в Дагестане в первой трети XVIII века // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Сборн. научн. сообщ. ДГУ. Вып. 6. Махачкала, 1976.

Сотавов Н. А. Освободительная борьба народов Северного Кавказа в свете русско-иранских и русско-турецких отношений XVIII в. (В освещении зарубежной историографии) // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху Средневековья. Махачкала, 1976.

Сотавов Н. А. Кавказ в политике Ирана, России и Турции в первой половине XVIII века (по материалам иранских и турецких источников) // Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения. М., 1984.

Сотавов Н. А. Северный Кавказ в кавказской политике Ирана, России и Турции в первой половине XVIII века. Махачкала, 1989.

Сотавов Н. А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях XVIII века. От Константинопольского договора до Кючук-Кайнарджийского мира 1700-1774 гг. М., 1991.

Сотавов Н. А. Кавказская проблема в русско-иранских, русско-турецких и ирано-турецких отношениях XVIII века. (Зарубежная историография) // Научная мысль Кавказа. N 2. Ростов н/Д., 1998.

Sotavov N. A. THE CIRCUM – CASPIAN AREAS WITHIN THE EURASIAN INTERNATIONAL RELATIONSHIPS AT TIME

OF PETER THE GREAT AND NADIR-SHAH AFSHAR. // IRAN & the CAUCASUS V Research Papers from the Caucasian Centre for Iranian Studies, Yerevan.

Сотавов Н. А. Хадисова С. Р. Прикаспийские области в международной политике эпохи Петра I и Надир-шаха Афшара // Вестник ИИАЭ ДНЦ РАН, 2005. №2.

Сотавов Н. А. Дагестан и Азербайджан в борьбе против Надир-шаха: содружество сторон в свете геополитики и сотрудничества с Россией // Историко-культурные связи народов Дагестана и Азербайджана: через прошлый опыт взгляд в XXI век. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию Азиза Алиева.

Сотавов Н. А., Касумов Р. М. Дагестан и Каспий в международной политике эпохи Петра I и Надир-шаха Афшара. Монография. Махачкала, 2008.

Сотавов Н. А., Хапарсланова Б. Б. Дагестан и Ширван во взаимоотношениях России, Ирана и Турции в XVIII веке (1707-1747 гг.) в освещении отечественной и зарубежной историографии // Вестник ИИАЭ ДНЦ РАН, 2010. №3 (23).

Сотавов Н. А. Северный Кавказ в русско-иракских и русско-турецких отношениях в XVIII - начале XIX вв. От Константинопольского договора до Гюлистанского трактата: 1700-1813 гг. Махачкала, 2012.

Сотавов Н. А. Освободительная борьба народов Дагестана против иноземных завоевателей: основные этапы и исторические уроки. // Дагестан и Северный Кавказ в культурно-историческом измерении. Материалы Международной научной конференции, приуроченной к 85-летию академика Гаджи Гамзатовича Гамзатова. Махачкала, 2012.

Сотавов Н. А. Кавказские походы Петра I и Надир-шаха Афшара и их последствия для народов региона. // Кавказ и Ближний Восток: от Каспийского похода Петра I до распада державы Надир-шаха. Материалы Международной конференции, проведенной в рамках «Года Российской истории». Махачкала, 2012.

Сотавов Н. А. Борьба народов Дагестана против владычества Надир-шаха в контексте кавказской политики Российской империи. // Дагестан и дагестанцы: взгляд на себя: Сб. статей. М., 2013.

Тамай А. И. К вопросу о провале дагестанской кампании шаха Надира (1741-1743 гг.) // Уч. зап. ИИЯЛ ДагФАН СССР. Т. 5, 1958.

Tabrisi P. R. Iran under Karim Han (1752-1779). - Cottingen, 1970.

Тер-Аветисян С. В. Походы Тахмас Кули-хана и избрание его шахом в описании Акопа Шемахеци. Ереван, 1932.

Тер-Мкртчян Л. X. Армения под властью Надир-шаха. М., 1963.

Техрани М. III. Тарих-е Надершах. Надер-намэ. Тегран, 1349 (перс. яз.).

Olson R. W. The Siege Mosul and Ottoman - Persian Relations 1718-1743. - Bloomington, 1966.

Умаханов М.-С. К. Политические взаимоотношения союзов сельских обществ Дагестана в XVII-XVIII вв. // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII - начале XIX вв. Махачкала, 1981.

Умаханов М.-С. К. Взаимосвязи феодальных владений Дагестана в XVIII-начале XIX вв. (политический аспект). Махачкала, 2007.

Uzunçarşılı I. H. Osmanlı Tarihi. Citi 3. Ankara, 1956 (турецк.яз.).

Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI- начале XIX вв. - Л., 1949.

Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. В 5 т. Т. 1. Вып. 1, СПб., 1885.

Потто В. Два века Терского казачества (1557-1801). Т. 1. Владикавказ, 1912.

Hanway J. A historical Account of the British Trade over the Caspian Sea. Vol. 1-2. London, 1962.

Hammer J. von. Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. 4. Pest, 1830.

Hekmat M. A. Essay sur l'histoire des relations politique irano-ottomanes de 1722 a' 1747. Paris, 1937.

Шихалиев Д.-М. Рассказ кумыка о кумыках. Махачкала, 1993.

Экбаль А. Тарих-е мофессал-е Иран аз эстила-йе могуул та энгераз-е Каджари-йе. Тегран, 1360 (перс. яз.).

Jones W. The Histori of the Nader Shah king of the Persia. London. 1770.

Aworhtu, Michael. The Sword of Persia: Nader Shah, from Tribal Warrior to Conquering Turant (I. B. Tauris, 2006, 2009, 2010).

Eraser J. The history of Nader Shah, formerlu called Thamas Kuli Khan. London, 1772.

Юнусова Л. И. Политика Англии в бассейне Каспийского моря в 30-40-х годах XVIII века в английской историографии. // Историография Ирана нового и новейшего времени. М., 1989.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

<i>Б.Г.Алиев, З.М.Нахибашев. Предисловие</i>	3
Введение	7
Глава I. Походы Надир-шаха в Дагестан в источниках и исторической литературе	11
§ 1. Отражение походов Надир-шаха в сочинениях отечественных авторов XVIII-XIX вв.	11
§ 2. Походы Надир-шаха в Дагестан в освещении историков XX- начала XXI вв.	28
Глава II. Дагестан накануне нашествий Надир-шаха Афшара	59
§ 1. Этническая карта и границы размещения феодальных владений и «вольных» обществ (союзов сельских общин) ...	59
§ 2. Политический строй и взаимоотношения феодальных владений и союзов сельских общин	73
§ 3. Дагестан в планах противоборствовавших сторон со времени ликвидации иранского гнета до начала вторжения Надир-шаха Афшара	82
Глава III. Начало нашествий Надир-шаха на Дагестан и их последствия (1734-1738 гг.)	105
§ 1. Прикаспийские области и Дагестан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана накануне нашествий Надир-шаха Афшара	105
§ 2. Поход Фетхи-Гирея на Северный Кавказ и первое нашествие Надир-шаха на Дагестан (1733-1734 гг.)	118
§ 3. Второе нашествие Надир-шаха на Дагестан. Поражение иранцев в Джаро-Белоканах	142
Глава IV. Провал Дагестанской кампании шаха Надир-шаха. Крах «Грозы Вселенной»	169
§ 1. Подготовка Дагестанской кампании: военно-политические и дипломатические предпосылки	169

§ 2. Начало Дагестанской кампании шаха Надир-шаха. Оккупация Предгорного и части Нагорного Дагестана	184
§ 3. Поход Надир-шаха в Аварию и Лакию. Поражение «Грозы Вселенной» в Андалале	203
§ 4. «Иран хараб». Освободительная борьба народов Дагестана - важный фактор подрыва военно-политической мощи державы Надир-шаха	222
§ 5. Провал завоевательной политики Надир-шаха в Дагестане. Крах «Грозы Вселенной»	240
Заключение	267
Приложение	279
Терминологический словарь	287
Библиография	291
Литература	295

instituteofhistory.ru

Сотавов Надырпаша Алыпкачевич

КРАХ «ГРОЗЫ ВСЕЛЕННОЙ» В ДАГЕСТАНЕ

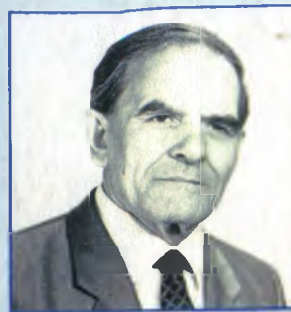
Редактор – Г. Бейбутова
Верстка – Д. Дмитриева
Дизайн обложки – Г. Магомедов

*Карты походов и сражений предоставлены
председателем Дагестанского географического общества
Эльдаром Эльдаровым*

*На 1-й стр. обложки – фрагмент картины заслуженного художника РФ
Магомеда Шабанова «Андаал. Военный совет на Хицибском поле накануне
битвы с Надир-шахом»*

Подписано в печать 27.03.13 г.
Гарнитура “Minion Pro”.
Формат 60x84/16. Тираж 500 экз.
Заказ №15.

ООО «Издательский дом “Эпоха”»
367003 Республика Дагестан
г. Махачкала, ул. Ушакова, 3«в»
Тел./факс +7(8722) 67-55-56
www.epokha.ru
E-mail: idepoha@mail.ru

Сотавов Надырпаша Алыпкачевич - видный ученый, историк-востоковед, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РД, заслуженный работник высшей школы РФ. Закончил исторический факультет Даггосуниверситета в 1961 г. С тех пор до конца 2009 г. работал секретарем комитета ВЛКСМ ДГУ, деканом истфака, зав. кафедрами всеобщей истории и истории стран Азии и Африки. С 2006 г. - руководитель научной школы «Кавказ, Ближний и Средний Восток в мировой политике: история и современность» и Центра исследований стран Ближнего и Среднего Востока.

Автор 7 монографий и свыше 100 статей, способствующих развитию нового научного направления о месте и роли Северного Кавказа во взаимоотношениях России, Ирана и Турции в XVIII-XIX вв.: «Северный Кавказ в кавказской политике России, Ирана и Турции в первой половине XVIII в.» (1989); «Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях XVIII в.: от Константинопольского договора до Кючук-Кайнарджийского мира: 1700-1774 гг.» (1991); «Крах «Грозы Вселенной»(2000); «Северный Кавказ в составе Российской империи» (в соавт.-2007 г.); «Дагестан и Каспий в мировой политике эпохи Петра I и Надир-шаха Афшара»(в соавт.-2008); «Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII- начале XIX вв.: от Константинопольского договора до Гюлистанского трактата: 1700-1813 гг.»(2012).

Труды Н.А. Сотавова пронизаны идеями патриотизма и единства народов региона в составе России. Эти идеи прозвучали в открытом в Дагестане в августе 2004 г. величественном мемориале «Ватан» («Дружба»), увековечившем победу дагестанских народов над Надир-шахом в сентябре 1741г.

Его известность в отечественных и зарубежных научных кругах обеспечивает конструктивные связи с ведущими научными центрами России, Азербайджана, Ирана, Турции, Египта и др. стран Востока.

За вклад в исследование взаимоотношений России с народами Кавказа, Ближнего и Среднего Востока, издание монографий по проблемам патриотизма и дружбы народов и многолетний труд по подготовке высококвалифицированных кадров историков-востоковедов Н.А. Сотавов награжден пятью медалями, Почетными грамотами различных учреждений и ведомств, ученый занесен в Книгу почета Даггосуниверситета.